891
Г71
М
132135

М. ГОРЬКИЙ

ПИСЬМА В СИБИРЬ

1903—1936

Красноярское краевое издательство
1948

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. предыд. выдач _____

Тип. «Московский большевик». З. 4414.

Мкн 132135

891
Г 71

М. ГОРЬКИЙ

ПИСЬМА В СИБИРЬ

1903—1936

Сборник составлен:
С. Е. Кожевниковым и А. Л. Коптеловым
Вступительная статья
С. Е. Кожевникова

З 11-81
Ук 132135

Красноярское краевое издательство
1948

Ответ. за выпуск З. Семигук.
Техн. редактор А. Кокоулина.

Сдано в набор 26 августа 1948 г. Подписано к печати 26 ноября 1948 г. Объем 10 п. л. Тираж 7.000 экз. З каз. 4259. АЛ00050.

Типография «Красноярский рабочий», проспект имени Сталина, 55.

ГОРЬКИЙ И СИБИРЬ

1

Деятельность А. М. Горького как художника, как критика и публициста, общественного деятеля была исключительно многообразной и яркой. Он был не только великим и первым мастером пролетарской, социалистической литературы. Он был организатором новой литературы. Одной из характерных черт его была любовь к новым силам из народа, идущим в литературу, помощь им в их писательском труде.

На протяжении всей своей необыкновенной жизни Горький неустанно, ежедневно работал по выявлению новых дарований, по направлению их творчества на путь служения интересам народа. С присущим ему трудолюбием он прочитывал тысячи рукописей и книг начинающих писателей. Достаточно сказать, что еще в 1906—1910 гг. им было прочитано свыше четырехсот рукописей «писателей из народа» — рабочих, крестьян, сапожников, дворников, извозчиков, солдат, каторжан и т. д. Количество этих рукописей, проходящих через руки Горького, из года в год возрастало. «Мне приходится прочитывать не менее 40 рукописей в месяц и каждый день писать три, пять, семь писем», — сообщает он в 1912 г. П. Максимову. Для десятков и сотен людей, бравшихся за перо, не было более авторитетного писателя и критика, чем Горький. И они тянулись к Горькому, ждали от него помощи и совета. И эту помощь они получали.

Многие талантливые советские писатели обязаны своим появлением на свет, как писатели, Алексею Максимовичу, его внимательной и чуткой поддержке. «Если составить список современных молодых писателей, так или иначе обязанных Горькому,—писал как-то М. Слонимский, — пришлось бы переименовать чуть ли не всех».

Горький интересовался не только отдельными авторами, но и целыми литературными коллективами. После Октябрьской социалистической революции в г. Иваново выросла целая группа советских писателей. Она печатала свои произведения в газете «Рабочий край», издавала небольшие сборники, альманахи. Горький первый замечает работу этой группы и оказывает ей помощь. Он пишет дружеские письма Семеновскому, знакомится со стихами Семенова, Барковой, Дмитриева, Артамонова, Жижина, с рассказами Шошина. Не ограничиваясь перепиской, Горький привлекает наиболее талантливых ивановских писателей к сотрудничеству в журналах. Он поддерживает связь с ивановцами в период своего пребывания в Италии, не упускает их из поля своего внимания после возвращения из-за границы. На протяжении многих лет он делает все, чтобы обеспечить молодым ивановским литераторам продвижение в большую литературу.

В 1927 г. в «Правде» был опубликован чрезвычайно интересный документ — записка В. И. Ленина библиотекарю Ш. Маначурьянц. 28 января 1921 г., после беседы с Горьким о растущих пролетарских талантах в Иванове, Ленин написал библиотекарю:

«Прошу достать (комплект) «Рабочий край» в Ив. Вознесенске. (Кружок настоящих пролетарских поэтов).

Хвалит Горький } Жижин, Артамонов, Семеновский».

Длительной и широкой была связь Горького с коллективом писателей-сибиряков. Из 44 лет своей литературной деятельности он свыше 30 лет вел переписку

с сибирскими писателями, неоднократно писал о литературе в Сибири в своих статьях, говорил о ней во многих речах и в беседах.

Трудно назвать другой край, которым Горький так же горячо интересовался, как Сибирью. Это не случайно. Сибирь, эта «чудовищно богатая страна», как писал Горький, отделенная тысячами километров от «гнилых берегов Балтики», страна с своеобразной историей, с вольнолюбивыми настроениями, с многоплеменным составом населения, с «поражающим воображение» будущим, — она не могла не заинтересовать великого писателя, не могла не приковать к себе его внимания.

Интерес Горького к Сибири возник еще в первый период его литературно-общественной деятельности. В 1896 году в «Нижегородском листке» он описывал павильон горных округов Сибири на Всероссийской промышленной выставке. Уже в этой статье звучит гордость Горького Сибирью, ее богатствами:

«Не красна изба углами» вот что думается, когда подходишь к павильону Сибири, ждешь, что она окажется «красна пирогами», и не ошибаешься... Прямо перед нами два стола и на них вылеплены рельефные карты Нерчинского и Алтайского горных округов. Карты сделаны хорошо, месторождения и разработки руд показаны на них шариками золота, серебра, угля и пестрыми. Последние указывают россыпи самоцветных камней. Смотришь на эти горы и понимаешь, что есть «золотое дно». Чувствуешь гордость, ибо, по словам знаменитых металлургов, горы Алтайского и Нерчинского округов сплошь рудоносны и можно безошибочно предсказать, что в верховьях тех речек, по берегам которых открыты россыпи, существуют богатейшие жилы. Речек по Алтаю и другим хребтам Сибири бездна, на карте горы все почти покрыты голубой сетью извилистых линий, показывающих течение рек».

В статье этой Горький бросал упрек промышленникам, которые, оборудовав павильон природных богатств Сибири, не показали трудовых процессов рабочих, которые добывают эти богатства. «Очень хочется знать,—

писал Горький, — кто, чем и как вытащил из земли эти 10.000 пуд. золота и дал государству за 30 лет почти 300.000.000 золотых рублей, не считая серебряных и медных, не принимая во внимание драгоценных камней. Кто они, эти добрые гномы, снабжающие отечество презренным, но необходимым металлом? Как это они делают и как они при этом поживают?»

Горький восхищался изделиями из яшмы, порфира, орлеца, которые производили безвестные сибирские художники. И снова ставил вопрос о производителях:

«Неизвестно, кто, как и чем делает чудеса из камня... И ничего, чтобы поясняло все эти образцы горной промышленности двух громадных районов Сибири... Впрочем, высоко на стене помещены пейзажи сибирской природы, в одном месте изображено даже как «старатели» промывают золото. Но—и только. Это все, что дано в виде пояснительной иллюстрации к образцам трудов сотен тысяч населения горных округов Сибири».

Дореволюционные историки в своих трудах почти не замечали Сибири. Под влиянием централистических стремлений царской власти, научно-историческая мысль разрабатывала, главным образом, историю центральной России. И если «история Малороссии» или «литовско-русского государства» еще изучалась хотя бы в экскурсах, то история огромной Сибири оставалась почти совершенно неразработанной. Историки, а вместе с ними и русские писатели не показали деятельности русского народа в Сибири.

Упрекая русских писателей-классиков в том, что они просмотрели русский народ, как историческую строительную силу, А. М. Горький писал в 1908 г. в «Истории русской литературы»:

«Русский народ... без помощи государства захватил и присоединил Москве огромную Сибирь, руками Ермака и понизовой вольницы, беглой от бояр. Он, в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев, открывал новые места, проливы — на свой счет и за свой страх. Он же додумался на 53 года ранее Дениса Папина до изобретения паровой водо-

подъемной машины... Этим народом сделано много дела, у него есть большая история».

Сибирь интересовала Горького огромной строительной деятельностью, которую провел здесь русский народ, народ, который за каких-нибудь шестьдесят лет прошел по нехоженным путям дикую, неисследованную землю от Урала до Тихого океана и заложил здесь основы цивилизации.

Сибирь привлекала великого писателя составом своего населения, «бунтарским духом», «хорошими задатками», «здоровой кровью».

В первом же письме в Сибирь, которым открывается настоящий сборник, Горький писал: «Сибири пора выходить на широкую дорогу. Крепостного права вы не знали, от царя жили далеко, страна просторная и богатая, политическая ссылка вам не мало дала. Нут-ко, сибиряки, двигайте вперед!».

В 1903 г., получив информацию о восстании в 1698 г. красноярских казаков, Алексей Максимович восхищенно писал: «Чертовски интересно. Выходит, что вы, сибиряки, определили и стрельцов и Пугачева—исконные бунтовщики!» «Какие у вас, сибиряков, бунтовские корневища длинные!» — восклицает он в другом письме. Особенно радовало Алексея Максимовича вооруженное восстание красноярских рабочих в 1905—1906 гг., создавших второй в стране Совет рабочих депутатов. «Я неравнодушен к безумству храбрых, — бросает он фразу в одном из писем, — потому душевный вам привет!».

В 1912 г. в письме В. И. Анучину Горький высказывает глубокую уверенность в вольнолюбивости народа Сибири: «Не бывал я в Сибири, но много видел сибиряков — это особый народ, — и я несокрушимо верю, что он может сделать большую работу».

Эту же мысль он неоднократно высказывал в личных беседах с сибиряками. В 1914 г. он говорил одному сибирскому писателю: «Вообще я склонен думать, что Сибирь еще себя покажет... Народ туда все шел живой, беспокойный: политические ссыльные, беглые

крестьяне и просто смелые, вольнолюбивые люди... Да и крепостного права там не было. Хороший дух должен быть у Сибири. Крепкий, ядреный, смолистый этакий, вот как у молодой сосны».[1]

Месяц спустя он говорил о Сибири в беседе с другим сибирским писателем: «А хорошая страна. И народ в ней настоящий, верный народ. Я многих сибиряков перевидел на своем веку».

В течение многих лет Горький неослабно интересовался общественной и культурной жизнью Сибири. Почти все его письма в Сибирь неизменно пестрят запросами сведений по истории Сибири, о противоречиях между Азиатской и Европейской Россией, о революционном движении. Он читал десятки книг по вопросам Сибири, с увлечением знакомился с сибирским фольклором.

По вопросам Сибири Алексей Максимович много раз беседовал с В. И. Лениным, переписывался с ним. Из 23 писем Горького сибирскому литератору Анучину, публикуемых в настоящем сборнике, в пяти письмах говорится о Ленине.

В. И. Анучин в течение десяти лет был корреспондентом Ленина и Горького. Владимир Ильич, как сообщает Анучин в своей статье «Переписка с Владимиром Ильичем»[2], «был ненасытным в отношении материалов и информации». Больше всего он запрашивал материалов и информации о Сибири, или по вопросам, близко связанным с нею. Одним из таких вопросов был пресловутый лозунг «Азия для Азиатов», который Владимир Ильич считал чистейшей авантюрой. Много раз Владимир Ильич писал в своих письмах по поводу того шума, который подняла в свое время американская и японская печать о «конце» европейской эры культуры и о наступ-

---

[1] Эту же мысль высказывал В. И. Ленин в 1901 г. в статье «Крепостники за работой»: «Как ни быстро растет народная нужда в Сибири, все же тамошний крестьянин несравнимо самостоятельнее «российского» и к работе из-под палки мало приучен».

[2] Самаркадинская газета «Ленинский путь», № 18, за 21 января 1941 г.

лении тихоокеанской. Владимир Ильич относился к «тихоокеанской эре» юмористически.

Запрашивал Владимир Ильич сведения о «Сибирской конституции» — «Генеральном положении о Сибирских Соединенных Штатах», разработанном в 1857 г. петрашевцем Спешневым. Писал в Сибирь об областниках, о будущем Сибири, об участии Сибири в революции.

В. И. Ленин сыграл, очевидно, немалую роль в укреплении интереса Горького к вопросам Сибири. Судя по письмам, Сибирь была предметом многих бесед между Лениным и Горьким: в 1908, 1909, 1912 гг. Так, 7 июня 1909 г. Алексей Максимович писал Анучину: «Между прочим, В. Ул. (В. Ульянов — В. Ленин) часто вспоминает «сибирского шамана» и о тех беседах, которые вы вели с ним во время похождения в юдинскую библиотеку. Забавно выходит, как он в лицах изображает как вы, рыча октавой, завлекаете его в сибирскую веру».

Речь в этом письме идет о следующем эпизоде, описанном Анучиным в очерке «Встреча»[3]:

«Всего мне доводилось ходить с Владимиром Ильичем в библиотеку три раза (в период пребывания Ленина в Красноярске, на пути в Шушенскую ссылку.— С.К.). Однажды он, наконец, вспомнил намеченный разговор об областничестве, а я давно ждал его и, надо признаться, имел затаенную надежду распропагандировать Владимира Ильича. Старания я приложил много, но по лицу собеседника увидел, что моя агитация не имеет никакого успеха. Тогда я решил взять напором.

— Владимир Ильич, с вашими установками партия весьма считается, — скажите определенно ваше мнение.

— Можно!.. Если сибирское областничество не партия, а только демократический блок с лозунгом федеративного устройства России, то... то «до Твери нам с вами по пути».

Горький в своих письмах рекомендовал сибирякам прислушиваться к Ленину. В 1912 г., отвечая на пись-

---

3 «Литературный современник», № 1, 1940 г.

мо Анучину о будущем Сибири, Алексей Максимович советует: «По этому вопросищу Влул (Вл. Ульянов — Ленин. — С. К.) будет вам писать детально, а вы к нему прислушайтесь — это человек большого плавания».

Горький пропагандировал взгляды Ленина по вопросам Сибири, часто писал сибирякам и говорил с ними в личных беседах по тем же вопросам, по которым писал и Ленин. Одним из таких вопросов было областничество. Сибирские областники-сепаратисты, как известно, пропагандировали отделение Сибири от России. Они добивались разрыва культурных связей русского населения в Сибири со всем русским народом в целом, проповедывали «сепаратизм в живописи, в музыке, театре, литературе, в патриотизме; в материальной культуре и в духовной жизни».[1]

Алексей Максимович глубоко отрицательно относился к сепаратистским стремлениям областников. «Сибирь самостоятельно существовать не может, да и не к чему это», — говорил он в 1914 г. в беседе с сибирским писателем Вяч. Шишковым. Он выступал против культурнического областничества. На запрос Анучина об отношении к областникам, Горький ответил, что нужно поддерживать не культурническое, а революционное областничество.

Горький пользовался каждым случаем, каждым поводом, чтобы ободрить сибиряков, поддержать и укрепить в них революционные стремления, натолкнуть на «большую работу». «Вы люди здоровые, — писал он в одном из писем в Сибирь, — будите же самих себя, да и всю Русь к здоровой деятельной жизни!».

Алексей Максимович не ограничивался призывами. Он непосредственно сам вел большую работу по созданию «здоровой деятельной жизни» в краях и областях страны, в частности в Сибири.

Традиционной политикой царского правительства была задержка культурного и хозяйственного развития

---

1. Г. Н. Потанин. «Нужды Сибири», 1903 г.

окраин, превращение их исключительно в источник сырья. «Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве» (И. Сталин).

Горький боролся против этой варварской политики национального угнетения, бюрократической централизации, против насильственной задержки культурного развития областей и окраин, за развитие федерализма и областной самодеятельности, за развитие культурной жизни на окраинах и в областях.

В 1912 году в Москве сорганизовалось «Книгоиздательское товарищество» писателей, редактором которого был избран В. Вересаев. Алексей Максимович тотчас же обратился к Вересаеву с письмом (22-9 авг. 1912 г.):

«...Хотелось бы знать, как отнесетесь Вы и Ваши товарищи к изданию сборников инородческой и областной литературы?

Можно очень быстро сорганизовать сборники произведений сибирских, белорусских и украинских писателей, латышский и татарский — казанских татар. Затем нетрудно составить сборники грузинской, армянской, польской, финской и т. д.

Думаю, что вполне своевременно в наши националистические дни, и *было бы крайне важно, если бы за это дело ознакомления России с самою собой взялась не издательская фирма,* из соображений коммерческих, *а товарищество великорусских писателей.*

Это доброе и необходимое дело снова и быстро укрепило бы пошатнувшийся моральный и политический престиж русской литературы.

Сборники должны редактироваться коллективно, на местах и каждому должен быть предпослан небольшой очерк по истории культуры данного племени».

Вступив в редакцию «Современника», Горький поставил перед журналом задачу «дать возможную свободу, — как он писал в одном из писем М. Коцюбинскому,—идеям федерализма и широкой областной самодеятельности». «С 1913 г. «Современник» ставит своей

целью, — сообщал он Канделаки, — посильную разработку вопросов племенных и областных».

Аналогичное письмо Алексей Максимович послал и в Сибирь: «Реорганизуемый группой литераторов журнал «Современник» ставит себе главною целью разработку и освещение культурных запросов племен, входящих в состав империи, а также и запросов областей империи нашей... Вы, конечно, сами прекрасно понимаете новизну и серьезность для русского общества тех вопросов, которые хотелось бы поднять».

Мобилизуя вокруг «Современника» литературные силы, Горький устанавливает связи с сибирскими писателями, выявляет новые литературные силы, просит сибиряков присылать для журнала стихи, рассказы, статьи. В письме Анучину Алексей Максимович советует «сорганизовать товарищей сибиряков, дабы они выработали статью на тему о культурных запросах, желаниях и чаяниях Сибири». В другом письме Горький просит дать для «Современника» статью («небольшую, компактную, которая ставила бы вопрос ребром») на тему «крайне живую, всероссийски интересную» — о росте экономических противоречий между Азиатской и Европейской Россией».[1]

Огромное значение в развитии областной самодеятельности имеет создание культурных центров в областях. Горький выступает организатором этой работы в Сибири. Он помогает развитию в Сибири художественной литературы, на которую он всегда смотрел, как на орудие повышения общественной активности человека и духовного возрождения страны.

Еще в 1909 г. Горький выдвигает перед сибирскими писателями грандиозную задачу — создание большой литературы. «Сибири пора иметь не только новеллистов, но и писателей, работающих в крупных масштабах, —

---

[1] Редактирование литературного отдела «Современника» Горький принял на себя осенью 1912 г., но в 1913 г. отказался от редактирования ввиду буржуазной платформы редакции журнала.

пишет он в письме Анучину, — у вас — сибиряков — от природы хорошие задатки, здоровая кровь... Если Сибирь в науке дала Менделеева, а в живописи Сурикова, то почему бы ей не дать такую же величину в литературе? Я думаю, что наш будущий крупный романист будет из сибиряков».

Помогая развитию литературы в Сибири, Горький мечтал о том, что сибирские писатели внесут в общее русло русской литературы нечто свое, оригинальное, новое, окажут влияние на общероссийскую литературу. Он считал, что сибирские темы, в частности, внесут в литературу новую струю, освежат ее.

Спустя девять лет, в 1912 г., Алексей Максимович снова повторяет эту мысль: «Я придаю большое значение сибирской литературной мобилизации — и она важна не только сама по себе, но и как толчок для всея Руси».

Под знаком сибирской литературной мобилизации шли все связи Горького с Сибирью, его переписка с сибирскими писателями, его организаторская, педагогическая и издательская деятельность.

Особенно активная деятельность Горького по развитию литературы в Сибири, особенно оживленная его переписка с сибирскими писателями приходится на 1912—1913 годы, период подъема новой революционной волны после многих глухих мрачных лет реакции. Горький в этот период стремился объединить все силы, противостоящие реакции, собрать все молодые литературные дарования против реакционной литературы.

2

По письмам и рукописям Горький знал почти всех писателей, работавших в Сибири, знакомился с их книгами, давал советы, читал и правил их рукописи. Он не ждал, когда тот или иной начинающий сибирский писатель пришлет ему свою рукопись. Он умел своевременно заметить молодого литератора по первым его ли-

тературным опытам, завязать с ним переписку, сообщить ему «известную долю своего опыта».

«Не знаете ли вы сибиряка Н. Матвеева, автора рассказа «Мельник» в «Современном мире»? — запрашивает Горький Гребенщикова. «Если вы знакомы с Иосифом Ивановым, — пишет он Анучину, — спросите, нет ли у него каких-либо «сибирских» стихов? Если есть, пусть пришлет мне».

Горький регулярно переписывался с большой группой сибирских дореволюционных писателей. Одиннадцать лет (с 1903 по 1914 год) продолжалась его переписка с Анучиным. Длительный период он переписывался с Тачаловым. В 1912 — 1915 гг. часто получал письма от Алексея Максимовича Гребенщиков. Пять-шесть писем Горького получил сибирский поэт Кашинцев. Получали письма от Горького Вяч. Шишков, Вс. Иванов. Писал Алексей Максимович, вероятно, и Матвееву, Иосифу Иванову, Семенову. Получали письма от Горького томские художники Щеглов и Прохоров, занимавшиеся разработкой сибирского орнамента в прикладном искусстве. Горький горячо поддержал их «прекрасное начинание».

Письма великого писателя в Сибирь несли товарищеские советы, слова бодрости, поддержки. «Ваши несколько строк, — писал Горькому один из сибирских писателей, — независимо от того, ласковы они или суровы, на целые недели ободряют меня, да думаю и всякого». Алексей Максимович помогал сибирским писателям правильно понять задачи литературы, помогал работать, помогал расти. Он направлял их мысль и перо на революционный путь. Все его советы сибирским писателям проникнуты революционными устремлениями. «Мы живем во дни чрезвычайно трудные, требующие настоятельно упорной, организованной работы», — писал он в одном из писем в Сибирь. — «Должны же мы, наконец, — писал он в этом же письме, — устроить плохие домашние дела наши, чтобы свободно и сильно выйти на улицу, на праздник общечеловечьей веселой

работы по устроению на земле жизни светлой, радостной, свободной».

Он горячо поддерживал «дух бунтарства» в стихах Кашинцева. «Зачем молчать» (заглавие стихотворения Кашинцева. — С. К.) — очень недурно и правильно — молчать незачем. И, еще раз, приятно, что вы, Сибирь, хотите говорить. Кричи, ребята! Русь услышит...»

Горький радовался рождению в Сибири каждого хорошего рассказа, каждой хорошей книги, поздравлял автора с успехом, собирал иногда отзывы о новой книге, посылал их в Сибирь с такими приписками: «Видите, как прекрасно изобразили вы вашу каторжную Сибирь. Если вы напишите пять томов ученых исследований, то все-таки будет не то, что два-три хороших рассказа».

Письма сибирским писателям пестрят такими фразами: «Прочитал ваш рассказ «Уважили». Хорошо, сильно написанная вещь»; «Прочитал вашу детскую повесть «По горам и лесам». Прекрасно! Представляю, как будут зачитываться ребята»; «Очень рад сказать, что в новых вещах вы являетесь серьезнее и проще»; «Тайга» очень понравилась мне и я поздравляю вас, — это крупная вещь».

Иногда Горький рекомендовал тому или иному писателю тему для нового произведения или советовал перейти от мелких рассказов к большим полотнам. «Наконец-то вы заговорили о романе. Мое мнение? Оно вам известно, — писал он Анучину. — Написать же роман, взяв фоном социальномессианские ожидания Азии, — это превосходная мысль!». «О «Красноярской республике» вы обязаны написать и подробнее, а тиснем за границей. Не забудьте!» — писал он тому же Анучину в 1908 г.

Анучин не написал этой книги, и Горький через четыре года, в 1912 г., снова пишет: «Еще раз напоминаю, что вы взяли обязательство написать подробно о красноярских событиях 1906—1907 гг.». В 1914 г. спрашивает Анучина: «Как подвигается всеазиатский роман?».

Горький читал и правил рукописи почти всех сибирских писателей, пристально следил за их ростом. Начинающим литераторам помогал найти свою тему, свой стиль, помогал овладеть литературной техникой. В 1913 г. Горькому были посланы на о. Капри рукописи десятка сибирских писателей для «Сибирского сборника». Рукописи эти, как мы узнаем из письма Анучину, Горький «немедленно прочитал». На их полях появились многочисленные горьковские пометки, вопросы, замечания. Они говорили и о содержании и о форме произведений, обращали внимание на правильное построение фраз, на их художественную выразительность и на чисто звуковую сторону, на сочетание букв. «Это были первые серьезные указания, которые мы, начинающие тогда литераторы, получили от авторитетного лица, от внимательнейшего и строгого редактора», — пишет в своих воспоминаниях Арт. Ершов, представлявший для сборника свой рассказ «В земле обетованной».

Нередко Алексей Максимович писал авторам подробные письма по поводу их рукописей, и молодые писатели находили в этих письмах такие указания, советы, разъяснения, которых не мог им дать никакой учебник литературы. Порой Горький непосредственно сам брался за исправление и обработку рукописей. «Рассказ Семенова можно сделать очень интересным, я попробую», — писал он соредактору «Современника» Ляцкому. Пример этот — один из десятков. Уже в советские времена он писал начинающей сибирской писательнице Емельяновой: «Дружную жизнь» я напечатаю в «Наших достижениях»... по печатному тексту вы увидите, какие исправления внесены в ваш очерк».

Никто не мог так безошибочно открыть новый талант, как Горький, никто не мог так просто и дружески, как Горький, поддержать начинающего писателя. С поразительной прозорливостью он умел заметить в ворохе рукописей искру подлинного художественного таланта и по-горьковски окружить его заботой, отеческим вниманием. Он первый заметил литературную талантливость известных сейчас писателей — Вс. Иванова,

Ф. Гладкова, В. Бахметьева, начинавших свой литературный путь в Сибири, первый поддержал их, предсказав большое литературное будущее.

Талантливыми авторами Горький интересовался не только годами, а целыми десятилетиями; следил за их ростом, помогал сформироваться в мастеров слова. Так в поле внимания Горького в течение многих лет были — сибирский рабочий Иван Тачалов, инженер-изыскатель Вяч. Шишков, наборщик курганской типографии Вс. Иванов, этнограф Анучин и др.

В 1906—1907 гг., в период мрачной реакции, когда «лирический шопот гуманистов заглушали залпы карательных отрядов по рабочим и стоны тысяч крестьян, которых секли», Горький получил стихи Ивана Тачалова. Они обратили на себя внимание Горького своим бодрым, жизнерадостным настроением, верой в «царство правды на земле». Это был «необычный голос, необыкновенные слова в то время».

В статье «О писателях-самоучках», напечатанной в 1911 г., Алексей Максимович привел полностью автобиографию Тачалова, жизнь которого была «сплошным мученичеством», как говорил сам Тачалов. «Что же и о чем может писать человек такой страшной жизни?» — спрашивает Горький в этой статье и тут же отвечает строфами из стихов Тачалова.

В 1912 году в письме поэту из рабочих С. Е. Ганьшину Алексей Максимович вновь пишет о стихах Тачалова: «Если встретится вам сборник стихов Тачалова, — прочитайте, очень любопытно».

В этом же году в одном из писем в Сибирь Горький с глубоким удовлетворением отмечает: «Много хорошего народа у вас, как чувствуется. Весьма любопытен у вас Тачалов».

Горький поддерживает талантливого самоучку, посылает ему письма, собирается издать его стихи отдельной книгой, пишет предисловие к его «Мрачной повести». Издание Горьким стихов Тачалова не состоялось. Тачалов, рассудив, как он пишет в одном из писем, что

Горький завален изданиями подобного рода, не послал ему свои стихи.

Письма Горького и его статья ободряли поэта-рабочего, увеличивали силу его сопротивляемости страшной жизни, а тогда «страшная была не только личная жизнь Тачалова, — жизнь вообще была страшна своим обнаженным и жестоким цинизмом». В письме Горькому Тачалов писал. «Читал вашу статью «О писателях-самоучках» и очень гордился, поняв, что вы это использовали в пику духовной расшатанности интеллигенции, противопоставляя нас, как носителей возрождения духа бодрости и веры в торжество грядущего царства истины; нас — сохраняющих под кошмарной тяжестью страданий — зародыш Прометеева огня... но я, кажется, не удержался на указанной вами позиции: много мрачного есть в моих стихах».

Да, Иван Тачалов не удержался на указанной Горьким позиции. «Вихрь «страшной жизни» закружил человека, — пишет Горький в предисловии к «Мрачной повести» Тачалова. — Тачалов не нашел в себе силы развить свое дарование до той высоты, которой оно достигло бы при других, менее тяжелых условиях. А все-таки... книга Тачалова интересна и значительна. Интересна она потому, что несмотря на жизнь, исковерканную нуждою и личными драмами, Иван Тачалов сумел написать такие вещи как «Мрачная повесть», «Великое имя» и «Надмирные сказки». Согласимся, что художественное значение этих вещей невелико, что литературно они не совершенны и т. д. Но не станем отрицать искренности автора и — нередко — силы его слова».

Иван Тачалов был измучен, надломлен. Но до последнего дня своей жизни он понимал «пафос борьбы и радость ее», мрачная жизнь «не погасила огня его души». Он был активным участником революционного рабочего движения, его стихи, которые он читал на рабочих митингах, призывали к борьбе. И этим Тачалов был обязан Алексею Максимовичу, его поддержке, его товарищескому слову.

В 1912 г. начинает систематически выступать с рассказами Вяч. Шишков, Горький знакомится с произведениями Шишкова, в письме Анучину (май) просит передать автору привет, а в следующем письме тому же Анучину (июнь) дает оценку творчества Шишкова, которая сыграла важнейшую роль во всей дальнейшей работе писателя. «Шишков может развернуться в крупного писателя, — писал Алексей Максимович, — но до сих пор он пишет неуверенно, оглядываясь по сторонам, и чуточку под Ремизова. словно боится быть оригинальным, самим собою. Кроме того, ему нужно остерегаться: как бы не сбиться на дорогу сибирского Лейкина».

В ноябре того же года Горький пишет в Сибирь: «Был рад узнать, что Шишков пишет большую вещь. Давно пора».

Через два года, в 1914 г., после появления первых рассказов Шишкова в центральных журналах, состоялось его личное знакомство с Горьким. «Провели в разговорах около двух часов, промелькнувших незаметно быстро». Говорили о Сибири, о литературе, о деревне. «Уходил я, — пишет Шишков в своих воспоминаниях, — с переполненной впечатлениями головой. Голова моя огрузла, и душа насытилась до отказа».

Через год, в октябре 1915 г., Шишков, переехавший жить в Петербург, позвонил Алексею Максимовичу и сообщил, что кончил новый рассказ. Горький пригласил Шишкова к себе. «Говорили о литературе, о товарищах писателях, о моем рассказе». Горький советовал: «Надо бодрей жить, веселей смотреть, работы предстоит много...»

В апреле 1916 г. Шишков получил от Горького большое письмо о его первой повести «Тайга», которая очень понравилась Алексею Максимовичу. «Я поздравляю вас — это крупная вещь. Несомненно, она будет иметь успех, поставит вас на ноги, внушит и вам убеждение в необходимости работать, верить в свои силы».

Горький привлекает Шишкова к сотрудничеству в «Летописи». В 1916 г. после исправлений, сделанных

автором по указанию Горького, в «Летописи» печатается повесть «Тайга», а в 1917 г. — рассказ «Лесной житель».

Алексей Максимович следит за творчеством Шишкова и в последующие годы. В 1925 г. он писал ему из Сорренто: «За эти годы я читал в разных журналах ваши очерки российской жизни и всегда с благодарностью вам думал: как это бодро, надежно и как потому — хорошо, нужно».

В 1916 г. наборщик курганской типографии Всеволод Иванов послал Горькому свой первый рассказ. 17 сентября он получил от Алексея Максимовича ответ. «Горький писал мне, — вспоминает Иванов, — в осторожных и нежных выражениях». «На Иртыше» — славная вещица, она будет напечатана во 2-м сборнике произведений пролетариев... Мне кажется — литературное дарование у вас есть, его нужно развивать... Пишите больше и присылайте рукописи мне, я буду читать их, критиковать и, если окажется возможным, — печатать».

После этого письма Вс. Иванов написал сразу несколько рассказов и отправил их Алексею Максимовичу. Горький ответил: «Вот что, сударь мой, вы, несомненно, человек талантливый, ваша способность к литературе — вне спора. Но, если вы желаете не потерять себя, не растратиться на мелочи, без пользы, — вы должны серьезно заняться самообразованием». И Иванов взялся за книги: «Я читал около двух лет. И в эти годы не написал ни строчки».

Зимой 1920 г. Вс. Иванов приехал в Петербург. В его удостоверении было написано: «Командируется в распоряжение Горького». Алексей Максимович помог Иванову получить ордер на продовольствие и каждое утро спрашивал по телефону, как идет работа над новыми произведениями. «Я написал два рассказа, отнес, — сообщает Иванов в своих воспоминаниях. — Он радостно потер руки: «А завтра приходите поговорить о рассказах».

Рассказы оказались неудачными. Горький вернул их автору: «Рассказы не обработаны, небрежны, напечатать их нельзя». По указаниям Горького Иванов снова сел за работу. «Я писал, почти не отрываясь от стола, — трое суток. На четвертые сутки хлебные запасы мои кончились, и рассказ — тоже». Это был широко известный сейчас рассказ — «Партизаны». «Меня разбудили вечером, поздно. Ласковый голос сказал мне в телефон: «Отличный рассказ. Я вам сейчас колбасы посылаю и хлеба. Письмо тоже». В письме Горький писал: «Как это у вас хлеба нет, друг мой? Вы должны аккуратно получать в «Доме ученых». Там же вам надо починить сапоги. Как это сделать все? И где вы?»

Рассказ «Партизаны» был напечатан в первом номере «Красной нови», вышедшем под редакцией Горького. Так начался литературный путь нашего талантливого земляка Вс. Иванова.

Огромную роль в деле литературной мобилизации Сибири играла издательская деятельность Горького. Зная, как трудно молодым писателям, особенно провинциальным, проникнуть на страницы печати. Алексей Максимович широко предоставлял сибирским писателям место в редактируемых им журналах. Только за два года — 1916 и 1917 — в горьковской «Летописи» было напечатано семь произведений сибиряков: «Тайга» и «Лесной шум» Вяч. Шишкова, «Жабья жизнь» и «Беловодье» Новоселова, «Любава» Г. Гребенщикова и др. Горький просил и других сибирских писателей присылать свои рассказы и стихи: «областники (писатели, работающие в областях. — С. К.) нам очень нужны, для хороших вещей место найдется».

В 1913 г., когда подъем революционной волны выдвинул группу молодых рабочих писателей, Горький первый пришел им на помощь — при его участии и под его редакцией вышли два сборника пролетарских писателей (в 1914 и в 1916 гг.). Для участия в этих сборниках он привлек и сибиряков. В первом был напечатан рассказ Н. Анова «Смерть Агаши», во втором—два рассказа Вс. Иванова—«Дед Антон» и «По Иртышу»

В 1912 г. Алексей Максимович предложил сибирякам издавать свой толстый журнал. «И силы у вас есть, — писал он, — и вопросов, требующих разработки, — непочатый край... Отчего у вас не налаживается журнал? Чудесное бы дело». Это предложение было встречено сибирскими писателями восторженно. Но организация журнала не могла быть скоро осуществлена. Сибиряки считали необходимым выпустить на первых порах «Сибирский сборник» (предполагалось, что таким сборником должна быть одна из книжек «Знания»). В письме Анучину от 21 июня Горький одобрил эту мысль: «будучи на вашем месте, я бы тотчас же начал претворять ее в дело, так, чтобы осенью сборник появился в продаже».

В последующих письмах сибирякам он неоднократно спрашивает: «Как идет дело «Сибирского сборника»?, «Порадуйте новостями по «Сибирскому сборнику», «Скоро ли получу материалы для сборника?»

В начале 1913 г. Горький получил первые рукописи. Они его приятно обрадовали: «Да, ведь, это целая золотая россыпь! Сборник будет хорош... Молодцы, Сибирь!».

Алексей Максимович собирался написать к «Сибирскому сборнику» «маленькое предисловие, выясняющее внутренний социально-психологический смысл сборника», просил прислать для сборника статью о культурных задачах и потребностях Сибири. «Только с точки зрения этой статьи я мог бы более или менее верно оценить материал сборника, — его пригодность, его соответствие общему тону и смыслу статьи».

Дело с изданием сборника неожиданно расстроилось Группа сибирских писателей отказалась от его издания, очевидно вследствие возникших среди нее разногласий. В письме Анучину Горький писал: «Конечно, будет так, как вы решите, но на мой взгляд, вы напрасно отказываетесь осуществить эту добрую затею. Напрасно!».

Примерно в эти же годы Алексей Максимович предложил книгоиздателю И. Д. Сытину выпустить сибирскую энциклопедию, «ряд книг, кои дали бы под-

робнейшее — по возможности — описание Сибири в географическом, экономическом и т. д. отношениях». Практически делом издания энциклопедии занимался В. Н. Анучин. К сожалению издание энциклопедии не состоялось. Вот что писал Анучин в 1941 году по этому поводу автору настоящей статьи:

«Сытин очень быстро сообщил мне о согласии издать энциклопедию и начались письменные переговоры. Сытин упорно торговался и предлагал издать не три тома, а один и притом без красочных рисунков. Когда переговоры зашли в тупик, я сообщил об этом Алексею Максимовичу. Он ответил подбадривающим письмом (кажется это было в ноябре 1912 г.) и приложил копию своего письма к Сытину. В результате у меня с Сытиным состоялось соглашение: печатать энциклопедию Сибири в двух томах с красочными рисунками и десятью картами. (Это было в феврале или марте 1913 г.).

Главным редактором был назначен Г. Н. Потанин, что одобрил и Сытин, раздали темы, начали работу, но тут вмешалось «Товарищество Сибирского печатного дела» (издававшее газету «Сибирская жизнь»), директор которого проф. Е. Л. Зубашев предложил Сытину издать энциклопедию совместно с указанным товариществом. Начались новые переговоры, затянувшиеся до весны 1914 года. Война сняла вопрос об издании, Сытин предложил отложить до конца войны».[1])

Мысль Горького о создании Сибирской энциклопедии, об издании в Сибири литературных сборников и толстых журналов помогла осуществить пролетарская революция.

---

1) Далее Анучин сообщает: «Папка с перепиской об издании словаря была взята Е. Л. Зубашевым для ознакомления, да так у него и осталась. Там были два письма А. М. ко мне и копии двух писем его к Сытину. При утверждении Советской власти Зубашев эмигрировал и умер в Праге. Письма пропали».

3

Особенно пристально Горький интересовался Сибирью, широко помогал развитию литературы в ней после Октябрьской Социалистической революции, когда Сибирь, по его выражению, «из края кандалов и смертей» стала Сибирью советской, «краем социалистического созидания».

Горький интересовался колоссальными богатствами и неограниченными возможностями социалистической Сибири. Он называл ее «огромной, чудовищно богатой страной земля которой как будто все охотнее открывает перед нами неисчерпаемые сокровища ее недр, колоссальные массивы лесов, неизмеримые запасы энергии ее мощных рек». Он все время был в курсе жизни Сибири, прекрасно был осведомлен о запасах энергии Ангары, о мараловодстве на Алтае, о полезных ископаемых Саланра, об урожаях Кулундинской степи, о золотодобыче на Алдане, о пушных богатствах Уссурийской тайги.

Горький внимательно следил за ходом социалистического строительства в Сибири и радовался каждому успеху в ее социалистическом преобразовании.

«Индустриализация Западной и Восточной Сибири, — писал Горький в 1930 г., — это — одна из тех великих хозяйственных задач, которые быстро ведут нас к решению основной задачи: к организации всего хозяйства нашей страны в формах социализма, а затем — неизбежно — к полному экономическому и духовному раскрепощению всей массы рабочих мира и каждой отдельной личности».

«Великая эта радость, — писал он в 1935 г. краевому съезду колхозников-ударников Западной Сибири, — строить прекрасную, ладную жизнь на колхозной земле».

Алексей Максимович мечтал о будущем Сибири. И это будущее рисовалось ему величественным: «поражая воображение своей грандиозностью, развертываются сказочные картины будущего Сибири, которые создаст

укрощенная и освоенная рабочей энергией людей, стихийная сила Ангары и Великий Северный путь сквозь Сибирь, путь, который свяжет ее с тремя океанами».

Горький очень хотел лично побывать в Сибири. «Очень бы хотелось побывать у вас», — бросает он в 1912 г. фразу в письме Анучину. Много раз он мечтал съездить на Алтай. Сибирские писатели, зная это, изыскивали способы так обрядить его, чтобы он сошел за какого-либо «ходока» или старовера, искателя Беловодья. Поездка не могла состояться — Горький жил за границей в изгнании и не мог вернуться в Россию. В 1914 г. в беседе с одним сибирским писателем Алексей Максимович вспоминал, что он не раз собирался в Сибирь, «да все как-то не удавалось».

Алексей Максимович не оставлял свою мечту побывать у нас, в Сибири. Он писал об этом в ряде писем, говорил в беседах с сибиряками.

В первый приезд в Советский Союз в 1928 г. после шестилетнего отсутствия Горький совершил большую поездку по стране. Ему тогда не удалось побывать в Сибири. Но на следующее лето 1929 г. он твердо планировал поездку в Сибирь. Он писал в Анжерку своему старому знакомому еще по Казани А. С. Деренкову: «Был бы рад видеть тебя, был бы очень рад!.. Сколько мы с тобой вспомнили бы хорошего! На зиму я уеду в Италию, весной — возвращусь и обязательно поеду в Сибирь, в Новосибирск. Буду и в Томске... Сообщи мне, как можно добраться до трущобы, где ты укоренился».[1])

Огромная работа, которую вел Горький, помешала ему совершить поездку в Сибирь. Но он не оставлял свои мечты съездить в этот край. Весной 1936 года, когда Алексей Максимович жил в Крыму, он в одной из бесед заявил, что в июле поедет в Западную Сибирь. На возражение врачей, он настоятельно повторил: «Нет, я должен обязательно побывать в Сибири».

---

1) Цитирую по статье Ильи Груздева «Письма Горького в Сибирь» («Сибирские огни», № 1, 1947 г.).

И он осуществил бы свое давнишнее желание, если бы подлые враги народа не оборвали его прекрасную жизнь.

Великому другу Сибири не удалось побывать в ней. Но с Сибирью он всегда был крепко связан. Особенно окрепла и расширилась его связь с Сибирью после революции. Из Сибири к нему и от него в Сибирь шел непрерывный поток писем. В Сибири, этом огромном крае, много таких дорог, по которым почтальоны ежегодно носили письма, написанные характерным горьковским почерком. Он писал в тайгу алданским золоторазведчикам, в Анжерку — учителям, в Томск — профессорам и бывшим беспризорникам, в с. Баево — колхознику Васечко в Славгородский район — подшефному колхозу, в Барнаул — пимокатам, в Кемерово — литкружковцам, в Игарку — пионерам, в Иркутск — школьникам, в Новосибирск — краевому съезду колхозников-ударников.

Много и часто писал Алексей Максимович сибирским писателям, редакциям литературных журналов, съездам писателей. Трудно назвать сибирского писателя, который не встретил бы со стороны Алексея Максимовича опоры, поддержки, совета, помощи. Горький все время незримо присутствовал у руля литературного движения в Сибири.

В первые годы советской власти в Сибири здесь возникло оживленное литературное движение. В 1922 г., в центре края, в Новосибирске, загорелся литературный костер — «Сибирские огни», второй по времени возникновения литературно-художественный журнал в молодой республике Советов. Костер был разложен прямо на снегу, как любили выражаться организаторы журнала. В этом фигуральном выражении было много прямой правды. В Новосибирске, бывшем еще вчера заштатным уездным городом, не было тогда ни литературной организации, ни сколько-либо приличной полиграфической базы. За всю историю этого городка был напечатан в местной газете всего один рассказ.

Литературные огни были разожжены под непосредственным руководством Сиббюро ЦК ВКП(б), они разгорались и крепли при постоянной помощи и поддержке сибирской парторганизации большевиков.

Костер с первых же дней вспыхнул ярким пламенем. Около него собрались люди с горячим сердцем, прекрасно знающие жизнь, имевшие богатые наблюдения действительности. В журнале были напечатаны стихи, рассказы, очерки, пульсирующие горячей кровью живой революционной жизни. В первой книжке «Сибирских огней» один из критиков заявил, правда, что «Сибирь не любит поэзии». Но у костра с первых же дней появились не только прозаики, но и песнопевцы новой жизни.

К литературному костру стали собираться писатели из всех городов края. Каждый из них приносил в журнал плоды своих лучших творческих успехов. И литературный костер, разгораясь все более широко, освещал просторы необъятной Сибири. Журнал ставил перед собой задачи печатать «повести и рассказы, пьесы и стихи, главным образом, художественно воспроизводящие эпоху социалистической революции и ее своеобразное жизненное отражение в Сибири».

Первый номер «Сибирских огней» был открыт повестью начинающей писательницы Л. Сейфуллиной. С выходом каждого нового номера появлялись в журнале произведения новых писателей, многие из которых сейчас известны всему Союзу.

Литературный костер разгорался. Это очень радовало Алексея Максимовича. Он неослабно следил за ним, за каждой его искрой. Он незримо сам был около этого костра. В письмах в Сибирь, в литературно-критических статьях, в речах на литературные темы Горький часто отмечал большое культурное значение «Сибирских огней» и других сибирских журналов.

В 1928 г. в письме редакции «Сибирских огней» Горький писал: «С 1922 г. (т. е. с первого дня возникновения «С. О.» — С. К.) журнал у меня есть, так что я могу, вероятно, составить себе более или менее пол-

ное представление о всей работе «Сибирских огней». Из «Искры» разгорелись, как вы знаете, — довольно яркие костры во всем нашем мире, — это дает мне право думать, что отличная культурная работа «Огней» разожжет духовную жизнь грандиозной Сибири».

Узнав о возникновении в Иркутске журнала «Будущая Сибирь», Алексей Максимович писал редакции: «Это—совершенно необходимое и своевременное дело... областная литература — организатор культурно-революционного сознания трудовых масс».

В 1928 г. в западно-европейской буржуазной прессе появилось клеветническое «письмо» о положении литературы в Советском Союзе. Эмигранты Бальмонт и Бунин призывали Ромэн Роллана высказать свое порицание Советской власти за то, что в Советском Союзе, якобы, запрещены классики и что в России нет больше литературы. Ромэн Роллан обратился к Горькому, и Алексей Максимович ответил:

«Вам пишут, что в России нет больше литературы. Что за странное утверждение! Я изумлен обилием молодых литераторов... В данный момент в России имеются сотни писателей: их количество быстро увеличивается, и я могу объяснить это лишь даровитостью моего народа. Русский народ начинает, наконец, сознавать свое «я», свою ценность и право на свободу творческих сил во всех областях жизни».

Перечислив имена талантливых советских писателей, достойных «не только упоминания, но и похвалы», Горький писал: «Весьма возможно, даже несомненно, что я забыл вам назвать еще целый ряд талантливых писателей. Я не имел времени перечитать все, и боюсь вас утомить перечислением всех писателей, сотрудничающих в журнале «Сибирские огни». Между ними есть люди очень способные».

В Сорренто была в гостях у Горького А. Курская. В беседе с ней Алексей Максимович говорил: «Присылают книги авторы, впервые взявшиеся за писательское перо. И удивительные вещи попадаются. Как растет наша молодежь!.. Или вот возьмите «Сибирские огни». Ведь

что главное, авторы из низов растут, из рабкоров и селькоров».[1])

Алексей Максимович был аккуратным подписчиком и внимательным читателем «Сибирских огней», но из-за плохой работы почты он получал журнал не всегда регулярно. В письмах его в Сибирь часто встречаются такие фразы: «В декабре посланы из Москвы деньги — подписная плата «Сибирским огням», журнал не получаю»; «Сибирские огни» попадают мне редко, отдельными номерами. Хороший журнал»; «Очень прошу вас прислать мне журнал».

Горький сам сотрудничал в «Сибирских огнях» и в других сибирских журналах. В «С. О.» он напечатал статью «О себе», рецензию на сборник стихов Исаковского «Провода в соломе», в журнале «Сибирь» — рассказ «Убийцы», в «Сибирской живой старине» — воспоминания об Арефьеве, журналу «Будущая Сибирь» предложил перепечатать его «Рассказы о героях».

Горький повседневно заботился о росте литературы в областях Сибири, помогал разгореться в них литературным огням, устранял причины, которые могли ослабить силу их света.

Литературные костры в Сибири горели не всегда равномерно. Вражеские руки временами бросали в них гнилые, промозглые пни. Гнилье, разумеется, не давало огня. По тайге расстилался гнилостный, едкий дым. Больше того, был период, когда в состав редакций журналов пробрались гнусные враги народа и пытались использовать их в своих контрреволюционных целях.

В 1928—1929 гг. группа новосибирских «литераторов» из троцкистского лагеря, объявив искусство «опиумом для народа», сделала попытку совсем потушить литературные огни в Сибири.

Для Горького это не могло пройти незамеченным. В июле 1929 г. у него был сибирский писатель Л. Коптелов. Алексей Максимович расспрашивал о Сибири, о литературных делах, о работе писателей. «Из вопросов

---

1) «Октябрь», № 6, 1941 г.

я увидел, — пишет Коптелов в своих воспоминаниях,— что Горький не плохо осведомлен даже о последних литературных делах в Сибири». А этими «последними делами» была «деятельность» троцкистской литературной группы «Настоящее», начавшей поход против художественной литературы.

— Я пишу статью о культуре и в ней укажу на этих вредителей, — сообщил Алексей Максимович.

Через несколько дней в «Известиях» появилась статья Горького «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры», в которой он писал:

«У нас в области оценок воспитательного значения художественной литературы не все благополучно. Особенно заметно это в провинции. Вот пример: редактор «Советской Сибири» краевой газеты, Курс, — бывший анархист, как мне сказали, — организовал гонение на художественную литературу, и один из его сторонников, некто Панкрушин, заявил, что «художественная литература реакционна по своей природе»... С моей точки зрения, — не цеховой, а с точки зрения человека, который лет 50 наблюдал и до сего времени наблюдает революционно-воспитательное значение литературы, — Панкрушин не только малограмотный парень, а человек, которого я считаю вправе назвать бессознательным «вредителем» в области культурной работы. Далее: при газете организована литературная страница. Но некий тов. Гиндин заявляет литкружку: «Партия и советская власть не для того дали бумагу, чтобы печатать на ней стихи и рассказы». Литературная страница ликвидируется.

«Рабочий класс не может и не должен признавать таких мудрецов, весьма похожих на вредителей культурной работы, мастерами культуры».

Троцкистские вредители из группы «Настоящее», прикрывавшие к Горькому до этой уничтожающей статьи с предательским иудиным поцелуем, подняли против него неистовый, клеветнический шум и визг, который был решительно пресечен специальным постановлением ЦК ВКП(б) от 25 декабря 1929 года.

Троцкистская контрреволюционная литературная группа в Сибири была разоблачена партией при помощи Горького и разгромлена.

В 1933 г., после исторического постановления ЦК ВКП(б) о перестройке литературно-художественных организаций, литературный костер Сибири разгорелся с новой силой. Сибиряки вновь услышали радостные, ободряющие слова Алексея Максимовича: «Очень рад узнать, — писал он редакции журнала, — что «Сибирские огни» снова разгораются, искренне желаю им разгореться ярко, уверен, что это так и будет».

Через год после этого письма сибирская делегация Всесоюзного съезда писателей была в гостях у Горького. Разговор начался сразу же о «Сибирских огнях». Алексей Максимович был знаком почти со всеми основными произведениями, которые появились в журнале. Он дал некоторым из них оценку, похвалил редакцию за то, что она печатает произведения целиком в одном номере без продолжений и посоветовал увеличить объем журнала.

Литературный журнал в области, крае был для Горького не одним из многих лутературно-художественных ежемесячников, а большим, принципиально новым явлением — одним из элементов создания в стране новых культурных центров. «Мы строим не один, а много центров культуры», — говорил он. В одном из писем о задачах «Сибирских огней» прямо указывал: «Смысл дела — воспитание областной культурной интеллигенции».

Алексея Максимовича глубоко радовало, что освобожденные народы выдвигают сотни новых талантов, что литература не является привилегией одного-двух центров, а создается во многих центрах страны. «Если бы я писал отчет о значительных книгах, созданных духом революции за десятилетие — 20-й и 30-й года,— мне бы пришлось растянуть эту статейку, — писал он в статье «О литературе», — от Эривани до Архангельска, от Минска до Владивостока через Киев, Харьков, Новосибирск, заглянув и в Ташкент, и в Ростов, и во

все другие пункты, где более или менее энергично создается новая, советская литература».

Горький много раз с удовлетворением отмечал, что новая советская литература не страдает «территориальной» ограниченностью и отличается от старой литературы широтой охвата действительности. В 1931 году в беседе с молодыми ударниками, вошедшими в литературу, Горький говорил: «Все крупные писатели хорошо знали только Тульскую, Орловскую и Калужскую губернии, так как они почти все оттуда. Сейчас появляется настоящая литература: есть сибирские писатели, уральские и другие. У нас еще будет областная литература, кроме нацменьшинств. Например, третий том «Тихого Дона» Шолохова — это уже областная литература. Он пишет как казак, влюбленный в Дон, в казацкий быт, в природу. Также восторженно описывают и сибиряки свою Сибирь».

Создание литературы в областях Горький рассматривал, как одно из звеньев социалистического строительства. В письме редакции журнала «Будущая Сибирь», перечислив грандиозные задачи индустриализации Западной и Восточной Сибири, и указав, что мы должны смотреть на всю нашу будничную работу с высоты основной задачи, а эта задача — создание образцового социалистического общества, — Горький писал: «Именно с высоты этой задачи я смотрю на дело издания журнала «Будущая Сибирь» и для меня это — великое культурно-революционное дело».

4

Московские критики, издательства и журналы недооценивали областную литературу. Многие из них думали, что в краях и областях могут и должны быть произведения только малоценные, а писатели начинающие.

Равнодушие и барское пренебрежение к литературе краев и областей глубоко возмущали Алексея Максимовича. В статье «О литературе», отметив, что крити-

кой не прочтены десятки книг или прочтены невнимательно и торопливо, Горький требовал: «Не игнорировать областной литературы и прессы, например, журнал «Сибирские огни» вполне заслуживает серьезного внимания критики, отличный журнал».

Сломить безразличие, равнодушие к областной литературе было нелегко. Но сломить его было нужно. И Алексей Максимович с трибуны Всесоюзного съезда писателей снова и снова настаивает: «Нам необходимо обратить внимание на литературу областей, особенно Восточной и Западной Сибири, вовлечь ее в круг нашего внимания, печатать в журналах центра, учитывать ее значение, как организатора культуры».

Пример, как нужно относиться к литературе областей, как помогать ей, как «учитывать ее значение», показывал сам Алексей Максимович.

В 1925 г. в Новосибирске начал выходить небольшой иллюстрированный журнал «Сибирь». Узнав об этом, Горький пишет редакции: «Очень прошу вас прислать мне журнал. И нет ли каких-либо местных изданий, которые познакомили бы меня с литературой сибирской молодежи: альманахов, сборников, стихов?».

Литературную молодежь Горький считал «дважды родственной» для себя — «как людей с направлением к лучшему и как людей, желающих пойти путем, который мною уже пройден и снабдил меня известной долей опыта, которого у них — нет». И он сам шел навстречу этой молодежи, помогал ей. Он великолепно знал и не забывал никогда, что «все великое начинается с малого: ничтожен объем зерна, из которого вырастает могучий сибирский кедр».

Прочитав в 1928 г. в «Сибирских огнях» рассказ молодой сибирской писательницы Н. Чертовой, он немедленно запрашивает: «Кто это Чертова?» Через два года в тех же «Сибирских огнях» появляется новое произведение Н. Чертовой — повесть «Горькая пена». Горький посылает молодой писательнице теплое, ободряющее письмо.

Интересуясь работой сибирской литературной молодежи, помогая ей, Горький всегда был у колыбели рождения больших книг, первый поздравлял авторов с успехом, первый популяризировал их книги. В 1931 г. вышел роман И. Шухова о сибирском казачестве. Алексей Максимович прислал автору теплое письмо: «Вы написали очень хорошую книгу, это — несомненно».

В марте 1935 г. Горький выступил с речью на пленуме Союза советских писателей. «Должен указать одно, — заявил он в этой речи, — что, несмотря на обилие докладов и остроту критики, — и критики и литераторы обнаружили все-таки недостаточное знакомство с современной литературой, не назвали целого ряда книг, которые заслуживают внимания критики — должны заслужить, — которые прошли незаметно... Говорили о двух основных произведениях на тему колхоза, — о произведении Шолохова и произведении Панферова. Конечно, это основные произведения, — кто это будет отрицать, но есть третье — Шухова «Ненависть», тоже очень значительное произведение».

Из всех участников многолюдного пленума только Горький заметил это третье значительное произведение о коллективизации, произведение, написанное областным писателем.

В 1926 г. где-то в далеком Хабаровске вышла талантливая книга В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края». Она была издана небольшим тиражом, напечатана на серой бумаге. Но Горький, живший тогда в Италии, разыскал эту книгу, и вот автор получает от Алексея Максимовича восторженное письмо: «Книгу вашу я читал с великим наслаждением».

Великий писатель радовался каждой литературной удаче, особенно удаче молодого писателя, долго эти удачи помнил, любил говорить о них.

Сибиряки часто посылали свои книги Горькому. В ответ они аккуратно получали письма, в которых неизменно была такая фраза: «Я уже читал». Нередко Алексей Максимович пересылал книги сибиряков в ГИЗ для переиздания.

По приезде из-за границы в СССР, Горький выступил новатором новой литературно-издательской практики, инициатором ряда замечательных изданий, которые имели своей непосредственной целью «активное вторжение литературы в жизнь эпохи». Он создает журналы «Наши достижения», «Колхозник», привлекает к сотрудничеству в них, наряду с московскими, областных писателей, в частности, сибиряков. В «Наших достижениях» он печатает очерки сибирских писателей — Л. Мартынова о Новосибирске, М. Никитина о совхозе, А. Коптелова об Алтае и др. В «Колхознике» под редакцией Горького появляются рассказы и очерки сибиряков — Н. Чертовой, А. Шугаева, М. Никитина, переводы алтайских песен В. Непомнящих.

Алексей Максимович горячо радовался рождению каждой хорошей книги. Нередко он оказывал непосредственную помощь в создании таких книг. Фольклористка Н. П. Дыренкова собрала шорский фольклор. «Несмотря на чрезвычайную перегруженность, — писала Дыренкова в предисловии к своей книге, — Алексей Максимович нашел возможным ознакомиться с моими записями и сделать ряд ценнейших замечаний, которые с глубокой признательностью были мною использованы».

Работники политотдела одной сибирской МТС затеяли создание истории сибирской деревни. Горький поддержал это начинание, написал авторам письма. Нам не удалось пока найти эти письма. Но вот письмо В. Ряховскому, опубликованное в журнале «Октябрь» (№ 6, 1941 г.): «Намерение ваше написать «биографию» — т. е. историю села Перехваль горячо приветствую. Должно быть идея создания истории русской деревни «созрела», ибо одновременно с вами затевают такую же работу и сибиряки».

Горький горячо поддерживал ценную инициативу, интересный опыт, рождавшийся на местах. В августе 1934 г. он приветствует «интересную попытку самостоятельной «литературной учебы» литкружка 6-й иркутской школы», выступившего с книгой «База курносых». В мае 1935 г. он знакомится с книгой «Атаман

Пузырь», написанной воспитанниками томской трудовой колонии, советует авторам — «не бросайте это дело, пишите, учитесь писать». В январе 1936 г. он одобряет намерение игарских пионеров написать книгу о пионерах Заполярья, сам набрасывает план книги и дает пионерам ряд ценных указаний о сборе материала для книги.

5

В письмах А. М. Горького в Сибирь, в его статьях и высказываниях о сибирской литературе целыми пригоршнями рассыпаны глубокие замечания, указания, советы, которые без преувеличения можно назвать горьковскими заветами сибирским писателям.

В 1930 г. в статье «О литературе» Горький писал: «Старая наша литература была по преимуществу литературой Московской области. Почти все ее классики и многие крупные писатели наши были уроженцами Тульской, Орловской и др. соседних с Московской губерний. Жанр и пейзаж — быт и природа — в которых литераторы воспитывались, довольно однообразны. Решающие впечатления детства были ограничены действительностью Московской области, и эта узость поля наблюдений определенно отразилась впоследствии на творчестве классиков... Урал, Сибирь, Волга и другие области остались вне поля зрения старой литературы».

Горький мечтал о расширении «поля наблюдений» литературы, об охвате ею всей действительности нашей огромной и многонациональной страны. «Я не навязываю художественной литературе, — писал он, — задач «краеведения», этнографии; но все же литература служит делу познания жизни, она — история быта, настроений эпохи, и вопрос о том, насколько широко охватила она действительность свою, этот вопрос может быть поставлен».

И Алексей Максимович ставил этот вопрос упорно и много раз. Еще до революции в одной из бесед о сибирской литературе Алексей Максимович высказал

такое замечание: «Один из ваших сибиряков назвал свой очерк «Лицо моей родины». Хорошо. Лучше не придумаешь. А многие ли знают лицо своей родины? Я встречал таких интеллигентов, которые, право, больше знали Китай, чем Россию. А уж в отношении окраин и малых народностей мы совсем невежественны».

Отмечая ограниченность тематики дореволюционной литературы, которая «пропустила чрезвычайно много вне линии своей работы и вне своего понимания», Горький предупреждал: «Есть опасность, что и мы что-то пропустим, а этого нельзя пропускать. Нам предоставлены в распоряжение бесконечные возможности опыта». Но литература «пропускала» и не что-то, а очень многое.

В 1932 г. в статье «О самом главном» Горький совершенно справедливо бросил упрек: «Мы забываем рассказать даже о таких достижениях, как, например, Беломорско-Балтийский канал... не умеем толково рассказать о смысле завоевания Арктики, о могучем размахе работ в Сибири и еще о многом, что рабочая масса должна знать, чем она имеет право гордиться, как делом ее героической энергии, ее неугасимого трудового энтузиазма».

Узкий охват действительности нашей литературой был тем более непростителен, что в советскую литературу пришли люди не из одной Орловской губернии, а со всех широт советской земли и «решающие впечатления их детства» не ограничены одной Московской областью, а вынесены из всех районов Союза: из сибирской тайги, тундр Арктики, берегов Волги и Дона, солнечного Крыма и т. д.

Критика недооценивала поднятую Горьким проблему, не боролась за расширение «поля наблюдений» литературы. А иногда она тормозила эту работу. Когда появилась книга Н. Вагнера о Колыме «Человек бежит по снегу» — критики охаяли ее. «Это был «суд скорый», и, на мой взгляд, несправедливый, — писал Алексей Максимович в предисловии к второму изданию книги Вагнера. — Это — одна из тех неоспоримо полезных

книг, которые рассказывают нам, как огромна страна Союза Советов, как она мало исследована, как много надо эти неисследованные места изучать». Книга Вагнера «в легко усвояемой форме дает обширное и четкое представление об огромном крае, где со временем должны возникнуть фабрики и социалистические города». В этой же статье Горький бросает такую фразу: «Сибирь мы не знаем и солидных трудов о ней почти нет».

Сибирские писатели за последние годы создали ряд ценных книг, где нашли отражение «жанр и пейзаж — быт и природа» Сибири. Без преувеличения можно сказать, что Сибирь уже прирезана к общему полю советской литературы. Но Сибирь велика и исключительно разнообразна и по национальному составу населения, и по бытовому укладу народов, и по характеру экономики, и по пейзажу, и даже по климатическим условиям. Показать Алтай — это еще не значит показать и Кулунду так же, как и показать Кулунду — это еще не значит показать Даурию, или Ямальский полуостров, или Барабинскую степь, или Илимскую тайгу.

Одной из главных задач сибирских писателей, вытекающих из заветов Горького сибирским писателям, является — охват в своих произведениях всей Сибири во всем разнообразии ее национальных, бытовых и природных особенностей, во всей глубине социалистического преобразования ее.

«У молодых писателей есть что сказать о новых радостях жизни, о разнообразном цветении творческих сил в стране, — писал Алексей Максимович в статье «О действительности». — Они должны искать вдохновений и материалов в широком и бурном потоке труда, создающего новые формы жизни, им следует жить как можно ближе к творческой воле нашей эпохи».

Разумеется, одной широты охвата действительности недостаточно. «Литература Союза Советов растет хорошо, — писал Горький в статье «О кочке и точке», — но действительность величественна и прекрасна. Необходимо, чтоб литература достигла высот действительности. Вот в чем дело».

Достичь высот действительности — это значит более глубоко и всесторонне проникать в современную жизнь, полнокровно изображать новых людей, героев нашего времени. Вот этой глубины еще недостает нашей литературе. Она все еще слабо рисует образы новых людей, положительных героев современности. Об этом неоднократно говорил Алексей Максимович в статьях и речах о литературе. Об этом он писал в своих письмах сибирским литераторам. «Бабу — председателя сельсовета, вы тоже смазали, а баба эта — героиня наших дней и — дорогого стоит», — писал он сибирской писательнице Н. Емельяновой. На аналогичные недостатки в произведениях он указывал Шухову и другим сибирским писателям. «Человековедение», — говорил Горький, — главная область искусства».

Глубокое и всестороннее проникновение в жизнь, изображение всего разнообразия индивидуальностей, изображение положительного героя и его трудовой деятельности — вот главнейший завет Горького советской литературе.

Сибирские писатели внесли в советскую литературу новые темы, внесли в нее сибирский колорит, сибирские образы и краски. Это безусловно обогащает нашу литературу, помогает ей полнее передать всю многоцветность и разнообразие нашей родины. Но еще нередко отдельные сибирские писатели не могут преодолеть локальную ограниченность материала, не могут подняться выше этнографичности материала, не умеют поднять его до больших обобщений, не умеют через конкретное показать общее.

Для преодоления этого порока Горький дал сибирским писателям ряд замечательно глубоких указаний. Он рекомендовал не брать сибирские темы «слишком узко». Он резко критиковал дореволюционных сибирских писателей-бытовиков за то, что у них «нет творческого претворения наблюдений, синтеза нет». Он считал их работы приготовительным классом и призывал их не засиживаться в нем.

В письме Гребенщикову по поводу его рассказа «Ханство Батырбека» Алексей Максимович упрекал автора за то, что его рассказ слишком этнографический. «Бытовое — очень любопытно, но оно важнее там, — писал Горький, — где в частном, бытовом вы сумеете подметить и показать мне, читателю, — мировое, общечеловечье».

В письме Анучину Алексей Максимович делает исключительно глубокое замечание о местном колорите, которое безусловно является одним из основных его заветов сибирским писателям. «Быт нужно в фундамент укладывать, а не на фасад налеплять, — писал он в этом письме. — Местный колорит — не в употреблении словечек: тайга, заимка, шаньга — он должен изнутри выпирать. Шире, братики, берите, глубже заглядывайте, ведь Сибирь страна с большими горизонтами».

Сибирь — страна многонациональная. Вполне естественно, что сибирские писатели выступают с произведениями о малых народах больше, чем писатели других областей. Они написали книги об алтайцах, шорцах, хакассах, ненцах, тофаларах, эвенках. Горький очень похвально отзывался о том, что в библиотеке советской литературы появились книги, «рисующие жизнь и быт даже тех племен, которые жили безвестно, немо и только что разбужены от «сна веков».

Но в книгах сибирских писателей о малых народах чувствуется слишком большой нажим на «особенное», экзотическое, за счет мирового, общечеловечьего. В цитированном уже выше письме Гребенщикову Алексей Максимович устанавливает «высоту», с которой надо смотреть и описывать хакассов, алтайцев, эвенков и т. д. «Мы с вами о чем заботимся, над чем бьемся?— пишет Горький. — Не хотим ли мы убедить мир — «ты еси един», все твои скорби, муки, надежды, желания — одинаковы на всех точках планеты нашей? Верно? Вот вам высота, с которой жизнь Батырбека становится столь же интересна и поучительна, как ваша, моя, жизнь культурного француза и т. д.».

Показывать алтайца и Алтай, шорца и Шорию, эвенка и Эвенкию — значит показывать нашу советскую страну, наше время, героя наших дней. Вот высота, которую установил для нас Горький, вот один из важнейших его заветов сибирским писателям.

В письмах великого писателя в Сибирь есть много замечательных высказываний о писательском труде и литературной технике, которые играли и еще очень длительное время будут играть исключительно большую роль в повышении мастерства наших литераторов.

Горький требовал от писателей в их произведениях простоты. Он ненавидел всяческое формалистическое штукарство, заумничанье, словесное фокусничество. «Красота — это простота, четкость, ясность», — писал он в письме Н. Емельяновой. Эту мысль он повторяет много раз и в статьях, и в письмах. «Я не отрицаю музыку слова, — писал он Семеновскому, — но хорошая музыка всегда проста, все хорошее просто». И в другом письме: «Красота — в простоте, — это аксиома».

В письме Шухову Алексей Максимович советует писать проще, строже, без словесных ухищрений, фокусов и затейливой красивости. «Я рассматриваю ваше дело, вашу работу не с точки зрения мещанского, рафинированного эстетизма, а под углом той законной эстетики, в основе которой лежит биологическое стремление живого организма к совершенству формы, а язык — есть живой организм. Чем более экономно, точно, ярко вы изобразите словами явления социальной жизни — тем более убедительной будет социальная педагогика вашей книги».

В письме пионерскому литкружку 6-й иркутской школы Горький советовал «учиться писать о людях и жизни так, чтобы каждое слово пело, светилось, чтобы лишних слов в фразе не было, чтобы каждая фраза совершенно точно и живо изображала читателю именно то, что вы хотите показать».

Язык, который Горький называл «первоэлементом литературы», он советовал писателям изучать на фольклоре. «Писатель, не обладающий знаниями фолькло-

ра, — писал он Анучину, — плохой писатель. В народном творчестве сокрыты беспредельные богатства, и добросовестный писатель должен ими овладеть. Только тут можно изучить родной язык, а он у нас богат и славен».

* * *

Свыше тридцати лет Алексей Максимович Горький вел переписку с сибирскими писателями, со своими читателями-сибиряками. До сего времени письма эти не собраны, не систематизированы. Составителям настоящей книги удалось собрать всего лишь небольшую их часть. Много писем не разыскано (например, письма Кашинцеву, Тачалову, Семенову, Второву, Щеглову, Васечко, колхозу им. М. Горького, часть писем Анучину, Гребенщикову), многие письма находятся в различных музеях, и для составителей этой книги оказались недоступными.

Но и те письма и статьи, которые включены в книгу, чрезвычайно ярко показывают, какой огромный интерес на протяжении многих лет проявлял Горький к Сибири, к сибирской литературе, какую колоссальную работу провел он по «сибирской литературной мобилизации», какую ценность представляют его указания и советы сибирским писателям.

Письма великого пролетарского писателя в Сибирь еще долго и долго будут играть огромную роль в борьбе за высокое качество советской литературы. Они будут мобилизовывать сибирских писателей на создание высокохудожественных произведений о Сибири, о советском человеке, о социализме, будут помогать росту новых литературных дарований.

С. Кожевников.

ПИСЬМА ГОРЬКОГО В СИБИРЬ

В. И. АНУЧИНУ

1

Уважаемый Василий Иванович!

Прочитал ваш рассказ «Уважили»[1]. Хорошая, сильно написанная вещь. По сравнению с прежними вашими работами, вы сделали большой, очень большой шаг вперед. Радуюсь и за вас и за читателей.

Сибирские темы, только не берите их слишком уж узко, это богатейший источник, он может освежить нашу литературу, а тут затхлостью попахивает Я вообще думаю, что Сибири пора выходить на широкую дорогу. Крепостного права вы не знали, от царя жили далеко, страна просторная и богатая, политическая ссылка вам не мало дала. Нут-ко, сибиряки, двигайте вперед!

От души желаю дальнейших успехов, жму руку.

А. Пешков.

4 ноября 1903 г.

2

Уважаемый Василий Иванович!

Давайте вашу руку! Хотя я и вышел из детского возраста, но все-таки с пребольшим удовольствием прочитал вашу детскую повесть «По горам и лесам».[2] Прекрасно! Представляю, как будут зачитываться ребята.

Писать для ребят чрезвычайно трудно и вся наша детская «литература» никуда не годится, сплошная патока. Я почему-то совсем не ожидал, что вы умеете говорить с ребятами. Извините, но не ожидал! Вы мне другим человеком представлялись. Но это очень хороший признак, если писатель умеет быть интересным для ре-

бят, они ведь очень тонкие ценители, их фразою не обманешь. Обязательно напишите вторую часть похождений, материалов у вас, видимо, премного.

Ваша тема для трагедии[3], конечно, хороша. Огромное социальное значение, но как быть? Ведь цензура подло вас обкарнает, живого места не оставит. А потом, откровенно говоря, меня смущает ваша порывистость — рассказы, повесть для детей, социальная трагедия, научные работы! Искать себя нужно, это несомненно, но не слишком ли вы разбрасываетесь? Пишите лучше большую повесть или роман — я не сомневаюсь в успехе, но драматическое произведение требует особого умения, специального подхода. Извините за непрошенный совет, но я бы отложил трагедию и особенно на такую страшную тему до лучших времен, до которых мы с вами надеюсь доживем.

Хотя чертовски интересно. Выходит, что вы, сибиряки, опередили и стрельцов и Пугачева — исконные бунтовщики! А все-таки лучше отложите, подробнее поговорим при личном свидании.

Крепко жму руку.

А. Пешков.

27 декабря 1903 г.

3

Уважаемый Василий Иванович!

Очень благодарен. Получил ваши легенды и словарь.[4] Спасибо. Вы так богаты фольклорным материалом, что я вам завидую. Писатель, не обладающий знаниями фольклора — плохой писатель. В народном творчестве сокрыты беспредельные богатства, и добросовестный писатель должен ими овладеть. Только тут можно изучить родной язык, а он у нас богат и славен.

Ваш обработка народных сказаний и легенд—хорошее начинание. Одно только замечание — не слишком ли вы архаизировали язык? Цель-то мне понятна, но надо считаться и с читателем. Может быть в повтор-

ном издании вы снимете некоторые архаизмы? Что касается областного словаря, то это целое сокровище. Вы прекрасно сделали, что собрали его. Кстати относительно сибирского областничества. Не можете ли вы указать мне — были ли Ядринцев, Потанин, Наумов и др. основоположниками движения, или они имели предшественников? Является ли областничество только культурным движением, или оно имеет и более острый характер? Кто такой Щукин и где можно достать его труды?

Ваши сведения о масонской ложе в Сибири оказались правильными, не будете ли добры сообщить подробности, или, еще лучше, напишите статью о сибирских масонах. А?

Боюсь, что пожеланий слишком много, но кроме вас не к кому обратиться, а источники освободительного движения нужно раскопать во что бы то ни стало, чтоб лучше понимать настоящее в подходах к будущему. В оценке деятельности Н. К. Михайловского я совершенно согласен с вами, но тут нужен большой (не в письме) разговор.

Что сейчас пишете? Не роман ли?

Спасибо за присылку архитектурных снимков. Интересны деревянные церковки и башни.

Желаю всего лучшего.

А. Пешков.

7 февраля 1904 г.

4

Мой дорогой Василий Иванович!

Сейчас из Биржовки[5] узнал, что подлые опричники вас тяжело избили и изувечили.[6] Мое сердце с вами. Я верю, что здесь начало конца кровавого царя. Грядут события, которые вознаградят вас за ссылки и муки. Привет от друзей.

Всегда ваш.

А. Пешков.

(Записка без даты)

5

Уважаемый Василий Иванович!

Ваше письмо порадовало меня. Как тяжело было прочитать в газетах о вашей ужасной смерти в Туруханском крае и как радостно было узнать потом, что вы и на этот раз уцелели. Но все-таки не слишком ли много трагического в вашей жизни. Революционную работу бросить, конечно невозможно, но еще и еще советую — откажитесь от научной работы ради писательства. В вас слишком много писательского и здесь вы будете ближе к народу, больше дадите широкому кругу. Я уверен, что рано или поздно вы вернетесь к литературе, так лучше сделайте это пораньше. Писателей у нас куда как мало, а профессоров сравнительно достаточно. Внемлите дружескому совету!

О вашем участии в «Красноярской Республике» я узнал из рассказов вашего соподвижника Ур. Он, как говорят, недоволен вашим максимализмом, находя, что вы перехватывали крайними предложениями, для которых мы «еще не созрели», но вы знаете, что я неравнодушен к безумству храбрых, а потому душевный вам привет!

Лет пять тому назад вы собирались написать «Красноярский бунт», а потом очевидно решили осуществить этот бунт на деле? Мне нравится! Только не забудьте, что о «Красноярской Республике» вы обязаны написать и поподробнее, а тиснем за границей. Не забудьте!

Обязательно пришлите мне все, что за последнее время напечатали. Ваше письмо к Вл. Ул.[7] все-таки до него дошло. Он будет писать вам подробно с оказией, а пока просит передать и большую благодарность и братский привет, к чему и я присоединяюсь.

А. Пешков.

14 октября 1908 г.

6

Уважаемый Василий Иванович!

Один из моих корреспондентов прислал мне вырезку своей рецензии на ваши легенды. Может быть вы ее не знаете, так вот выдерну частицу: «Идейный сюжет, яркая, сочная обрисовка действующих лиц и замечательная красота изложения, — красота, от которой веет свободным духом минувших веков, веет диким простором и первобытным величием Сибири».

Видите, как прекрасно изобразили вы вашу каторжную Сибирь. Если вы напишите пять томов ученых исследований, то все-таки будет не то, что два — три хорошеньких рассказа. Сибири пора иметь не только новеллистов, но и писателей, работающих в крупных масштабах. У вас — сибиряков — от природы хорошие задатки, здоровая кровь. Чехов, если б он родился и жил в Сибири, не стал бы тем Чеховым, которого мы знаем.

Если Сибирь в науке дала Менделеева, а в живописи Сурикова, то почему бы ей не дать такую же величину в литературе? Я думаю, что наш будущий крупный романист будет из сибиряков.

Теперь отвечу на ваше письмо.

«Бытовики нудный народ, не видят дальше своего носа и описывают, а не творят» — совершенно верно! Потому и скучна наша литература. Нет творческого претворения наблюдений, синтеза нет. А кроме того, ужасный посконный язык! Теребите, тормошите ваших сибирских бытовиков, пусть не засиживаются в приготовительном классе.

Между прочим, Вл. Ул. часто вспоминает «сибирского шамана» и о тех беседах, которые вы вели с ним во время похождения в Юнинскую библиотеку.[8] Забавно выходит, когда он в лицах изображает, как вы, вняв октавой, завлекаете его в сибирскую веру.

Где и что делает Г. Н. Потанин? Я слышал, что он пишет новую книгу. Обязательно хочу иметь. Кстати,

прилагаю список его работ, известных мне, — чего не-хватает?

Неужели Щукина[9] совсем достать невозможно? Переиздать надо более ценное. Поднимите этот вопрос в газетах.

Желаю всяческих успехов.

А. Пешков.

7 июня 1909 г.

7

Уважаемый Василий Иванович!

За присланные книжки сердечно благодарю. Очень рад сказать вам, что в новых вещах вы являетесь серьезнее и проще, — пожалуйста не обижайтесь за эти замечания!

В наше тяжкое время серьезность отношения к теме и к себе со стороны авторов, простота и ясность языка — не часто встречаются. Все учат, а никто не учится.

Рассказ ваш пошлите сюда[10] на имя В. С. Миролюбова. Это, как вы м. б. знаете, бывший издатель и редактор «Журнала для всех», а теперь он редактирует сборники «Знания».

Сердечно желаю вам успеха и бодрости.

А. Пешков.

(Без даты, по конверту—1910 г.).

8

Уважаемый Василий Иванович!

Приятно получать ваши жизнерадостные письма. И откуда у вас бодрость берется в такое проклятое время? Веры много — это хорошо! Или это специальное сибирское? Фотографии туруханской ссылки так до меня и не дошли. Очень жаль. Книги Рукавишникова[11] у меня есть. Изломился парень. Толку не будет. Дурно манерничает как проститутка.

Когда в ближайшее время соберетесь в Пенатах, скажите спич и заверьте Илью Ефимовича[12] что мы, каприйцы, любим и чтим его и ждем многих славных работ!

Что он теперь пишет, кроме портретов? Я хотел бы иметь снимок с портрета Морозова.[13]

Как вы думаете — надолго ли успокоились японцы и что они предпримут в дальнейшем? Не будут ли обижать вашу прекрасную Сибирь? Черкните пару слов и о Китае.

Будьте здоровы и попрежнему бодры. Жму руку.

А. Пешков.

Декабрь 1910 г.

9

Уважаемый Василий Иванович!

Получил обе книги. И ваши «Сказания» и пьесу Измайлова[14]. Благодарю за неослабное внимание. Два — три рассказа и очерки Измайлова я читал — кошмарное впечатление. Правда, — жизнь наших несчастных рабочих сплошной кошмар, но у Измайлова получается так тоскливо, так нудно, ни малейшего просвета, нет даже вспышек гнева. Так нельзя! Несомненно он хорошо знает быт рабочих, но его рассказы будут интересны и в будущем, когда рабочие займут иное положение, что-то вроде мемуаров, назидательных для потомства. Его несчастие в том, что он бытовик и, судя по пьесе — неисправимый.

Ваши сказания нужно было снабдить многими иллюстрациями и вообще превратить в нарядную книгу для юношества. Все-таки, какие изумрудины в восточном фольклоре! И как жаль (в тысячный раз!), что наши писатели не хотят учиться у народа.

В дни реакции спрос не на фольклор, а на порнографию — это правильно, но чей спрос? И кому служат писатели-огарки? Вы в одном из писем очень зло, но верно определили «испражнения писательского моз-

гаи. Для чьего же услаждения они испражняются? Конечно, не для творцов жизни.

Что следует прочитать о шинтоизме у японцев? И еще, если не трудно, парочку слов о социально-мессианских ожиданиях у народов Азии. У Потанина[15] очень скупо сказано. Вы указывали мне на статью Поле[illegible] в «Московском телеграфе» о языке писателей и об излишнем изобилии у нас геннев, но ваше письмо затерялось и я не знаю, где это найти, а очень нужно. Извините, что затрудняю еще раз.

О какой сибирской поэме Ершова[17] говорит Потанин?

Ну, довольно. Жму руку.

А. Пешков.

Р. С. Уайльда[18] о лжи и о критиках я тоже прочитал. По-моему, парень просто бузит, чтоб растрясти своих сонных англишменов.

16—III—1911.

10

[illegible] Иванович!

Спасибо вам за ваше письмо, очень ценное для [illegible]. Судя о том, что я собираюсь издавать журнал [illegible]величены» — именно этого [illegible]. В печи хлеба не сеют, как [illegible] русское я не могу. Вер[illegible].

[illegible] издавать толстый журн[illegible]. требующих разработки, — непочат край. Ведь областной думы вам хочется? Ведь метрополия, Санкт-Петербургом именуемая, ни к чему вам? Только грабит. А пора же россиянину учиться не давать себя грабить питерским немцам.

Кроме грустных шуток — отчего у вас не налаживается журнал? Чудесное бы дело. Чем глотать отра-

ву, истекающую с гнилых берегов Балтики, дышали бы вы своим здоровым воздухом, самоуправлялись бы, самоопределялись.

По вопросу [illegible] Щеглову,[20] Прохорову,[21] Шишкову,[21] Гребенщикову,[22] если знаете его, а вам крепко жму руку и — спасибо за присланные книги.

Будьте здоровы.

А. Пешков.

(Без даты. На [illegible] V—12)

11

Дорогой Василий Иванович!

Ваша установка по вопросу о будущем Сибири [illegible] дискуссию...

По этому вопросу Блуме будет вам писать детально, а вы к нему прислушивайтесь — это человек большого плавания.

Хотелось бы иметь сведения по двум вопросам, а именно: каким образом это получилось, что вы в Рев. Комитете «Дальневосточной Республики» имели шесть голосов? И второй вопрос, что от печати за Красноярском Рабочем [illegible] «Высочайший [illegible]

Еще раз [illegible] написать подробно [illegible]

О [illegible]

Вас [illegible]

А. Пешков

[illegible]

12

[illegible]

Мысль издать «Сибирский» сборник — добрая мысль и будучи на Вашем месте, я бы тотчас же начал претворять ее в дело так, чтобы осенью сборник появился в продаже.[23]

Редакция должна быть Ваша, Сибирская, и, конечно, было бы хорошо сделать ее коллективной, а не единоличной.

Переговорив со товарищи, изложите ваши условия, желания и весь план сборника, пришлите все это мне, а я сообщу Пятницкому.

Будет ли дана вводная статья, коя очертила бы легонько сибирские чаяния, рассказала бы публике почему именно является Сибирский сборник и т. д.? Мне думается, что ныне всяк окраинный россиянин, выходя разговаривать с земляками, должен определить свое отношение к «московско-русской мысли», — «Вехам» и сопряженному с ним учению о построении «Великой России». Московское мышление становится воистину ценным для нас — 502 миллиона брошены ворам не без его влияния![26]

Ожидаю от вас дальнейших сообщений по этому делу. А Кашинцев[27] интересен. Ему бы надо хорошенько поучиться русскому языку и технике стиха, да, кстати, голос понизить, а то на высоких нотах визжит. Очень интригуют меня часто повторяемые и, видимо, любимые им слова «пред-бог», «пред-основа», «пред-жизнь» и всякие другие «преды» — это характерно не только для него и возбуждает у меня хорошие предчувствия.

Вообще-то он — «неопределившийся», как сам себя называет и как это свойственно человеку нашего времени, но мне нравится в нем дух бунтарства. «Зачем молчать»[28] — очень недурно и вполне правильно: молчать не зачем. И, еще раз, приятно, что вы, Сибирь, хотите говорить. Кричи, ребята!—Русь услышит.

...Много хорошего народа у вас, как чувствуется. Весьма любопытен у вас Тачалов.[29]

Жаль, что Гребенщиков отклонился от своей работы, жаль![30]

А я иду куда следует, туда же все, куда и все время, двадцать лет, шел. Статья Изгоева дрянцо, как и он сам, я считаю ее нарочито запутанной и не-

честной. Скоро приспеет конец вехистам и фарисейскому юродству их.[30]

Г. Н. Потанину почтительнейший поклон. Недавно прочитал его «Восточные мотивы»[32] — с наслаждением!

Не найдется ли у кого книжки «Легенды минусинских татар»? Автора не помню.[34] В России эту книгу два года ищу — не могу найти, а очень нужна.

Будьте здоровы и пожелаем добрым начинаниям доброго успеха, а злые да будут поражены проклятием внутреннего бессилия и — сгинут!

Жму руку.

А. Пешков.

(Письмо без даты: получено 21—VI—1912)

13

Дорогой Василий Иванович!

Не обессудьте за предыдущее кислое письмо. Надеюсь, вы не заразились от него хотя бы насморком — ядреный сибирянин!

Ох, и большущее вам спасибо за потанинскую сагу,[31] прочитал залпом, а потом набело стал с карандашом читать. И до чего вы, сибиряки, материалами заряжены густо, — особенно вы с Потаниным. Ведь вы можете азиатскую эпопею написать, в широченнейших масштабах! Пишете ли вы роман? Смотрите, скоро ругаться буду!

А я и не знал, что бунтарь-протопоп[35] в Сибири проповедывал. Где мне об этом прочитать? Какие у вас, сибиряков, бунтовские корневища длинные!

Очень прошу — не забудьте, пожалуйста, и напишите мне: в какой именно книге Крижанич[36] излагает мысль о необходимости вмешательства в экономическую жизнь страны? Ведь это же чертовски интересно! И в какие именно годы он жил в Сибири? А может быть, еще какие-нибудь знаменитости жили в вашей бесподобной Сибири и писали работы по филосо-

фии историй. А? Может быть, Данте, или Мильтон?

Я вполне согласен, что Шишков может развернуться в крупного писателя, но до сих пор он пишет неуверенно, оглядываясь по сторонам и чуточку под Ремизова, словно боится быть оригинальным, самим собою. Кроме того, ему нужно остерегаться: как бы не сбиться на дорогу сибирского [illegible], ни на обрекайтесь, за приятеля — я добра ему желаю, как и всем вам.

Гребенщиков тоже безусловно талантливый человек, но его талант отделки и шлифовки требует. Мало у него знаний, учиться ему, ой, много надо! Работать над собой [illegible], [illegible] и прочти знаний. Широта у него большая, а глубины нет. Возьмите-ка его в обработку и начините как следует. Но что у всех у вас, сибиряков, приятно, так это скромность!

Так противна наглость, с которою всякая бездарь в писатели лезет.

За то я и полюбил вас крепко.

Спасибо за книги и указания.

Желаю успехов всему содружеству.

Жму руку

А. Пешков.

II

Многоуважаемый Василий Иванович!

Реорганизуемый группой литераторов журнал «Современник» ставит себе главной целью разработку и освещение культурных запросов племен, входящих в состав империи, а также и запросов областей империи нашей.

Усердно прошу вас сорганизовать товарищей сибиряков, чтобы они выработали статью на тему о культурных запросах, желаньях и нуждах Сибири.

Думаю, что мне писать вам нечего не надобно; [illegible] помнить мое письмо, вызвавшее лестное

для меня ваше одобрение, и, если найдете нужным, прочитайте мой ответ на анкету «Украинской жизни» в сентябрьской книжке оного журнала.

Вы, конечно, сами прекрасно понимаете новизну и серьезность для русского общества тех вопросов, которые хотелось бы поднять. Вы поймете также и цензурные опасности, грозящие «Современнику» на избранном им пути.

Как идет дело «Сибирского сборника»?

Где Гребенщиков? Не можете ли переслать ему прилагаемую записку. Пожалуйста!

Если вы знакомы с Иосифом Ивановым[37] — спросите нет ли у него каких-либо «сибирских» стихов? Если есть, пусть пришлет мне.

Желаю вам всего доброго.

А. Пешков

1912—X—2

Capri

А шуметь о задачах «Современника» не надо — дело себя покажет и оно всегда важнее слов. Так что я буду просить вас — держите задачу журнала среди своих близких и, по возможности, в секрете.

А. П.

19 сент. 2 окт. н. с. 1912 г.
Капря

15

Дорогой Василий Иванович!

Ваше сообщение о том, что первым, указавшим на роль экономических факторов и производственных отношений был Ибн-Халдун,[6] писавший в XIV веке, произвело сенсацию. Особенно заинтересовался наш общий друг.[7] Но книги пока достать не могли — она оказалась очень редкой, в Неаполе нет, запросили в Париже. А у К. Маркса, действительно, Ибн-Халдун не упоминается.

Между прочим, о книгах. Какой-то иностранец — имени не помню — написал на латинском языке книгу об обычаях татар и москвитян. Что это за книга? Где ее достать? И нет ли на русском?[39] Очень обяжете указанием.

Не поскупитесь на время и напишите подробнее, что это за «Служба кабаку» и «праздник кабацких ярыжек», которую поют ваши сибирские семинаристы? Будущие попы — и такое великое кощунство![40] Показательная для Руси штука.

Вашу антропологическую работу и дедовщину я получил.[41] Большое спасибо, но первая для меня слишком учена, да и ревнив я: лучше бы вы роман написали. Вот дедовщину люблю. Собирать ее нужно — прекрасное начинание!

Порадуйте новостями по «Сибирскому сборнику». Я придаю большое значение сибирской литературной мобилизации — и она важна не только сама по себе, но и как толчок для всея Руси.

Очень хотелось бы побывать у вас, повидать, потолковать — всего не напишешь.

Привет всем друзьям, а вам наособицу.

А. Пешков.

4 окт. 1912 г.

16

Дорогой Василий Иванович!

Весьма смущен первыми строками вашего письма, где вы ведете речь о том, что предшествовавшее ваше письмо «неудачно» и наполнено «телячьим восторгом».

Я ничего подобного не почувствовал, не заметил. Радость ваша показалась мне естественной радостью человека, который принимается за большое, всем нужное дело.

Но — оставим это. Отвечаю по пунктам. Мне кажется, что издание сборника должно быть отложено

до весны — это дает вам возможность поставить дело наиболее солидно.

Размер определится материалом. Формат и вообще вся внешность — это не столь важно и мы подождем обсуждать это.

Условия, намеченные вами, совершенно приемлемы. Но мне хотелось бы поставить дело так, чтобы весь доход со сборника поступал в пользу авторов. Не уверен, однако, что это удастся в наше коммерческое время. Кто явится издателем сборника, я еще не знаю. «Знание» стало ленивo и нерадиво, я его побаиваюсь в данном случае. Сборник должен быть пущен на рынок энергичной рукою. Возможно, что в близком будущем организуется и другое книгоиздательство, которое поставит целью своей разработку областных вопросов.

Вы пишите: «Сборник будет исключительно литературным», — а вводная статья, очерк культурной жизни и запросов Сибири? Это необходимо.

Вы можете поместить в качестве вводной статьи ту, которую я просил вас написать для «Современника», но напишите ее хорошо, голосом всей Сибири, т. е. коллективно, дабы она не вызывала споров и возражений со стороны сибиряков же.

Просмотреть материал с литературной стороны, как читатель, а не как редактор, я, конечно, согласен. Но редакционных тягостей и указаний не беру на себя — молод для этого и недостаточно знающ.

Материал доставляйте мне для этой цели и для прочтения частями — это мне было бы удобней. Может иная рукопись съездит из Сибири в Италию и обратно раза два. Сие не суть угрозы, но предупреждение. Необходимо, чтобы дело было сделано по возможности чисто, без сучка, без задоринки. Читатель ныне стал избалован и даже Толстого уличает в неправильной расстановке знаков препинания. А затем он стал эстет — я думаю для того все, чтобы прикрыть свою азиатскую лень.

Занимается ли Сибирь вопросами внешней политики? Если — да, было бы поучительно и необходимо

знать, что именно думают сибиряки о деяниях российской дипломатии и администрации в Монголии, Китае и вообще на Дальнем Востоке?

Здорово ли это вам? Не создают ли вокруг вас кольца врагов?

Интересно также ваше отношение к делам в Средней Азии, в частности персидские. Не затронет ли ваших интересов Багдадская дорога?

Если по этим вопросам у вас думают, то пусть и пишут. Далеко все это? Ничего, надо учиться смотреть и в даль. Жизнь дана надолго и не только для нас, а и для потомков наших. Жизнь развивается все быстрей, и то, что вчера было далеко, завтра может подкатиться под бок нам. Правители же нашей жизни не очень важно понимают наши интересы, и мы должны обо всем думать сами, ежели не желаем, чтобы нас слопал европейский капитал.

Было бы, говорю, очень интересно знать отношение [illegible] столь мощной, как Сибирь, к политике центра. В какой мере центр считается с вашей жизнью, вашими намерениями и т. д.

Вы [illegible] будите же самих себя, да всю Русь к здоровой, деятельной жизни!

[illegible] эти напоминания, может быть по[illegible] и неуместные.

[illegible] читая статьи... в «Сибирской жизни», что излишне часто повторяют имя Горького. Зачем! Не надо этого делать, ибо это может повредить сборнику. Полезнее молчать о Горьком и его участии в деле, тем более, что пока это участие только словесное. Комплименты друг другу мы скажем сделав дело, когда заслужим их.

Я уверен, что заслужим. Не бывал я в Сибири, но много видел сибиряков — это особый народ, — и несокрушимо верю, что он может сделать большую работу.

Всем сердцем желаю вам, уважаемые люди, бодрости духа и духа дружбы, согласия сердечного в добром, нужном деле!

Все остальное неизбежно приложится.

А. Пешков.

1912—X—12

А вы мне пришлете вашу книгу о шаманизме? Пожалуйста! Интереснейший вопрос. Им весьма усердно занимался [illegible], практически он очень интересовался когда-то [illegible] в России по вопросу о шаманизме? Кажется, смерть не дала ему кончить работу, начатую им на основании английских источников, но он говорил, что работа начата им.

Удивительно хорошее впечатление вызывал этот человек.

Будьте здоровы

А. П.

17

Дорогой Василий Иванович!

Ваше предложение выходит за пределы моей компетенции — я ведь только соредактор, а тут дело каждого издателя. Вы позволите мне послать выдержку из вашего письма Невину и Ляцкому?[13]

Вы затронули в письме вашем тему крайне живую, чрезвычайно интересную — я говорю о росте экономических противоречий между Азиатской и Европейской Россией. Что таковые есть, что они должны расти, об этом я догадывался или, пожалуй, немножко знал по рассказам сибиряков.

Дайте статью на эту тему, небольшую, компактную, которая ставила бы вопрос ребром! Дайте статью эту сейчас же, до выяснения вопроса о ближайшей участи вашем в журнале.[14]

Я, разумеется, буду стоять за необходимость приглашения вас в редакцию, будучи уверен, что вы не дадите сибирскому вопросу перевесить украинский на-

пример, и другие подобные. Мне кажется, что объективность в данном случае и необходима, и выгодна для нашего уяснения читателю политической и хозяйственной анархии, коя царит на родине его.

Будем действовать!

На вопрос вашего письма не отвечаю пока, скажу только, что я лично не сторонник той точки зрения, которая принята с-деками.[45] Уверен, что они принуждены будут «исправить» ее, во всяком случае, наиболее разумные из них скоро придут к этому.

Доброго здоровья.

А. Пешков.

16 октября 1912 г
Капри

18

Дорогой Василий Иванович!

Около десяти лет тянется наша с вами переписка— и все-таки у вас находится чем ушибить меня. Ну, и Сибирь! Ну, и сибиряки! Ведь я совершенно искренне пошутил, говоря о Мильтоне, имеющем отношение к Сибири, а оказывается, как говорят — в точку попал. Всему культурному миру известно, что Мильтон больше всего р а й с к и м и делами занят, а на деле оказалось, что он специалист по сибирским вопросам!![46] А относительно сибирской интервенции совсем сногсшибательно, — почему в истории Сибири ничего об этом не говорится?[47] Вон когда еще английская рука к нашему пирогу тянулась! И как необходимо знать прошлое, чтоб понимать настоящее! Молодцы, сибиряки! А толстый журнал вам абсолютно необходим — сборником не обойтись.

Очень важен и второй вопрос, может быть важнее первого. Новая социалистическая этика должна быть — это я давно чувствую. Из этой этики родится эстетика— само собою понятно. Раз мы ясно представляем сущность социализма, то должны у нас наметиться и основные контуры социалистической этики — тоже как будто верно, а все-таки социал-этики у нас нет. В чем дело?

С величайшим нетерпением буду ждать вашего «опыта» разрешения великого вопроса, только не откладывайте в слишком долгий ящик, и скоренько пришлите мне, если даже и не совсем удачно получится.

Относительно социалистического искусства — литературы, в частности, я напишу вам особо.[48] Мысль о том, что это будет и не реализм, и не романтизм, а какой-то синтез из обоих, — мне кажется приемлемой. Да, возможно, что так и будет.

Скоро ли получу материалы для сборника? Послали ли статью в «Современник»?

Был рад узнать, что Шишков пишет большую вещь. Давно пора.

Всем привет и рукопожатие.

А. Пешков.

4 ноября 1912 г

19

Дорогой Василий Иванович!

Ура! Получил первые материалы для сборника и немедленно прочитал. Сразу два новых автора! Рассказ Гл. Байкалова очень хорош. Несомненно автор с большим будущим, несомненно! Пожалуйста, напишите возможно подробно — кто такой ваш Байкалов[49] и передайте ему мой привет.

Свежи и сочны алтайские этюды Бахметьева, хороши. Сообщите подробности и о Бахметьеве,[50] он тоже далеко пойдет — далеко!

И так первый том сборника сформирован. Участвуют: Анучин, Байкалов, Бахметьев, Гребенщиков, Драверт,[51] Новоселов,[52] Тачалов и Шишков. Да, ведь это целая золотая россыпь! Сборник будет хорош.

Ваш организаторский талант, поверьте, будет достойно оценен в летописях нашей литературы, а я получил больше, чем ожидал. Молодцы, Сибирь! И так вперед!

Всем привет, вам крепко жму руку.

А. Пешков.

1913—11—19

20

Дорогой Василий Иванович!

Получил ваш трактат[53] о тихоокеанской эре. Тут уже не вопрос, а вопросище. Ваша постановка мне кажется чрезвычайно убедительной. Но в каком, совершенно новом свете становится Сибирь—из дикого за[illegible]! Неужели же все-таки тихоокеанский конфликт неизбежен?? Неужели японцам действительно тесно и они вынуждены выбираться на материк Азии?

Если они, т. е. их воинствующий капитализм вынужден это сделать, то конфликт, конечно, неизбежен. С трудом, но я все-таки представляю Китай, разодранный на части, но Сибирь—без Приморской области, без [illegible]у — что из нее получится?

[illegible]обходимо заострить этот вопрос, необходимо [illegible]. Удивительно неумны ваши сибирские меньшевики, как и все, впрочем. В международной жизни чувствуется огромное напряжение, встают мировые вопросы, а эти идиоты [illegible]ты спором о двуперстии.

Мне вполне понятен ваш гнев: надо спешить, чрезвычайно спешить двинуть огромное дело, а тут за руки [illegible].

[illegible]

[illegible] ответили на очень важное письмо Ул.[7] — ответ очень нужен, имеет б[illegible]. да вот волну[illegible].

[illegible]

[illegible]

А. Пешков.

[illegible] 1913 г.

Где Гребенщиков? Почему не пишет?

21

Дорогой Василий Иванович!

Бесконечно благодарен вам за сообщение о со- [illegible] Конфуция, но я жажду знать во всех подробностях — где мне прочитать? Если этого [illegible] на русском языке, то будьте добры все-таки окажите дружескую услугу и сообщите: как по Конфуцию будет организовано «Всемирное Государство»? Как он представляет «Всемирный Союз» и когда именно делались попытки национализации земель и промышленности в Китае? Кем?[54]

! Вы неразборчиво написали имя индийского атеиста — это по поводу атомистической теории индусов,— пожалуйста, повторите его.[55] А с [illegible] философом З. Якобом[56] я знаком.

Читали ли вы доклад Б. К[illegible] на Всемирном философском Конгрессе?[57] Непре[illegible] дать большую статью с [illegible], а до сих пор ничего нет.

Наконец-то вы [illegible] Оно давно вам известно. [illegible] ном социально-мессианск[illegible] восходная мысль!

Способн[illegible] никто — долж[illegible] благословля[illegible]

К[illegible] п[illegible] ле[illegible] ления слов[illegible] путра вып[illegible] глядывайте, ве[illegible] ми. Передвиж[illegible] русской культур[illegible] перь иные м[illegible]

Привет писателям [illegible]!

19 мая 1913 г. А. Пешков.

22

Дорогой Василий Иванович!

Прежде всего — примите горячую мою благодарность за книжку о шаманстве,[53] — чрезвычайно интересная вещь, прочитал не отрываясь, нашел в ней много ценного для себя. Поверьте, что говорю это отнюдь не ради комплиментов, — зачем бы комплименты?

«Сибирский сборник»? Господин редакционный комитет! Конечно, будет так, как вы решите, но, на мой взгляд, вы напрасно отказываетесь осуществить эту добрую затею.

Напрасно!

Мою роль в этом деле я считаю пассивной до поры, пока не получу статью о культурных задачах и потребностях Сибири. Только с точки зрения этой статьи я мог бы более или менее верно оценить материал сборника, — его пригодность, его соответствие общему тону и смыслу статьи. Ведь известное психологическое соответствие должно быть, оно неизбежно, не так ли? Ну, вот: имей я в руках эту статью, я бы знал что делать, выступать же пред вами в роли чисто литературного критика и оценщика присланного материала, — это не моя роль, как я думаю, это вы сами сделаете не хуже меня. Да и сделали в сущности.

Между — «сибирским» и «российским» человеком есть какая-то разница, я очень ее чувствую, но не могу уловить, уложить в слова достаточно ясные. Статья помогла бы мне в этом, я бы попробовал написать маленькое предисловие, выясняющее внутренний социально-психологический смысл сборника, послал бы это предисловие на усмотрение ваше и на вашу критику, и, таким образом, дело у нас наладилось бы.

Что вы на это скажете, Комитет?

А Гребенщиков начинает писать все лучше и лучше! Добрый путь!

Кланяюсь, жму руку, еще раз спасибо за книгу.

Не отвечал столь долго, потому что угнетен делами и до последних дней оседлости не имел, а вел жизнь кочевую и терял адреса.

Если будете близко гнилых мест питерских, — надеюсь — увидимся?

А. Пешков.

(Письмо без. даты, получено: 17—V—1914)

23

Дорогой Василий Иванович!

Что же это вы сделали? Зачем вы вашего доктора в газетном подвале похоронили?[59] Хороший журнальный рассказ — почему вы нам его не послали?

...Ваш доктор сильная вещь и хорошо бьет в цель. У вас несколько «психологических» рассказов, надо бы дать их отдельной книжкой? Что скажете об этом?

Как подвигается всеазиатский роман?

Между прочим, — у Ал-Бекри[60] сказано про славян, что «у них обычаи, подобные обычаям индейцев», а что за обычаи и в чем подобие — указаний нет. Где можно найти подробности по этому вопросу, чрезвычайно интересному?

В ближайшие дни напишу большое письмо.

Жму руку.

А. Пешков.

14 июня, 1911 г.

Василий Иванович Анучин — научный работник, писатель. Родился в 1875 г. в селе Базайском, Красноярского края, умер в 1913 в г. Самарканде. В 1902 г. Анучин окончил Петербургский Археологический институт по этнолого-географическому отделению и работал в музее антропологии и этнографии Академии наук. Совершил ряд экспедиций по окраинам Сибири. С 1905 по 1907 гг. проживал в городе Красноярске, затем с 1908 по 1911 г. —в Петербурге, а с 1911 по 1922 г. в Томске В последние годы Анучин - состоял профессором по кафедре физической географии пединститута имени Горького в г. Самарканде.

В. И. Анучин начал свою литературную деятельность в

1896 г. в сибирских газетах. Научной работой занялся с 1900 г., будучи еще студентом. Произведения Анучина объединены в сборниках: «Рассказы сибиряка». СПБ, 1899; «Сибирские сказки» СПБ, 1905; «По горам и лесам». Этнографические работы — «Енисейские остяки», Москва, 1911; «Очерк шаманизма у енисейцев», издание Академии наук, СПБ, 1914; «Дедовщина в Сибири» («Живая старина», 1908, 1); «Материалы по областному словарю сибирского наречия». («Известия Красноярского подотдела Р. Г. об-ва», т. 1, в 6. 1901 г.) и др. Последняя научная работа В. И. Анучина—«Исчезнувшие народы Центральной Азии». В последние годы жизни им закончены два больших романа «Волхвы» и «Азия для азиатов» и историческая трагедия «Красноярский бунт». (Произведения эти еще не изданы).

В. И. Анучин встречался и был в переписке с Владимиром Ильичем Лениным. Переписка эта обнимает период с 1903 по 1913 гг.

А. М. Горький поддерживал переписку с Анучиным в течение одиннадцати лет. Было несколько личных встреч. Об этих встречах Анучин писал С. Е. Кожевникову: «Если письма Горького ко мне дают очень много, то мои встречи с ним совсем не ярки. Случалось так, что либо Ал. М. был за границей, когда я приезжал в Питер, либо я был в экспедиции или ссылке, когда он возвращался на родину. Встреч было всего пять, из них три проходили в обстановке, исключающей возможность побеседовать наедине. Надо признать, что эти случайности пошли на благо: если-бы было больше встреч, то пропорционально меньше было бы писем, а их не заменишь никакими воспоминаниями». (Письмо от 19 февр. 1941 г.).

Свой литературный архив профессор Анучин передал почти полностью в литературный музей в Москве. В этом архиве, кроме писем М. Горького, имеются также письма к нему Леонида Андреева, В. Бахметьева, А. Богданова, Ф. Гладкова, Г. Потанина, И. Тачалова, Вяч. Шишкова и др.

Письма А. М. Горького Анучину впервые были опубликованы в «Сибирских огнях» (1941, № 1). По этому поводу В. И. Анучин писал редактору «Сибирских огней» С. Е. Кожевникову: «Я не имел в виду опубликование писем А. М. в «Сибирских огнях» полностью и послал их как материал для вашей статьи. Но раз вы пожелали дать их полностью, то я приветствую это начинание».

После «Сибирских огней» письма были опубликованы в третьем выпуске Трудов Самаркандского пединститута им. Горького (Самарканд, 1941 г.).

В настоящем сборнике публикуется 23 письма Горького Анучину. Всего Анучин получил, как он сообщал в письме С. Е. Кожевникову, 31 письмо, но 8 из них утрачены.

[1] Рассказ «Уважили» напечатан в журнале «Образование», № 10, 1903 г.

[2] Повесть «По горам и лесам» сперва печаталась в детском журнале «Товарищ», затем вышла отдельным изданием (О. Н. Поповой) в 1903 г. Впоследствии вышло несколько повторных изданий.

[3] Речь идет о трагедии «Красноярский бунт», которую автор закончил уже при советской власти. Она не печаталась.

[4] Легенды «Вечный скиталец» и «Такмак». Изд. О. Н. Поповой. СПБ, 1904 г. Словарь: «Материалы к областному словарю сибирского наречия». Изд. Географического общества.

[5] Газета «Биржевые ведомости», издававшаяся в Петербурге.

[6] Речь идет о событиях 9-го января в Петербурге.

[7] В. И. Ленин.

[8] Библиотека Г. В. Юдина в Красноярске, в которой В. И. Ленин работал в философском и экономическом отделах перед отправкой в с. Шушенское в ссылку. Это книгохранилище продано библиотеке Конгресса в Вашингтоне.

[9] Н. С. Щукин—в пятидесятых и шестидесятых годах напечатал в разных журналах много статей, богатых материалами по экономике, географии и этнографии Сибири. Вопрос о переиздании работ Щукина ставился несколько раз, но дело не осуществилось. Наиболее богатое собрание статей Щукина находится в библиотеке В. И. Анучина.

[10] Т. е. на Капри, в Италию.

[11] Н. С. Рукавишников—поэт и автор романа «Проклятый род».

[12] И. Е. Репин—известный художник. «Пенаты»—его дача.

[13] Н. А. Морозов—шлиссельбуржец. Репин написал его портрет.

[14] В. К. Измайлов, — Пьеса «духа угашайте». Все произведения Измайлова изображают жизнь рабочих. Из отдельных изданных: «Цветы жизни», сборник рассказов. СПБ, 1908 г.

[15] Г. Н. Потанин—известный путешественник по Монголии и Китаю. Сибирский областник-культурник.

[16] Н. А. Полевой—сибиряк, редактор-издатель «Московского телеграфа», Заметка о гениях—«Московский телеграф» 1829 г. № 24, стр. 487.

[17] П. П. Ершов—писатель-сибиряк, автор «Конька-Горбунка». Речь идет о поэме «Сузгэ» («Современник», 1838 г.).

[18] Оскар Уайльд.—Диалоги: «Упадок лжи» и «Критик как художник».

[19] Мих. Щеглов—сибиряк, художник, иллюстрировавший много книг. Он увлекался разработкой сибирского орнамента в применении к вещам прикладного искусства. Вместе с художниками Прохоровым и Ворониной он написал об этом А. М. Горькому, от которого получил теплое письмо с убедительной поддержкой «прекрасного начинания». Письмо Горького было праздником для томских художников и вдохновило их на огромную работу, хорошо выполненную.

[20] С. Н. Прохоров—художник, проживавший в Томске; преподаватель живописи.

[21] В. Я. Шишков — известный писатель-сибиряк, лауреат Сталинской премии; в то время был начинающим; горячий участник литературного кружка в Томске.

[22] Г. Д. Гребенщиков—писатель-сибиряк. Родился в 1882 г. Печатал в сибирских газетах бытовые очерки под псевдонимом Сибиряк. В 1910-х годах редактировал в Барнауле газету «Жизнь Алтая». Печатался в редактируемом М. Горьким «Современнике» и позднее в «Летописи». Революция застала Гребенщикова на юге, откуда он эмигрировал в Америку.

[23] Вл ул —Вл. Ул., т. е. Вл. Ульянов—В. И. Ленин.

[24] Городской комитет «Красноярской Республики» был организован на паритетных началах от рабочих, солдат, мещан, ремесленников и городской Думы, пропорционально количеству. Городская Дума отказалась от участия в Комитете; мещане и ремесленники получили шесть представителей, но делегировали одного В. И. Анучина, отсюда у него шесть голосов при голосовании.

«Высочайший поэт» это К. Р. — великий князь Константин Романов; он был президентом Академии Наук, а Анучин состоял сотрудником Академии. К. Романов действительно воздействовал на министра внутренних дел, и Анучин за участие в Комитете «Красноярской Республики» был приговорен «к высылке из пределов Восточной Сибири навсегда».

[25] Ввиду того, что организация толстого журнала не могла быть скоро осуществлена, В. И. Анучин предложил одну—две из книжек сборника «Знание» превратить в «Сибирский сборник», который должен был послужить трамплином к изданию журнала.

[26] Неясно и не удалось установить, о каких «ворах» и миллионах идет речь.

[27] Ф. Н. Кашинцев—сибирский поэт. Сборник стихов «Боли сердца» СПБ. 1911 г. Кроме указанной книги покойному принадлежит поэма «Туркестан» и сборник стихов «Дерзо-Коран» (1924 г.).

[28] «Зачем молчать»—заглавие стихотворения Кашинцева.

[29] И. Н. Тачалов—сибирский поэт-общественник. Выдвинулся из низов общества. Трагические условия жизни и болезненное состояние не дали возможности развернуться таланту Тачалова в полной мере. Благодаря содействию А. М. Горького был издан небольшой сборник стихов Тачалова.

[30] А. М. Горький неодобрительно отнесся к тому, что Гребенщиков, в ущерб литературным работам, перегрузился редактированием газеты.

[31] О какой статье Изгоева идет речь—не удалось установить.

[32] Г. Н. Потанин—«Восточные мотивы в средневековом эпосе». Москва. 1899 г., страниц 893.

[33] Л. Титов—Поэмы минусинских татар. «Этнографич. сборник». 1861—64 гг. Всего шесть выпусков.

[34] Г. Н. Потанин.—«Сага о Соломоне» (Восточный материал к вопросу о происхождении саги). Томск, 1912 г.

[35] Протопоп Аввакум — «Житье Протопопа Аввакума, им самим написанное», впервые издано Н. С. Тихонравовым в 1861 г. Последнее издание — Academia Москва, 1934 г.

[36] Юрий Крижанич. — «Политичны думы», в книге: Бессонов. «Русское государство во второй половине XVII века». СБП, 1859 г. Брикнер «Древняя и новая Россия», 1876 г. кн. 3-я В. И. Пичета «Ю. Крижанич». СПБ, 1914 г. В Сибири Крижанич жил в 1661—1676 г.

[37] И. А. Иванов —томич, студент Восточного факультета, секретарь редакции газеты «Сибирская жизнь». Изредка давал неплохие стихи, но мало.

[38] Ибн-Халдун—арабский историк, жил в 1332—1406 гг., умер в Каире. Его философия истории переведена на французский язык впервые в 1858 г., а затем: De Slane. Prolegomenes d'Jbn-Khaldoun. Paris 1865 г. 3 тома.

[39] Михалон Литвин. — Его книга. „De moribus tartarorum, litvarorum et mosrorum" вышла в Базеле в 1615 г. На русском языке. С. Д. Шестаков. Извлечения из сочинения Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян». Москва, 1854 г. В «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России», т. 2-й.

[40] «Служба кабаку» в настоящее время издана Академией Наук. В. П. Андрианова-Перетц. «Праздник кабацких ярыжек». Ленинград. 1934 г.

[41] В. И. Анучин. — Енисейские остяки. «Труды Антропологического Отдела Об-ва Люб. Естествознания». Москва. 1914 г. Его же «Дедовщина в Сибири». «Живая старина». 1908 г.

[42] Джемс Вильям, английский философ и психолог. Умер в 1911 году. Из его сочинений в России наиболее известны были три: «Многообразие религиозного опыта». Мир с плюралистической точки зрения» и «Психология». Его перу принадлежит статья «Горький как психолог» в одном из специальных английских журналов.

[43] Невин —издатель «Современника», Ляцкий—редактор Предложение В. И. Анучина заключалось в том, чтобы каждая отдельная книжка журнала посвящалась одной какой-либо области России. Например, 1-я книжка—Украина; 2-я—Сибирь и т. д. Это предложение не было принято Ляцким.

[46] Статья не появилась по цензурным условиям.

[45] Речь идет о сибирских меньшевиках.

[49] Мильтон—творец «Потерянного рая», составил компилятивную и очень слабую записку «Краткая история Московии и других менее известных стран, лежащих на восток от России

даже до Китая». Отдельно она была напечатана по смерти Мильтона, в 1682 г. в Лондоне, затем в Амстердаме в 1689 г.

На русском языке: Г. Полуденский.—Русская история Мильтона. «Русский Вестник» Апрель, 1873 г.; Ю. Толстой.—Московия Джона Мильтона. М. 1875 г.; Карнович—«Отечественные записки», т. CXXXI.

[47] Проект интервенции (через Архангельск) и оккупации восточной России («все, что от р. Волги на восток»), как известно, составлен торговым резидентом, долго жившим в России, Джоном Мериком в 1612 г. Король Яков 1-й в мае 1613 г. «тронулся нежным состраданием к бедствиям москвитов» (смутное время), одобрил проект и назначил комиссаром в Россию Джона Мерика и Вильяма Росселя.

[48] Этого письма А. М. не получено.

[49] Гл. Байкалов—псевдоним Ф. В. Гладкова, в то время начинающего писателя. Он дал для «Сибирского сборника» рассказ «Трое в одной землянке», из быта каторжан. См. письмо Ф. В. Гладкова Анучину № 45 в Гос. Литератур. Музее, Москва.

[50] В. М. Бахметьев—ныне известный писатель, в то время начинающий. Он дал для «Сборника ряд набросков под заглавием «В горах Алтайских».

[51] П. Л. Драверт—поэт. Отдельно изданы: «Под небом Якутского края», Томск, 1911 г.; «Стихотворения», 1913 г.; «Сибирь», 1923 г.

[52] А. Е. Новоселов—многообещавший писатель, убит колчаковцами в сентябре 1918 г. Печатался в «Летописи» Горького. Отдельно изданы в Барнауле в 1919 г. две книги: «Беловодье» и «Санькин марал». Посмертные очерки «Лицо моей родины» в журнале «Сибирские огни». 1923—24 гг. Об нем: Березовский Ф. — «Сиб. Огни», 1922 г.

«Сибирский сборник» не вышел. О причине срыва этого начинания В. И. Анучин писал следующее в одном из своих писем С. Е. Кожевникову (26 апреля 1941 г.): «А. М. Горький предложил внести переделки в рассказ Г. Гребенщикова, а Вяткин, будучи секретарем редакционного комитета, вернул рукопись Гребенщикову, причем в открытке написал: «Рассказ возвращается за непригодностью». Конечно, Гребенщиков взбеленился и отказался от участия в сборнике. В. Я. Шишков съездил к Гребенщикову и дело уладилось, но возник второй вопрос: кто будет писать вступительную статью? Потанин и Шишков предложили поручить это Анучину с тем, понятно, что потом комитет обсудит статью. Но Вяткин горячо возражал: левацкие установки Анучина ни в коей мере, не соответствуют настроениям истиной демократии Сибири! И предложил поручить написать статью Всев. Мих. Круговскому (политически: кадет), а тот заявил о своем согласии, — причем тоже заявил: если вводную статью напишет

Анучин, то это будет не отображение лица и запросов Сибири, а максималистский манифест сибирских революционеров. Мне ничего не оставалось делать, как выйти из редакционного комитета. О происшедшей перемене Вяткин написал А. М. Горькому. но ответа не получил, — и сборник умер».

[53] Алексей Максимович в шутку называет «трактатом» слишком объемистое письмо Анучина.

[54] Конфуций—китайский философ, родился в 551 г. до нашей эры. Речь идет о его сочинении «Весна и осень» (философия истории). Сибирским научным кружком в Томске издана брошюра по этим вопросам: проф. Гребенщиков А. В., «Конфуцианство и лига народов» (Интернационализм в Азии). Томск, 1922 г.

[55] Нагарджуна.— «Опровержения мнения о том, что бог создал мир, а также опровержение того мнения, что Вишну есть единственный творец всего мира».

Санскритский текст и русский перевод (Ф. Щербатского) даны: «Записки Восточного Отделения Археологического Общества» т. 16, вып. 1-й СПБ, 1904 г.

[56] Зара-Якоб—родился в Абиссинии, в 1592 г., умер в 1685 г. О нем: в журнале Мин. Нар. Просв. № 12. 1903 г. «Абиссинские свободные мыслители XVII в.» Текст и перевод его «Исследования». СПБ, 1905 г.

[57] Бенелетто Кроче—итальянский философ, неогегелианец. Он на третьем международном философском Конгрессе в Гейдельберге в 1908 г. прочитал доклад: «Чистая интуиция и и лирический характер искусства».

[58] В. И. Анучин.— «Очерк шаманизма у енисейских остяков». Издание Академии Наук. СПБ, 1914 г.

[59] Рассказ Анучина «Страшный доктор», напечатанный в трех номерах «Сиб. Жизни» в конце мая 1914 г.

[60] Ал-Бекри — арабский историк и географ, жил в Испании (XI в). Его «Известия о славянах и их соседях» (Перевод В. Розен). СПБ. 1878 г.

Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВУ

I

Дорогой Гребенщиков,

имя ваше я забыл, за что прошу прощения.

Я вступил в «Современник» соредактором Евгения Александровича Ляцкого по отделу беллетристики и предлагаю вам прислать для этого журнала рассказ.

Посылайте по моему адресу. Было бы желательно получить рукопись в начале декабря.

Не знаете ли вы сибиряка Н. Матвеева, автора рассказа «Мельник» в «Совр. мире» за 1911 г.

Не знаете лично — сообщите адрес, буде он известен вам. Как живете?

А. Пешков.

19 сент. (2 окт. н. с.) 1912 г.
Капри.

2

Дорогой Георгий Дмитриевич!

Первые пять глав «Ханства» — жидковато написаны, и вы сделаете очень хорошо, если — по возможности — сократите их. Будьте уверены, что эти сокращения могут весьма улучшить рассказ, в общем — интересный, но — местами — слишком этнографичный. Бытовое — очень любопытно, но оно важнее там, где в частном — бытовом вы сумеете подметить и показать мне, читателю, — мировое, о б щ е ч е л о в е ч ь е.

Мы с вами о чем заботимся, над чем бьемся? Не хотим ли мы убедить мир — «ты еси един», все твои скорби, муки, надежды, желанья — одинаковы на всех точках планеты нашей? Верно?

Вот вам высота, с которой жизнь Батырбека становится столь же интересна и поучительна, как ваша, моя, жизнь культурного француза и т. д.

Рассказ местами написан небрежно — смотрите стр. 13, 16, 18, 26 и т. д.

«Эффекты» и вообще всякие нерусские слова совершенно не уместны в т а к о м рассказе. Вообще — учитесь сокращать. На 41-й стр. слог «на» встречен мною одиннадцать раз — это нехорошо, однообразно.

Исправив рассказ, передайте рукопись в «Современник» Е. А. Ляцкому.

Книгу свою вы — на мой взгляд — торопитесь издать, подождали бы лучше. Успех она едва ли будет

иметь в наши дни, когда требования к форме литературного произведения стоят очень высоко.

«Конспект романа» вы печатаете тоже совершенно напрасно — это убьет ваш будущий роман, а критике даст возможность сказать, что вы дважды печатали одну и ту же вещь.

Куда вы торопитесь?

Я буду очень рад, если вы заглянете на Капри. это обоим нам, пожалуй, будет полезно, мне же, кроме того, и приятно.

Ну — до свиданья и — будьте здоровы.

Желаю всяких успехов, но — не гонитесь за ними, пусть они сами навалятся на ваши плечи, тогда вы вернее оцените их по существу.

Жму руку.

А. Пешков.

Печатая рукопись — оставляйте поле для поправок, отметок и — не следует печатать так плотно, это затрудняет работу наборщиков, корректора.

Февр. 1913.

3

Дорогой Георгий — а отчество забыл! Это нужно извинить мне: с девяти утра до трех часов ночи нахожусь «в разговоре», около меня — куча народа из России, разговоры все сложные — на все темы — и о Сибири в том числе, — немножко голова устает.

«Деревенскую знать» жду с великим нетерпением. очень интригуете вы меня этой вещью. И не одного меня.

О Порфирове напишу в другой раз, — не имел времени прочитать стихи его внимательно.

Рассказ Семенова кажется пойдет в одной из летних книжек «Современника», но я в этом не уверен и на-днях дам более определенный ответ

Шумиловский—интересен. Если он полагает, что в силах написать литературно-исторический очерк о сибирских писателях,—это было бы очень интересно для «Совр»

Вообще областники нам очень нужны, но необходимо, чтобы их работа имела, по возможности, характер слитный, целостный, чтобы они друг с другом не спорили и В. Анучин не дрался против Л. Шумиловского. Вы понимаете, как убедительно звучит хорошо налаженный хор.

Не можете ли вы дать мне характеристику В. Анучина? Буду очень благодарен.

На Алтай я, должно быть, не попаду. Куда мне ездить? Я человек сидячий, полежать некогда.

Мы живем во дни чрезвычайно трудные, требующие настоятельно упорной, организационной работы. Мы должны заняться духовным «собиранием Руси», делом, которого никто еще не делал упрямо и серьезно, делом ныне необходимым, ибо, если Русь скоро не сложится во единое целое, она в близком будущем развалится, храмина, построенная насильственно и наскоро, страхом и кулаком, — без любви, без разума.

Слышали вы когда-нибудь, чтоб кто-нибудь крикнул всею душой:

— Да здравствует Русь!?

Мне — 45 лет и ни разу не слыхал я такого крика. Пока нет — наше дело плохо! — сердца нет у нас.

Я — не националист, не «патриот» и без кавычек не патриот. Но вот что: жили люди тысячу лет, создали огромное, нескладное государство, а — дальше?

...Должны же мы, наконец, устроить плохие домашние дела наши, чтобы свободно и сильно выйти на улицу, на праздник общечеловечьей веселой работы по устроению на земле жизни светлой, радостной, свободной.

Вам, молодому, сильному, умеющему любить свою землю, желающему ей добра, света, свободы, — вам эти мои слова, наверное, понятны.

Не верьте лентяям, не бойтесь жертвовать собою, — силой ума и воли своей — ради блага своей жизни. —

тогда вы почувствуете себя нужным всей жизни, а это — великое счастье, — чувствовать себя необходимым на земле.

А. Пешков.

4

Дорогой Георгий Михайлович!

Я очень удивлен вашим письмом, оно преисполнено всяких неожиданностей для меня.

Вы пишете: «терпеливо буду выслушивать всякие строгие суды, но ведь могу я не во всем подчиняться им или не могу».

Критика—суждение, а не суд, критику нужно слушать внимательно, терпеливость же здесь неуместна. Выслушайте десять советов, и сделайте по-своему, как вам кажется лучше.

Вы пишете: «не обещаю вам вести себя тихо и смирно», — не понимаю, зачем это сказано.

Ничего подобного я вам не рекомендовал и не мог рекомендовать.

Я не убеждал вас «любить» Бунина, но советовал вам учиться у него знанию русского языка, ибо вы этот язык знаете плохо. Нельзя писать «проницательность в сущность вещей».

В моем отзыве о повести вашей ничего обидного для вас нет. Дело очень просто и ясно: вы прислали мне рукопись для отзыва, я сказал вам: на мой взгляд — работа не удалась, особенно неудачно центральное лицо повести.

Но — мой взгляд для вас необязателен и сердиться на меня у вас нет причин. По отношению к вам я стою в позиции читателя, у которого вы спрашиваете его мнение о вашей работе. Я, читатель, отнюдь не обязан говорить вам только лестное. У меня есть свой опыт, я видел много молодых докторов, вероятно больше, чем вы, ваш доктор не типичен, а искусство всегда стремится подметить типичное, создать тип.

Слова «Вы жестоко побили меня» — излишни. Я просто высказался о повести вашей серьезно и откровенно, имея в виду ваши интересы, вашу пользу.

18/VI—1913.

Гребенщиков, Георгий Дмитриевич — писатель-беллетрист. Родился в 1882. Печататься начал рано в сибирских газетах, где помещал бытовые очерки; позже стал заниматься преимущественно журналистикой, в 1910-х годах был редактором газеты «Жизнь Алтая» (в Барнауле). В литературу вошел с помощью М. Горького; с 1912 г. появляются его рассказы в столичных журналах: «Современник», «Летопись». В первом помещено главное его произведение «Ханство Батырбека» (1913). В 1914—1915 г. вышло два тома рассказов Гребенщикова «В просторах Сибири», затем последовали «Змей-Горыныч» (1916), «Степь да небо» (1917). Революция застала его на юге, откуда он позже, как активный противник советской власти, эмигрировал заграницу. («Сиб. Сов. энциклопедия», т. 1).

И. А. Груздев в статье «Письма Горького в Сибирь» («Сибирские Огни», № 1, 1947 г.) пишет о Гребенщикове:

«Гребенщиков был одаренным, талантливым писателем, но, как человек, был мелковатым, малокритичным в отношении себя склонным к тому, что у нас определяется метким словом — зазнайство. Таким я знал его по встречам в 1916 году, таким его, вероятно, помнят и другие, кто был знаком с ним.

Знал ли об этом Горький, по переписке с ним? Несомненно, знал. Но тем интереснее и важнее письма Алексея Максимовича. Таким он был всегда: если замечал хоть искру таланта, не жалел никаких усилий своих, чтобы раздуть его в пламя; если видел у человека хоть зародыш доброго желания служить общему делу, широко раскрывал этому человеку свое сердце».

Первые три письма А. М. Горького к Г. Д. Гребенщикову мы перепечатываем из первого тома «М. Горький. Материалы и исследования», изданного издательством Академии Наук СССР в 1934 году, оттуда же заимствуем и примечания к ним.

Письма М. Горького к Г. Гребенщикову относятся к 1912—1913 гг., ко времени редактирования М. Горьким художественного отдела журнала «Современник». Ответные письма Г. Гребенщикова (6 писем) падают на эти и более поздние (до 1919) годы. В них Г. Гребенщиков, живя в Сибири, в Барнауле, благодарит М. Горького за содействие в помещении рассказов в столичном «толстом» журнале, сообщает о своей газетной и редакторской работе в барнаульской газете «Жизнь Алтая», о посылаемых М. Горькому собранных этнографических материалах. Попутно Г. Гребенщиков сообщал М. Горькому о большом спросе на сибирскую беллетристику, об общественном оживлении в Сибири, о том, что «Сибирь совсем преображается». Из писем Г. Гре-

бенщикова видно, что переписка М. Горького не ограничивалась публикуемыми письмами и, вероятно, М. Горький писал Г. Гребенщикову в 1915 г., редактируя «Летопись».

«Современник» — осенью 1912 г. М. Горький взял на себя редактирование литературно-художественного и критического отдела журнала «Современник», активным сотрудником которого он был в этот год. В качестве редактора журнала, выходящего в Петербурге, М. Горький, живя в Италии, на Капри, вел переписку с писателями, заказывая им произведения для журнала.

Матвеев Н. — прозаик; М. Горький имеет ввиду его рассказ «Буря» в «Современном мире», 1911, № 6.

«Ханство Батырбека» — напечатано в «Современнике», 1913, № 1.

Ляцкий Е. А. — (р. 1868) — буржуазный критик и историк литературы; соредактор М. Горького по отделу беллетристики и критики в «Современнике»; после Октябрьской революции эмигрировал. Видимо одновременно с письмом к Г. Гребенщикову М. Горький писал Е. А. Ляцкому: «Гребенщиков прислал рассказ—возвратил, прошу переделать».

Шумиловский, Л. И.—окончил истор.-филолог. факультет Моск. университета, редактор публицистического отдела газеты «Жизнь Алтая». О нем, рекомендуя его статьи для «Современника», Г. Гребенщиков писал М. Горькому: «Чтобы иллюстрировать взгляды и умение Шумиловского писать, я прилагаю Вам две его газетные статьи, одна из коих о Ваших последних повестях написана им потому, что Ваши повести действительно всех нас здесь привели в смятение... Признаться, мне не нравится тон статьи Шумиловского о Ваших повестях. Слишком привык он все низводить к одной общественно-политической точке зрения, притом не совсем удачны цитаты. Но это дело вкуса, вернее личного мировоззрения. Шумиловский—прогнанный за левость учитель гимназии. Дважды был избран в Госуд. Думу и дважды развален. Удачно ли он пишет свои статьи для Современника»—судить не мне. Мое дело сказать, что в такой окраине, как наша, «Современнику» не вредно иметь такого сотрудника-областника».

Семенов—писатель, сведений о котором мы не имеем В письме к соредактору Е. А. Ляцкому М. Горький писал: «Рассказ Семенова можно сделать очень интересным, я попробую»[1]

На Алтай, я должно быть, не попаду...—Это место письма М. Горького, видимо, было ответом на слова

[1] В «Алтайском альманахе», изданном в 1914 году под редакцией Г. Д. Гребенщикова, была напечатана повесть А. Семенова — «Белый Бурхан».

Прим. составителей.

Г. Гребенщикова в письме 23 января 1913 г.: «Меня все терзает мысль: неужели Вам не удастся посмотреть Сибирь и особенно Алтай? Я не теряю надежды, что в качестве «проходящего» Вы придете к нам в горы и увидите, что это за величие дикой красоты... Может быть и удастся мне искусить Вас... С Евг. Алекс. (Ляцким) мы уже изыскали способы как бы обрядить Вас, чтобы Вы сошли за какого-либо «ходока» или староверa-искателя «Беловодья»...

«Георгий Михайлович»—описка Горького.

«Я не убеждал вас «любить» Бунина, посоветовал вам учиться у него знанию русского языка». Эти слова дают основание полагать, что в период между февралем 1913 г. (дата третьего письма Горького Гребенщикову) и июнем 1913 г. (дата настоящего письма) Гребенщиков получил еще одно письмо Горького. Судя по письмам Гребенщикова, Алексей Максимович писал ему в 1916 г., редактируя «Летопись», в которой был напечатан рассказ Гребенщикова «Любава», и в 1917 г. и в начале 1918 года. К сожалению, писем этих нет в нашем распоряжении.

«В моем отзыве о повести вашей ничего обидного для вас нет». О какой повести идет речь — установить не удалось. Возможно, о рукописи того произведения, которое представлял Гребенщиков для «Сибирского сборника». По сообщению В. И. Анучина, одного из организаторов «Сибирского сборника», Алексей Максимович, ознакомившись с рукописями для «Сиб. сборника», предложил внести переделки в рассказ Гребенщикова. Последний «взбеленился» и отказался от участия в сборнике.

Гребенщиков принадлежал к числу таких авторов, которые «потребительски» подходили к своей переписке с Горьким, стремились извлечь из этого те или иные выгоды и очень обижались, если Алексей Максимович давал нелестную оценку их произведений, требовал их переделки, отказывался от печатания. В этом отношении чрезвычайно характерным является следующее письмо Гребенщикова Алексею Максимовичу от 27 февраля 1918 года: «...Чураевы мне должны быть средствами, а вы, приобрев у меня Чураевых, до сих пор, вот уже год, держите их в портфеле.

Это обстоятельство меня не только беспокоит, но и злит. На книжном рынке беллетристика идет бешено и по бешеным ценам, а Чураевы лежат, и я даже не знаю —цела ли у вас рукопись. Если вы потеряете ее, или она погибнет в пожаре—вы меня убьете насмерть. Теперь Чураевых мне не написать ни за что... Да и они нужны мне как этап для перехода к следующей книге. Поэтому, помимо всех разглагольствований, это письмо имеет одну главную цель: я вас убедительно прошу немедленно решить судьбу Чураевых: или вы ее сейчас же выпускаете, или я переда́ю ее другому издательству, например, Московскому «Слову»

которое еще в прошлом году готово было издать ее. По правде
сели вы не выпустите Чуриных, меня жестоко необидите, т. к
я много на вас рассчитывал. Затем, конечно, ныне, год спустя
договоренная полистная плата не может оставаться прежней. Как
ни совестно мне, а приходится оговориться: цена должна быть
увеличена, по крайней мере, в 1½ раза. Это уже вы сами пони-
маете, и совестить меня не станете».

В. А. КАРЧЕВСКОМУ

Дорогой друг! Ваше письмо получил и давно уже
А ответить все не мог собраться, и времени не было, и
мешает одно обстоятельство, которое вы, пожалуй, на-
зовете сентиментальностью, а другие товарищи обру-
гают меня за это. Видите ли в чем дело: хочется мне
написать вам, временно устраненным от жизни, что-
нибудь бодрящее, хорошее, рассказать о чем-то, отчего
вам, хотя день, жилось бы лучше, легче. А нет хороше
го-то; то есть, оно, конечно, зреет, да уж очень мало
его, и немощно оно в силе своей.

Люди все больше и больше звереют и безумствуют
от страха перед войной, затеянной ими. Звереют, глу-
пеют, дышат пошлостью и создают атмосферу, которая
отравляет даже тех, кому глупеть не надлежало бы.
Силен старый строй, даже в агонии своей силен. Много
в нем яда. Живут люди в страхе, но и страх не мешает
жуликам жульничать. Буржуазия организуется, крепнет и, конечно, грабит страну, как никогда еще не грабила. Москва стремится к власти — это вы знаете по газетам. Прогрессивный блок становится элементом, который все с большей силой притягивает к себе способное переть и воровать «ради спасения родины от врага».

Правительство не уступает напору буржуазии, сопротивляется по инстинкту механически. Между этими двумя силами — демократия, пролетариат. Они оба его боятся не меньше, чем земцы боятся, и грозят друг другу: вот начнутся волнения в народе. Убеждают они друг друга — одни говорят — «Оставьте нам власть, а то!..», а другие — «Отдайте нам власть, а то...» Мо-

ковские волнения вызвали торжествующий крик — «Ага! Что мы говорили?».

В какую бы сторону ни повернулся рабочий, всякое его движение учитывается борющимися за власть в своих целях. Народ ведет войну, самую страшную из всех, когда-либо бывших. Народ работает много, нет ему ничего. В Петрограде нехватает хлеба, нет дров, нет сахара и т. д. Конечно, в стране есть сахар, хлеб и все что нужно и всего больше мошенников. А отсюда и дороговизна. Эх, очень тоскливо бывает порой на душе, и оттого-то, говорю, и не пишется.

Так-то. Кланяюсь всем.

Будьте здоровы.

А. Пешков.

Это письмо, посланное в енисейскую ссылку 22 сентября 1915 г., в адрес ссыльного (фамилия, которого до последнего времени оставалась неизвестной), было обнаружено в перлюстрированном виде среди бумаг архивного фонда бывшего Енисейского губернского управления, хранящегося в Красноярском краевом архиве.

Оригинал письма М. Горького находился первое время у ссыльных, водворенных в село Ярцево, откуда 8 февраля 1916 г. один ссыльный, некто Петр, вместе с запиской личного характера, переслал его в село Казачинское.

Судя по материалам, письмо М. Горького было перлюстрировано полицейскими чиновниками для Енисейского губернского управления в Ярцевской почте при отправлении в село Казачинское.

Посылая записку в Казачинское, Петр просил «передать привет Клавдии Ивановне[1] и Аде Павловне[2]» и предлагал письмо М. Горького по прочтении передать им.

Обращаясь к материалам, характеризующим даты жизни и деятельности М. Горького, нетрудно установить, что, судя по донесениям наружного наблюдения Петербургского охранного отделения, «А. М. Горький 21 сентября 1915 г., находясь в Петер-

[1] Клавдия Ивановна Николаева отбывала ссылку в селе Казачинском, где в марта 1917 г. организовала многолюдную демонстрацию по случаю прибытия туда партии ссыльных, среди которых находился В. В. Куйбышев.

[2] Ада Павловна Лебедева, отбывавшая ссылку в селе Казачинском, была зверски растерзана пьяной ордой колчаковцев летом 1918 г. в Красноярске.

бурге, посетил книгоиздательство «Парус», контору редакции журнала «Русские записки» и в 5 часов вечера уехал на Николаевский вокзал».

Через день полицейский надзиратель донес в Московское охранное отделение о том, что 23 сентября А. М. Горький «приехал в Москву и остановился в гостинице «Боярский двор».

Таким образом, письмо это было написано и отправлено А. М. Горьким, очевидно, в целях конспирации, во время пути из Петербурга в Москву, на одной из промежуточных станций, 22 сентября 1915 г.

Обществом изучения Красноярского края были предприняты поиски оригинала этого письма М. Горького.

Адресатом, у которого хранится оригинал этого письма, оказался старший инженер Краслеса В. А. Карчевский.

По поводу этого письма В. А. Карчевский рассказывает, что с М. Горьким он познакомился в 1909 г., когда был тесно связан с петербургской организацией РСДРП (большевиков)

«До ссылки в Енисейскую губернию,—говорит В. А. Карчевский,—мне несколько раз приходилось обращаться к Алексею Максимовичу за помощью, литературной и материальной, для партийных целей».

«В енисейскую ссылку,—продолжает В. А. Карчевский, — М. Горький писал не только мне, но и другим товарищам. В 1916 году, насколько я знаю, он писал т. Валентину Яковлеву» (расстрелянному чехословаками в 1918 г.).

В. А. Карчевский указывает, что по возвращении из енисейской ссылки он встретился с М. Горьким и последний справился—все ли письма от него получены?—Выяснилось, что несколько писем М. Горького адресатам не были вручены и, по всей вероятности, были «по неблагонадежности» пересланы местной полицией «для сведения» в губернское управление.

ВС. ВЯЧ. ИВАНОВУ

1

Всеволод Вячеславович!

«На Иртыше»[1] — славная вещица, она будет напечатана во 2-м сборнике произведений писателей пролетариев. Сборник выйдет в декабре.

Вам необходимо серьезно взяться за свое самообразование необходимо учиться. Мне кажется — литературное дарование у вас есть, значит — его нужно раз-

вивать. Всякая способность развивается работой, вы это знаете.

Пишите больше и присылайте рукописи мне, я буду читать их, критиковать и, если окажется возможным — печатать. Но — вы обязательно должны заняться чтением, работой над языком и вообще — собою

Берегите себя! Сейчас я очень занят и потому пишу кратко, в следующий раз напишу более подробно.

До свидания, будьте здоровы!

А. Пешков.

Адрес.

Кронверкский проспект, 23.

М. Горькому.

17 октября 1916 г.
Петроград.

2

Всеволоду Иванову

Два ваших рассказа[2] будут напечатаны в «Сборнике произведений писателей пролетариев» и уже сданы в типографию.

«На буксире»[3] — не годится.

Вот что, сударь мой: вы, несомненно, человек талантливый, ваша способность к литературе — вне спора. Но, если вы желаете не потерять себя, не растратиться по мелочам, без пользы, — вы должны серьезно заняться самообразованием.

Вы плохо знаете грамоту, у вас много орфографических ошибок. Язык у вас яркий, но слов — мало и вы часто употребляете слова не литературные, местные. Они хороши в диалогах, но не годятся в описаниях. Мыслей, образов у вас тоже не хватает. Все это — «дело наживное». Займитесь собой, советую вам! Читайте, изучайте приемы писателей стилистов Чехова, Тургенева, Лескова. Особенно богат словами последний. Займитесь изучением грамматики, прочитайте «Теорию словесности», — вообще обратите на себя серьезное внимание.

Когда выйдет «Луч», я вам вышлю его. Могу выслать книги, если нужно вам.

И вот еще что: в ваших рассказах много удальства, но — это дешевое удальство, пустое. Молодыми и телята удалы — понимаете. А вы ищите за всем скотским — человечное, бодрое. Не все люди «стервы», далеко не все, хотя они и одичали за последнее время.

Знаете, что всем нам, знающим жизнь, кроме человека верить не во что. Значит — надо верить в себя, надо знать, что вы не только судья людям, но и кровный их друг. Не грубите очень-то.

Сердиться — можно, следует, но и миловать надобно уметь!

Так-то. Не пишите много. Поменьше, да — получше.

А. Пешков.

Желаю всего доброго.

За карточку — спасибо!

17 февраля 1917 г.
Петроград.

3

Всеволоду Иванову.

Очень рад!

Все эти годы я думал о вас и почти каждого, приезжавшего из Сибири, спрашивал: не встречал ли он вас, не слышал ли чего-либо о В(севолоде) Иванове, не читал ли рассказов, подписанных этим именем? Никто и ничего не знал, не слышал, не читал. И порою я думал: должно быть погиб Иванов. Жаль. А, вот, вы живы, да еще хотите ехать в Питер. Это — превосходно. Здесь вам будет лучше и вы будуте лучше.

Но — что я должен сделать для того, чтоб вы перебрались сюда? Сообщите об этом и я начну действовать Спешите.

Провинциальная тоска[5] хорошо знакома мне — я очень понимаю вас.

Итак — перебирайтесь сюда, скорей!

Жму руку.

А. Пешков.

20.XII.1920.
[Петроград]

Ваше письмо получил только сегодня с четырьмя на нем наклейками. Прилагаю мой адрес: Кронверкский проспект, 23.

4

Как же это у вас хлеба нет,[6] друг мой? Вы должны аккуратно получать в «Доме ученых». Там же вам надо починить сапоги.

Как это сделать все?

И где вы?

Рад, что пишите!

А. Пешков.

[20-23 марта 1921 г.]
[Петроград]

5

Всеволод Александрович![7]

Рассказ[8] — удался, хотя — местами — чуть-чуть длиноват.

Беру его с собой в Москву, откуда привезу вам денег.

Работайте, дружище! Вы можете сделать очень хорошие вещи.

Не забывайте, что в «Доме уч(еных)» вы всегда можете получить все, что вам нужно.

Поговорите с Родэ насчет сапог.

Жму руку.

А. Пешков.

24. III. 1921.
[Петроград]

Иванов, Всеволод Вячеславович—известный советский писатель родился в 1895 г. в Сибири в семье сельского учителя. В юные годы своей жизни он много скитался по Сибири и Уралу, переменил массу профессий, начиная с наборщика и кончая цирковой борьбой. После Октябрьской революции В. Иванов служил в Красной Армии в качестве инструктора-внешкольника. Литературную деятельность начал в 1916 году в газете «Прииртышье». Первые свои рассказы он послал М. Горькому, в частности, «По Иртышу», «Дед Антип». Они были напечатаны в «Сборнике пролетарских писателей» в феврале 1917 года.

Публикуя первое письмо в «Литературной газете» в 1936 году, Вс. Иванов сопроводил его следующими строками:

«Это письмо было получено 17 сентября (с. с.) 1916 года в ответ на посланный рассказ в адрес журнала «Летопись», который редактировал М. Горький. Рассказ был напечатан во «Втором сборнике пролетарских писателей», который вышел не в декабре 1916 года, а в средине 1918 г. После этого письма я написал сразу несколько рассказов и отправил их Алексею Максимовичу. К рассказам я присовокупил свою фотографию—по причинам для меня сейчас мало понятным, м. б. для того, чтобы показать свою молодость, а значит и неопытность в деле литературном, а может быть из более тщеславных чувств. М. Горький мне ответил нижеследующим письмом. Это письмо побудило меня отнестись к себе с возможной, для молодости, конечно, строгостью. Я прервал свои писания и стал усиленно читать. Я закреплял это чтение перепиской от руки многих авторов. Так я переписал два тома рассказов Чехова, «Воскресенье» Толстого».

Переписка В. Иванова с М. Горьким началась в 1916 году и позднее привела к личному их знакомству.

В 1920 г. В. Иванов писал Горькому: «чуть ли не столетие тому назад вы писали в Сибирь наборщику, писавшему рассказы, из которых два были даже напечатаны... У меня к вам просьба—это взять меня отсюда в Питер, где бы я мог работать и учиться».

На это его письмо М. Горький с радостью ответил ему и просил: «что я должен сделать... чтоб вы перебрались сюда? Сообщите об этом и я начну действовать. Спешите».

В следующем письме В. Иванов писал М. Горькому: «Обитаю я сейчас в крошечном степном городке... у меня к вам большая просьба: помогите мне выбраться в Петербург или Москву. Нужно немногое—какую-нибудь бумажку, чтобы меня пускали в вагоны, а то ехать на площадке мне трудно... Денег я на дорогу наскребу. Сильно хочется учиться».

Алексей Максимович помог Всеволоду Вячеславовичу перебраться в Петроград. Здесь он постоянно поддерживал его всеми средствами и направлял литературную работу по пути развития его таланта. В. Иванов был деятельным сотрудником и чле-

ном редакционной коллегии журнала «Красная новь», сотрудником журнала «Новый мир», издательств «Круг», «Недра».

О своем знакомстве с М. Горьким, о значении последнего в его жизни и творчестве, В. Иванов рассказал в воспоминаниях «Сентиментальная трилогия», напечатанных в журнале «Красная новь», № 3, 1928 г., в газете «Известия», № 228 от 30 сентября 1936 г., в «Литературной газете» от 30 сентября 1936 г., в журнале «Сибирские Огни», № 3, 1946 г. («Встречи с Максимом Горьким»).

[1]«На Иртыше»—рассказ В. Иванова, который был напечатан в «Сборнике пролетарских писателей» в 1917 году под названием «По Иртышу». См. второе письмо.

[2]«Два ваших рассказа»— «Дед Антип» и «По Иртышу»—напечатаны в сборнике пролетарских писателей в феврале 1917 года.

[3]«На буксире»—этот рассказ в печати не появился.

[4] «Луч»—газета, проектировавшаяся в 1917 году, но издание газеты не было осуществлено.

[1]Письмо от 17 февраля 1917 г. было опубликовано в газете «Известия». № 228 от 30 сент. 1936 г. и в «Литературной газете» от 30 сент. 1936 г.

[5]Ответ на письмо В. Иванова к Горькому от 25 нояб. 1920 г. В этом письме он писал: «Вы ведь наверное не поймете тоски провинциального города».

[6]Ответ на письмо В. Иванова, посланное М. Горькому 19 марта 1921 г. В своем письме он сообщал о тяжелом материальном положении. Он тогда писал: «Не имея возможности выйти лично (сапоги развалились и нездоровится), пишу: нельзя ли мне как устроить некое количество хлеба? У нас в лавке уже не выдают 4 дня, а идти никуда не могу...»

Как известно, 1921 год был самым тяжелым и голодным годом в Советской России, после гражданской войны, разгромившей внутреннюю и международную контрреволюцию.

Письмо опубликовано в воспоминаниях В. Иванова «Сентиментальная трилогия», «Красная новь», № 3, 1928 г.

Датируется 20—23 марта 1921 г. на основании письма Иванова, которое было написано 19 марта 1921 г. По тому его письму датировано и письмо Алексея Максимовича от 24 марта 1921 г. См. письмо пятое.

[7]«Всеволод Александрович»—описка Горького.

[8]«Рассказ—удался». Речь идет, повидимому, о рассказе «Партизаны», который был напечатан в 1921 г., в № 1 «Красной нови», вышедшим под редакцией А. М. Горького.

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «СИБИРЬ»

Посылаю вам для журнала небольшой очерк «Убийцы», кроме этого ничего не нашел. Я теперь пишу большую книгу, рассказы перестал писать. Очень прошу вас прислать мне журнал. И нет ли каких-либо местных изданий, которые познакомили бы меня с литературой сибирской молодежи: альманахов, сборников, стихов?

Журналу желаю успеха, сотрудникам его кланяюсь.

А. Пешков.

1925 г. Декабрь.

В ноябре 1925 г. редакция журнала «Сибирь» обратилась к Алексею Максимовичу с просьбой прислать что-нибудь для напечатания в журнале. В ответ на эту просьбу Горький прислал очерк «Убийцы». Напечатан в журнале «Сибирь» № 2, 1926 г. В августе 1926 г. рассказ перепечатала «Молодая гвардия», позднее—вошел в собрание сочинений.

«Сибирь»— ежемесячный литературно-художественный иллюстрированный журнал, издававшийся в Новосибирске в 1925 и 1926 годах.

В. Я. ШИШКОВУ

I

«Тайга» очень понравилась мне и я поздравляю вас, — это крупная вещь. Несомненно, она будет иметь успех, поставит вас на ноги, внушит и вам убеждение в необходимости работать, верить в свои силы.

Не скрою, — над ней следует еще поработать. Местами вы увлекаетесь словом, а многословие делает рассказ жидким. Местами Ваша лирика — излишня, тем более излишня, что Вы прекрасно чувствуете лирику фактов, которая всегда несравненно красивее, а потому и ценнее лирики слова.

Несколько замечаний по поводу фабулы: не ясно, почему Бородулин, встретив Прова, все-таки поехал в Ведровку? Болен и не отдает себе отчета в том, что делает? Поясните.

Намерение парня изнасиловать Варьку — повисло в воздухе, т. е. опять-таки не ясно — избили ли ее и — только, или же привели угрозу в исполнение?

Мало показано, как Устин, усердный богу, читает псалтырь, — что именно бормочет он? Не лишнее ли пожар тайги? Не лучше ли кончить на том месте, где Устин возвращается в деревню?

Во всяком случае надобно несколько смягчить те сцены, где Анна бежит в огонь. Пусть лучше она просто смотрит на пожар и тихонько смеется. Тихонько. И безумие ее как будто исчезает. А то очень уж мрачно, кошмарно.

Но, за всем этим, я еще раз от всей души поздравляю вас.

Я передал рукопись А. Н. Тихонову в редакцию, он должен прочитать ее. Я хотел бы видеть вас, но до вторника едва ли успею, а во вторник еду в Финляндию. Значит, увидимся на пасхе или на Фоминой, вернусь я в понедельник или вторник пасхи.

Будьте здоровы, желаю всего доброго.

А. Пешков.

3/IV-16 г.

Получил ваше письмо, дорогой Шишков, простите что называю вас по фамилии, отчество не могу вспомнить.

За эти годы я читал в разных журналах ваши очерки российской жизни и всегда, с благодарностью вам, думал: как это бодро, надежно и как потому — хорошо нужно.

И вот в письме вашем тот же бодрый, умный тон:

«Тянет на смешное, чтоб весело было читать!» говорите вы. Меня этот лозунг ваш радует очень, на мой взгляд—это как раз то самое, что уж давно необходимо. Умный смех—превосходный возбудитель энергии.

Следя весьма внимательно за текущей литературой на Руси, искренно восхищаясь обилием даровитой молодежи, я крепко радуюсь, что у нас растут и вырастут в этой области большие таланты. Однако ж не скрою, что меня смущает и однообразие тем и общий серовато-унылый тон рассказов.

Далеко я от России, но мне кажется, что в ней есть чему порадоваться. Вы утверждаете это. И — не один вы, конечно. Но вы очень хорошо формулировали то, что надо.

Посмеяться — дело доброе, оздоровляющее. Вот г.г. эмигранты разучились смеяться, а как бы следовало им немножко осмеять самих себя. Но они на это уже совершенно не способны. Они агонизируют.

Разучились смеяться и здесь в Италии. Это очень плохо. Здесь совершается процесс концентрации ненависти, обещающей в будущем очень мрачные дни.

Когда я вернусь в Россию? Когда кончу начатый мною огромнейший роман. Проснжу я над ним не менее года, вероятно. В России же я работать не стану, а буду бегать по ней, как это делаете вы. Вам завидую. Вообще, такие, как ваши очерки современной деревни, замечательно своевременны и хорошо рисуют текущую жизнь.

М. М. Пришвин очень угодил мне «Башмаками». Хитрая вещь.

Ну будьте же здоровы. Спасибо вам за добрую память обо мне. Душевно помню и я вас.

Крепко жму руку. Поклоны.

А. Пешков.

1925 г. Декабрь.

Вячеслав Яковлевич Шишков—известный русский писатель, лауреат Сталинской премии, автор романов «Емельян Пугачев», «Угрюм-река», «Пейпус-озеро» и др. Родился в 1873 году, умер в 1945 г.

Два десятилетия В. Я. Шишков работал в Сибири, сначала рядовым техником, а позднее инженером на изысканиях новых дорог. Ежегодные путешествия с ранней весны до поздней осени по рекам: Иртышу, Оби, Бии, Катуни, Енисею, Чулыму, Лене, Нижней Тунгуске и Ангаре дали ему богатейший бытовой материал. Первые произведения писателя были напечатаны в 1909 г. в Томске, в газете «Сибирская жизнь». В 1913 г. в «Заветах» появились рассказы: «Помолились», «Суд скорый», «Краля».

Повесть «Тайга», после исправлений, сделанных автором по указанию Горького, была напечатана в 1916 году в журнале «Летопись» (№№ VII, VIII, IX, X, XI). Она принесла автору широкую известность. С этого времени он занялся исключительно литературой.

В. К. АРСЕНЬЕВУ

1

Уважаемый Владимир Клавдиевич!

Книгу вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силою. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, — это, поверьте, не плохая похвала. Гольд написан вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более «художественная». Искренно поздравляю вас.

Разумеется, я буду очень рад получить второе издание этой чудесной книги от автора, но, кроме того, я вас прошу сказать «Книжному делу», чтоб мне выслали еще два экземпляра. Это — для знакомых, которые брали у меня первое издание и также влюбились в книгу, как я.

У вас, вероятно, есть фотографии, книгу можно было бы иллюстрировать. Подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну. Посылаю вам свою книгу. Будьте здоровы.

А. Пешков.

2

Уважаемый Владимир Клавдиевич, был у меня сегодня Т. М. Борисов, очень понравился, договорились мы о его сотрудничестве в журнале «Наши достижения», он дает статью о рыбном деле на Д. Востоке.[1] Сегодня же он уехал на Кавказ.

В письме Вашем Вы пишете о статье для «Альманаха». Это и есть «Наши достижения», журнал, три книги коего я высылаю Вам вместе с этим письмом.

Было бы крайне желательно получить от Вас одну или 2—3 статьи по вопросам культурной и промышлен-

ной жизни Д. В. Тип статей — перед Вами. Гонорар от 120 до 200 р. за лист в 40 т. знаков. Статьи необходимы к августу.

Очень прошу Вашего согласия и ответа.

Может быть, есть среди ваших знакомых люди, которые помогли бы Вам дать Госиздату ряд статей, освещающих всю жизнь Д. В.? Тогда Гиз выпустил бы сборник «Дальний Восток», но это уже вне рамок «Н. Д.», а отдельное издание.

Крепко жму Вашу руку.

7. VI. 29. А. Пешков.

3

Уважаемый Владимир Клавдиевич, — я получил посланную Вами интересную работу С. И. Бельденнова. По теме, размеру и обилию в ней графического материала она для «Наших достижений» неудобна и непригодна. Немедленно начну хлопотать об издании ее отдельной книгой.

Разрешите обратиться к Вам с таким предложением: необходимо, чтобы наш массовый читатель был ознакомлен — по возможности широко — с ходом культурного и промышленного роста всех областей Союза за истекшие 10 лет. С этой целью Госиздат решил выпустить серию областных сборников под общим титулом «Библиотека «Наших достижений». Такие сборники могут быть сделаны одним или несколькими авторами. Лучше, если — несколькими. Это придаст сборникам разнообразие, сделает материал более интересным для читателя. Оформление материала — живой очерк, не исключающий диалога. Так как очерки рассчитаны на внимание и понимание широких масс — язык очерков должен быть прост и ясен.

Не возьмете ли Вы на себя труд создать сборники по достижениям Уссурийского края и сорганизовать еще два-три сборника по областям Дальнего Востока?

Я усердно просил бы Вас принять участие в этой работе. О согласии Вашем и Ваших условиях прошу известить возможно скорей.

Желаю Вам всего доброго.

Сердечный привет!

М. Горький.

23. IX. 29.
Москва

4

Дорогой и уважаемый Владимир Клавдиевич!

Вот когда я собрался ответить на Ваше письмо от 16. I. Но не стыжусь, всю переписку веду сам, а она у меня очень обширна. Запаздываю отвечать. Это не хорошо, но — пока — неизбежно.

И так — Вы будете руководителем четырех экспедиций. Это меня восхищает, ибо я уверен, что Вы напишете еще одну прекрасную книгу. И думаю, даже уверен, что это очень хорошо отразится на сборнике по Дальнему Востоку.

Жду Ваших статей.

Ушаков не был у меня. Письма В(ашего) с текстом детского рассказа о зайце[2] не получил. Куда Вы его послали?

Детские письма[3] пожалуйста пришлите. Фотографию мою и книги вышлю Вам, но готовых снимков у меня нет. На-днях снимусь.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего доброго

А. Пешков.

19. II. 30.
Сорренто

5

Дорогой В. К.!

С удивлением прочел первую фразу Вашего письма: «Вы,наверное, уже забыли меня». Но разве Вами не получен ответ мой на Ваше письмо, в котором Вы перечисляете авторов статей для сборника по Дальн Востоку?

Письмо я послал, приблизительно через неделю после получения В(ашего) письма по адресу: Владивосток.

Очень прошу Вас прислать Вашу новую книгу[4] и, кстати, сообщить: как идет работа по сборнику, не нужны ли Вам деньги на авансы и прочее?

Загружен я — серьезно, но Вашу книгу прочитаю, для этого всегда найдется время.

Крепко жму руку.

А. Пешков.

Выдающийся исследователь Уссурийского края Владимир Клавдиевич Арсеньев совершил несколько больших путешествий в горную область Сихотэ-Алиня еще в 1902, 1906 и 1907 гг. Свои путешествия он описал в двух книгах—«По Уссурийскому краю» (1921 г.) и «Дерсу Узала» (1922 г.). В 1926 г. Арсеньев переработал свои книги, несколько сократил, «приспособил», как он сам пишет, «для массового читателя» и выпустил под одним титулом «В дебрях Уссурийского края».

И. А. Груздев в статье «Письма Горького в Сибирь» («Сибирские Огни», № 1, 1947 г.) пишет:

«Очень велика была радость Алексея Максимовича, когда он прочел книгу В. К. Арсеньева об Уссурийском крае. Тотчас по прочтении ее, он мне писал 17 апреля 1927 года:

«Послушайте: в Владивостоке издат-ом «Книжное дело» выпущена прекрасная книга: В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края». Автор—счастливое соединение Брема с Ф. Купером. Замечательная книга. Ее необходимо переиздать Ленотгизу. это будет редкий подарок грамотным людям.

Нет ли у Вас каталогов Владивостокских издательств?».

«Каким образом, — продолжает И. Груздев,—живя в Италии, Алексей Максимович достал книгу, изданную на Дальнем Востоке, не имея даже сношений с издательством, как видно, из цитированного письма—это остается непонятным. Связь с автором он установил позже—через год почти. Ответное письмо В. К. Арсеньеву... написано 24 января 1928 года».

Это письмо было опубликовано в качестве предисловия ко второму изданию книги В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского каря», выпущенному тем же издательством «Книжное дело» (Хабаровск — Владивосток) в 1929 году. С этого издания мы и перепечатываем первое письмо Алексея Максимовича.

Остальные письма впервые были опубликованы в журнале «Дальний Восток», № 3, за 1946 год. Во вступительной статье редакция журнала пишет по поводу этих писем:

«До сих пор считалось, что общеизвестным письмом, предпосланным всем последующим изданиям книги «В дебрях Уссу-

рийского края», переписка Горького с Арсеньевым исчерпывается. Но в прошлом году сотрудники приморского филиала Всесоюзного географического общества, разбирая личный архив Владимира Клавдиевича, хранящийся во Владивостоке, обнаружили еще четыре горьковских письма, которые до того времени нигде не были опубликованы.

Эти новые письма, как и вообще вся переписка Алексея Максимовича с дальневосточниками, показывают огромный интерес Горького к Дальнему Востоку и его людям, строителям края.

В начале июня 1929 года в Москву приехал друг Арсеньева— старый дальневосточный писатель и рыбовод Трофим Михайлович Борисов. Алексей Максимович с похвалой отозвался о его книге «Тайна маленькой речки», договорился с ним о сотрудничестве в только что основанном журнале «Наши достижения», а на прощанье посоветовал Борисову совместно с В. К. Арсеньевым подготовить большой сборник по Дальнему Востоку.

— Подумайте всерьез о дальневосточном сборнике, — говорил он. — Вам там следует свой журнал иметь...

Под впечатлением этой встречи Горький в тот же день написал письмо Владимиру Клавдиевичу. Он просил Арсеньева вербовать новых сотрудников для журнала «Наши достижения» и присылать как можно больше материала для отдельных сборников о Дальнем Востоке, значение которого он понимал так отчетливо.

Кроме «Дерсу Узала» и «По Уссурийскому краю» Арсеньев написал не одну, а еще две книги о своих путешествиях по Дальнему Востоку: «В дебрях Приморья» и «В горах Сихотэ-Алиня». Но книги эти были изданы уже после смерти Владимира Клавдиевича.

О смерти Арсеньева Горький узнал в Сорренто. Он отправил во Владивосток телеграмму, полную искренней скорби.

«Глубоко поражен преждевременной кончиной Владимира Клавдиевича Арсеньева — талантливого человека, неутомимого исследователя Уссурийского края. Сердечно сочувствую его друзьям и сотрудникам по работе, разделяю с ними их печаль.

Горький».

Письма Горького к Арсеньеву многое добавляют к личности Владимира Клавдиевича — пламенного патриота русского Дальнего Востока.

Примечания к письмам нами взяты также из журнала «Дальний Восток»:

1. Статья эта была написана и появилась в одном из номеров журнала «Наши достижения».

2. Видимо речь идет о рассказе Арсеньева о ястребе и зайце.

3. Письма детей к Арсеньеву.

4. Имеется в виду книга «В дебрях Приморья», которую Арсеньев тогда заканчивал для издательства «Молодая Гвардия». Последнюю свою книгу — «В горах Сихотэ-Алиня» — он окончательно отредактировать не успел.

М. И. ОСИПОВОЙ-БОРИСОВОЙ.

Сердечно благодарю вас за ваше милое, очень тронувшее меня письмо. Это большое счастье, вот такое единение с читателем, какое выражено вами. Посылаю вам «Дело Артамоновых», желаю доброго здоровья, бодрости духа.

М. Горький.

В 1927 г. учительница одной из сельских школ М. И. Борисова, ныне Осипова, написала Алексею Максимовичу о своем взволнованном чувстве, вызванном произведениями великого писателя. Копии своего письма она у себя не оставила. Содержание же его она излагает в следующем виде:

«Я писала о том, что, воспитанная старой буржуазной школой, выросшая в темной, безграмотной семье, до революции не знала и не умела понимать М. Горького. Читая его только ранние произведения, я восхищалась роскошными описаниями природы — морского пейзажа, широких степей, Волги,—все остальное меня ни мало не трогало. Буржуазный мир, окружавший меня, вызвал во мне смешанное чувство зависти и ненависти, но мозг спал сном ребенка.

Октябрьская революция дала мне в руки все книги Горького, они обеспечили мой политический рост и повели все выше и выше в желании знать все мерзости старой русской действительности, сделали активным участником строительства нашей новой жизни.

А. М. Горький как бы отдал мне частицу своей могучей веры в человека—творца жизни и указал, какой класс является этим творцом. Я полюбила писателя со всей страстью молодой ученицы, жадно впитывала в себя его «мудрость жизни», восхищалась его изумительной силой духа и училась через него жить и работать.

Я писала ему, что он еще мальчишкой был большевиком, так как на всякое зло, насилие, грязь и мерзость отвечал страстным протестом. Я писала ему, что он для меня то же, что для него в детстве были «Королева Марго», «Хорошее дело», изумительная бабушка и он, Горький, всегда со мной в любой момент моей жизни. Милые голубые глаза то одобряюще улыбаются, то сердито хмурятся, если его ученица начинает хитрить, снижать темпы работы, расходовать силы на мелочи жизни. Это он научил меня уважать в моих учениках человека, чутко и бе-

режно относиться к запросам каждого и растить в них «сильных и смелых духом» сынов нашей родины.

Я писала ему, что у него много врагов, которые воют на разные лады, что «Дело Артамоновых», которое я еще не читала (жила в деревне в Бежецком) тогда, очень ругают, придираясь даже к конструкции романа и замалчивая о всем, что ценно и нужно. В это время—теперь убитая—оппортунистическая «критика-лай» меня очень раздражала и обозляла.

Вот основное содержание письма, на которое я, к неожиданной своей радости, получила из Италии и ответ, и книгу на память».

Горький прислал М. И. Борисовой свой роман «Дело Артамоновых» с надписью:

М. Борисовой.

На память.

М. Горький.

Sorrento 1927-IV.

Как большинство писем великого писателя, письмо к М. И. Борисовой написано пером.

Письмо А. М. Горького к М. И. Осиповой-Борисовой впервые было опубликовано в анжеро-судженской газете «Борьба за уголь» 23 июня 1936 года.

К. Т. ОРЛОВУ.

Смайльс — типичный английский мещанин, очень лицемерный, как и надлежит быть мещанину, — и очень бездарный. Основная идея его книг такова: «Если тебе плохо живется, ты в этом сам виноват». Как видите, вы избрали себе неудачного учителя. В России книги Смайльса были популярны в 80-х, в начале 90-х годов, т. е. в годы тяжелой реакции, когда наши «смайлсы», вроде нововременца Меньшикова, учили молодежь: «Наше время — не время великих задач».

А как раз наоборот, — всякое время есть именно время великих задач.

Вы не желаете, чтобы «жизнь исчерпывалась только едой и сном». Смайльс проповедует именно это и еще необходимость подчинения законам, которые устанавливаются людьми, живущими за счет чужого труда. «Знай сверчок свой шесток», вот что найдете вы у Смайльса, если внимательно вдумаетесь в его проповедь.

Беспокоющее вас «различие людей» есть главным образом результат их социального неравенства, которое поддерживается такими вот господами, как Смайльс.

В произведениях крупных художников вы всегда найдете ответ на ваш вопрос: почему человек таков, каким он изображен.

«Догадываться о причинах бытия» — не дело искусства, это задача науки.

Если вас вопрос о «бытии» интересует серьезно, прочитайте серию книжек «Биологии», изданную «Московским рабочим», там вы найдете много очень интересного для вас.

В общем ваше письмо не вполне ясно для меня и вопросы вы поставили неверно.

Может быть, напишете более подробно, что вас тревожит.

Всего доброго.

Читайте, больше учитесь.

А. Пешков.

9 сентября 1927 г.
Сорренто.

Письмо Алексея Максимовича к К. Орлову, перепечатывается из газеты «Красноярский рабочий» (№ 113 за 1936 г.). Письму предпосланы следующие строки К. Орлова:

«В поисках философии бытия, я в 1927 году добрался до писаний английского моралиста Смайльса. Его проповедь упорного труда так подкупила меня, что, побеседовав с людьми, компетентными в вопросах философии, и не удовлетворившись критикой Смайльса, я решил что этот философ забыт нами зря и что его идеями в нашей стране труда следовало бы воспользоваться.

Об этом я потолковал кое с кем из моих друзей—литературной молодежью Новосибирска. Оказалось, что вопросы бытия и трудовых взаимоотношений людей интересовали и моих приятелей.

Мнения, что называется, разошлись, и несколько человек высказалось за Смайльса.

Чтобы положить конец душевному разнобою в отношении писателя, так пленившего меня своей философией, я набрался храбрости и изложил, как умел, все мои тревожные мысли Максиму Горькому. Не зная адреса, я на конверте написал по-латы-

ни: «Италия, Сорренто, Горькому», и стал ждать ответа. Последний не замедлил притти.

Письмо Алексея Максимовича написано его рукой, и, нечего говорить, какою драгоценностью оно для меня является.

Однако я считаю, что самая большая ценность письма не только в том, что оно сразу привело меня в «чувство» от Смайльсовской болтовни и указало на сомнительную ценность его философии, но в том, что и сейчас, после победы над идеологией собственничества оно содержит глубокое и искреннее возмущение философией мещанства, против которой Алексей Максимович боролся всю свою жизнь»

ГЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ОГНИ».

I

...Получил журнал; прочитать еще не успел, а прочитав — пришлю вам «рецензию», если вы желаете этого. С 22-го года журнал у меня есть, так что я могу, вероятно, составить себе более или менее полное представление о всей работе «Сиб. Огней». Из «Искры» разгорелись, — как вы знаете, — довольно яркие костры во всем нашем мире, — это дает мне право думать, что отличная культурная работа «Огней» разожжет духовную жизнь грандиозной Сибири.

А по поводу ваших слов о «назойливости, с которой» ко мне «лезут литературные младенцы», разрешите сказать следующее: неукротимый ненавистник социальной структуры современного мира, я—неизлечимый «антропофил». Люблю человека. «Люблю» — это у меня не слово, а так сказать, излюбленное мое ремесло и даже, может быть, искусство. Думаю иногда, что себя самого, — а особенно — Горького, — я люблю меньше и не так хорошо, как человека, который для меня издревле — Чудо и Творец всех чудес. Тут, видите ли, дело в том, что я никогда не забываю о себе — малограмотном парнишке 12 — 16 лет и неуклюжем парне 17-ти — 22-х. Сейчас мне — 60 и в нашем мире я что-то значу, чем-то ценен, кому-то нужен. Будучи несколько знаком с историей культуры, я не могу рассматривать мой случай, как случай частный, а рассматриваю как одно из многих выявлений

воли человека. Знали бы вы, сколько на путях моих я встретил замечательно талантливых людей, которые погибли лишь потому, что в момент наивысшего напряжения их стремлений — они не встретили опоры, поддержки. Вот отсюда и происходит мое отношение к «литературным младенцам», дважды родственным для меня — как люди с направлением к лучшему и как люди, желающие пойти путем, который мною уже пройден и снабдил меня известной долей опыта, которого у них — нет. Многим со стороны — да нередко и мне самому — эта моя возня с «младенцами» кажется смешной, частенько я делаю ошибки, но — ведь ничего нет легче, как ошибиться в оценке человека, всего сложного, самого сложного существа. Однако нередко удавалось мне и правильно отгадывать истинную цену младенца. Это меня радостно удовлетворяет, а ошибок я—не боюсь, да прежде всего я сам и плачу за них.

Человек дьявольски хитрый, я пишу все это вам со скрытой целью повлиять и на ваше отношение к «литературным младенцам». Уверенно ожидая появления в нашем мире крупнейших и даже гениальных художников, я не забываю, что Пушкин и Толстой были младенцами...

В начале 1928 г. один из членов редколлегии «Сибирских Огней» послал в Сорренто Алексею Максимовичу журнал в большое письмо о молодой советской сибирской литературе. В письме между прочим, объяснялось, что дозвучее желание—рассказать про сибиряков-литераторов—задерживалось исключительно потому, что не хотелось повторять тех назойливых литмладенцев, которые лезут к нему тысячами. Горький немедленно ответил большим письмом, которое приведено выше.

2

Очень рад узнать, что «Сибирские Огни» снова разгораются, искренне желаю им разгореться ярко, уверен, что это так и будет.

Если вам удастся сорганизовать бригаду энергичных огнелюбов, да вместе с ними привлечь работать побольше молодежи и пригреть ее внимательным и дружеским к ней отношением, дело пойдет отлично.

Смысл дела — воспитание областной культурной интеллигенции. Я твердо верю, что с обязанностью этой вы справитесь, ибо, когда хорошо понимаешь, так и работаешь не плохо.

Рассказ «Лампочка», о котором спрашиваете вы, написан не мною, а моим сыном, Максимом, который был в Сибири в 18-м г. и сам видел эту лампочку в действии. Я подписал этот рассказ чорт знает зачем, м. б. потому, что подписанный М. Пешковым, он не обратил бы внимания Ю. Стеклова, редактора «Известий». Рассказа этого ни у меня, ни у сына — нет. Вместо его я пришлю вам что-нибудь другое, верьте, но — пришлю не скоро.

Не находите ли вы нужным ввести в оргкомитет Союза писателей кого-нибудь поэнергичней от сибирской группы? Нам нужно устроить всесоюзный съезд литераторов, перезнакомиться, поговорить о многом. Вот — для писателей Ленинграда хотят строить «городок», дело, конечно, доброе, но одной заплаты на все рубище — маловато, не так ли?

...Журнал посылайте по итальянскому адресу...

Почтовый штамп: « Sorrento 5—1—33».

А. П.

После ликвидации РАПП и создания единого Союза советских писателей по всей стране, в том числе и в Сибири, начался новый творческий подъем. Журнал «Сибирские Огни» стал выходить регулярно, раз в два месяца толстыми книжками. В это время и было получено письмо М. Горького.

Редакция «Сибирских Огней» обратилась к Алексею Максимовичу с просьбой прислать для журнала рассказ «Лампочка», впервые опубликованный в газете «Новая жизнь» 19 июня 1918 г. и вскоре перепечатанный в газете «Известия». Сибирякам рассказ не был известен, так как здесь в момент его опубликования уже произошел контрреволюционный переворот. Поэтому и возникла мысль перепечатать рассказ в «Сибирских Огнях». После того, как выяснилось, что рассказ принадлежит перу сына Алексея Максимовича, редакция обратилась к Максиму Алексеевичу Пешкову с той же просьбой. Максим Алексеевич дал согласие на перепечатку «Лампочки». Рассказ был перепечатан из «Известий» и появился в № 4 «Сибирских Огней» за 1934 г., уже после смерти Максима Алексеевича Пешкова.

ПЕРВОМУ СЪЕЗДУ ЛИТЕРАТОРОВ СИБИРИ

Сердечно приветствую первый съезд литераторов Сибири, единокровных со мною, и людей других племен суровой, великой страны!

Сожалею, что я не среди вас, товарищи; сожалею, что я не могу видеть ваши глаза, пожать ваши крепкие руки, слышать ваши голоса. Не зная языка бурят и якутов-сахар, я, наверное, все-таки понял бы прекрасное чувство, вложенное неизвестным мне поэтом сахаром, автором поэмы «Кысын Ойун», вот в эти слова:

Пришла пора
Зажечь неугасимые костры
Пламенной свободы
По всем тернистым тропам
Бедственной жизни земли.

И услышал бы слова А. И. Софронова, поэта якутов:

Настал желанный день
Расплодить по всей земле
Бесконечное добро!

Товарищи! Для меня культурное значение этого съезда художников слова племен, населяющих Сибирь, не только в том, что люди, прожившие века тяжелой жизни под беспощадным гнетом старой русской власти, наконец, свободны. Не только в этом, что, вот, монголы и тюрки входят в мир трудового русского народа как равные к равным, как люди, направляющие лучшие силы свои к той же великой цели, которую поставила перед собою рабоче-крестьянская власть внутри России, — не только в этом глубокое значение первого съезда литераторов Сибири.

Этот съезд—верный и твердый шаг по пути, который история властно указывает трудовым массам всего мира, по пути к действительному братству, к воплощению в жизнь той мечты, которую люди холодного сердца считают безумной. Все великое начинается с малого: ничтожен объем зерна, из которого вырастает могучий си-

бреский кедр, и невидим глазу тот живчик, который, оплодотворяя женщину, дает ей силу украшать землю поэтами, учеными, творцами новой жизни. Может быть, недалек день, когда мастера слова из Китая, Индии, Африки сойдутся где-то в России для того, чтоб почувствовать друг друга братьями и открыть глаза и понять необходимость единодушной борьбы против всего, что разъединяет их.

Пропаганда трудящимся братства людей становится все более настоятельным делом, потому что Злой дух «чрев» капитализм Европы, в страхе потерять навсегда свою власть над рабочим народом, способен разжигать племенное и расовое различие людей до ненависти, уничтожающей их так, как это видели мы в годы русско-японской и проклятой англо-немецкой войны, втянувшей в себя все народы Европы и России.

Но поэт из племени сахаров-якутов уже знает, что Злой дух, который

Воздвигнул смуту
Среди людей добра, людей труда
И подстрекнул их
На преступления друг против друга

он знает, что этот Злой дух — дух жадности и зависти — враг мирного труда и враг рабочих.

Капиталистический мир воспитал ученых, которые доказывают, что расовое различие людей непримиримо. Русский рабочий класс, наша рабоче-крестьянская власть и словом и делом доказывают, что это — неверно. Мы живем в эпоху чудес, творимых разумом и волею людей. Финские и тюрко-финские племена, древнее население Поволжья — мордва, чуваши, черемисы — тысячелетия жили как немые, без грамоты, без письменности, но вот они в десять лет уже создали свои газеты, издают книги на своих языках, строят национальные музеи, организуют оркестры, хоры. Огромную работу сделали казанские татары, у которых уже быстро растет художественная литература, развиваются школы живописи, музыки, кипит культурная работа. Киргизы,

башкиры, калмыки, племена Северного Кавказа и Средней Азии, — все разнородные люди Союза Советов с невероятной быстротой дружно начали великую работу приобщения к мировой культуре через развитие своей, племенной.

В России совершается то, чего никогда и нигде не было, — русский рабочий народ действительно объединяет всех инородческих людей в одном великом деле — в творчестве новых форм жизни. Все племена Союза Советов получили право свободно говорить своим языком, свободно работать для развития своих способностей. И дает процесс взаимного обмена свойств и качеств, создается тип нового человека. Россия дает миру великий урок, показывая, как надо соединять разнородное и единое по духу, по цели.

Чем единодушнее будет эта грандиозная работа, тем быстрее и успешнее пойдет она. И возможно, что через два десятка лет дети наших дней уже не станут называть себя русскими, татарами, якутами, мордвой, а просто скажут:

— Мы — люди!

Тогда это, привычное слуху, слово впервые прозвучит достойно своего содержания.

Привет мой вам, люди, призванные историей к великому труду создания новой жизни!

М. Горький.

Первый съезд писателей Сибири состоялся в 1926 году. Он был открыт 21 марта, в зале охотничьего клуба. На съезде присутствовали писатели городов Сибири: Омска, Новосибирска, Иркутска, Томска, Барнаула, Бийска, Кузнецка.

В 1928 году предполагалось созвать второй съезд с приглашением писателей из автономных республик и автономных областей Сибири, но этот съезд не состоялся. Об отмене второго съезда А. М. Горький, считавший его первым съездом литераторов Сибири, узнал, когда приветствие было уже написано и отправлено из Сорренто в Москву. Оно было напечатано в газете «Правда» 20 апреля 1928 года.

О КНИГЕ ИВАНА ТАЧАЛОВА «МРАЧНАЯ ПОВЕСТЬ»

Лет двадцать тому назад в статье «О писателях-самоучках» я назвал Ивана Тачалова «человеком страшной жизни».

Тогда страшна была не только личная жизнь Тачалова, — жизнь вообще была страшна своим обнаженным и жестоким цинизмом. В ту пору самодержавие Николая Романова мстительно и беспощадно расправлялось с рабочими и крестьянами за 1906 — 7 года, а буржуазия, стремясь к своей свободе, увлекаясь попытками расширить рамки своей конституции, сгущала по мере сил своих мрак отвратительнейшей реакции. Лишь отдельные голоса жаловались кому-то:

— О, как много у нас вешают людей, как много их гонят в каторгу!

Лирический шопот гуманистов заглушали залпы карательных отрядов по рабочим и стоны тысяч крестьян, которых секли.

В это время Иван Тачалов писал:

Но возвращу тебе свободу
Я этой страшною ценой.
Я на служение народу
Благословляю...

И еще писал:

Мысль и руки, понемногу
В побежденной полумгле,
Строят верную дорогу
К царству правды на земле.

Необычный голос, необыкновенные слова в то время. Эти и многие другие стихи Тачалова внушили мне надежду, что из него выработается бодрый, смелый поэт-революционер. Но, в этом случае, жизнь не оправдала моей надежды. Случилось так, что вихрь «страшной жизни» закружил человека. Тачалов не нашел в себе силы развить свое дарование до той высоты, которой оно достигло бы при других менее тяжелых условиях.

А все-таки предлагаемая читателю книга Тачалова интересна и значительна. Интересна она потому, что, несмотря на жизнь, исковерканную нуждою и личными драмами, Иван Тачалов сумел написать такие вещи, как «Мрачная повесть», «Великое имя» и «Надмирные сказки». Согласимся, что художественное значение этих вещей невелико, что литературно они несовершенны и т. д. Но не станем отрицать искренности автора и — нередко — силы его слова.

Интересна, поучительна его книга и с общественной стороны. Наша литературная молодежь весьма часто и очень пронзительно жалуется на тяжесть условий, в которых она живет, указывает на то, как трудно работать в этих условиях. Да, трудно, этого никто не решится отрицать.

Но мне кажется — следует помнить, что процесс развития внутренней и внешней культуры есть именно процесс преодоления трудностей. И следует помнить, что все эти трудности — естественное, неизбежное следствие, созданное величием и сложностью задач, которые поставлены к разрешению творцом новой истории — рабочим классом. Никогда еще такая огромная часть населения нашей планеты, как пестрое население нашего Союза Советов, не объединялась на деле изменения коренных основ жизни. Христианство? Оно убеждало людей только в том, что человек — раб человека — раб бога, и что в рабстве богу он должен найти утешение себе. Ничего иного ни христианство, ни все иные религии не говорили трудовому народу. И если религию понимать, как связь человека с человеком и как стремление укрепить эту связь, — тогда учение о необходимости политико-экономического равенства всех людей более «религиозно», чем все религии.

Мне кажется, что если б молодежь хорошо поняла неизбежность трудностей и отсюда исходящий героизм нашей действительности, героизм ее, молодежи, позиции, — она легче переносила бы тяжесть жизни, легче преодолевала бы ее трудности. Иван Тачалов по-

нимает это. Он стонет, он измучен, но он понимает пафос борьбы и радость ее. Он — не плохой пример. Невероятно тяжела его жизнь, но, измучив его, она не погасила огня его души. О том, как и чем горит она, хорошо рассказано в другой его книге: «Карусель дураков».

М. Горький.

Сентябрь 1928 г.

Статья Алексея Максимовича «О писателях-самоучках» впервые была опубликована в 1911 году в № 2 журнала «Современный мир», издана отдельной книжкой в 1914 г., вошла в книгу статей Горького «О писателях», изданную «Федерацией». Говоря о начинающих «писателях из народа», Алексей Максимович, не называя фамилии Тачалова, привел следующие отрывки из его биографии:

«Первые проблески памяти рисуют мне дерущихся пьяных отца и мать. Помню и смерть матери. Но, будучи трехлетним, не понимал своей утраты, даже был доволен, что благодаря этому меня отпустили играть. Шести лет мне чуть не пришлось отправиться вслед за матерью, и черви, расплодившиеся в моих ранах, а также и паразиты, и грязь, и смрад очень тому способствовали, но я только оглох на оба уха. Семи лет я в девятнадцать дней окончил курс образования в отцовском университете по новейшему способу преподавания, чтению—по обтрепанным листам календаря, письму— палкой на песке. Пятнадцати лет ходил в Семипалатинск на святой ключ абалакской божьей матери просить исцеления от глухоты, но простудился, купаясь в холодном ключе, и, не солоно хлебавши, вернулся домой. Восемнадцатилетним юношей я зажил самостоятельно, научился пиликать на скрипке, стал играть на вечеринках, работал и читал все, что попало, с ненасытной жадностью.

От невыносимой жизни со своим зверем-мужем запила моя старшая сестра; вино явилось ей какой-то необходимостью и наконец превратилось в страшную потребность, и когда она разошлась с мужем, то во время запоя была убита. Я видел ее истерзанное тело, видел палку... но не плакал. Лучше, не мучается теперь... Вторая еще жила кое-как, а третья, девчонка нашла приют в веселых домах. Брат старался перещеголять отца, и только я чувствовал к вину какое-то дикое отвращение. Двадцати четырех лет бросил гильзовое ремесло и взялся за шапочное. Тогда-то чтение толкнуло меня попробовать стать писателем или поэтом. Первые опыты показались мне удачными, и я решил, что это мое назначение.

И вот моя муза начала мне мешать и спать и работать. Один раз я не мог заснуть девять ночей, воспевая бессонницу, и да-

же примирился с мыслью сойти с ума, но, на счастье, меня пригласили в один увеселительный притон музыкантом. С радостью ухватился я за это: вечером и ночью играл, утром до обеда спал и свободное время писал в бане. В то же время отец [illegible], не получив прощения от полюбившейся им ранее младшей моей сестры.

Около двух лет упражнялся я в стихотворном искусстве и только после того понял, что у меня недостает очень важного — знания грамматики, о существовании которой я, признаться, и не [illegible] до сего времени, изучать же ее мне представлялось китайской грамотой, и я махнул рукой, надеясь понять премудрости языка, следя за каждым знаком при чтении,—и тем избежать ужасающей меня зубрежки учебника.

Наконец нашелся один стриженый адвокат, который [illegible] объяснил, что только не место в публичном доме. Мы жили как братья. Он был настоящая забубенная голова и в то же время [illegible] скептик на евро-гнилые [illegible] и тогда еще [illegible] в своей серьезной [illegible] творческий огонь. Но через год друг мой [illegible] пробудился, и я убежал от него в мансарду. Половину работал, половину писал.

В 1905 году участвовал в освободительном движении, от погрома спасся в деревне. Во время краткой декабрьско-январской свободы на устроенном социал-демократической группой литературном вечере читал свое стихотворение «Егорка», получился успех. После того участвовал в забастовке шапочников. Отсидел полмесяца в тюрьме. Пресса не приняла моих длинных стихов, нужно было коротеньких. Я этого тоже не знал. Пришлось писать на новый лад. Мне удалось и это. Почти все мои стишки были напечатаны, и —так сбылась моя мечта—я попал в печать. Ошиблись все утверждавшие, что это нелепо в моем положении.

Встретил младшую, но уже тридцатилетнюю сестру, она жила по публичным заведениям, из которых ее часто выгоняли за невозможное пьянство и держали только из жалости... Сестренка моя горемычная. Красавица, гордость и радость моя бывшая. Что осталось от тебя... Что осталось от нашей семьи... В моем кармане хранилось письмо из Барнаула с извещением, что брат чуть не сгорел от вина, а пьянствующую сестру муж избил до полусмерти, выдергал волосы, выбил зубы и проломил скулу молотком... Ух ты! Что это?...»

Вслед за этим Горький задает вопрос: «Что же и о чем может писать человек такой страшной жизни?» И тут же приводит несколько стихотворений Ив. Тачалова.

В 1912 г. в письме к рабочему поэту С. Е. Ганьшину, Алексей Максимович писал:

«Если вы позволите, я бы рекомендовал вам внимательно почитать старых русских поэтов—Пушкина, Лермонтова, Фета и Полонского—они бы очень помогли вам понять, что такое форма стиха, музыка слова. Чтобы хорошо писать, надо хорошо знать свой родной язык. Если встретится вам сборник стихов Тачалова, прочитайте, очень любопытно. Тачалов тоже самоучка, рабочий-сибиряк. Будьте здоровы. Желаю вам вдохновения и всего хорошего».

В «Мрачную повесть», изданную «Федерацией» в 1929 г. и Новосибирском в 1930 г., включены в развернутом виде все те автобиографические сведения, которые Тачалов излагал Горькому в своих письмах. Одно из писем Тачалова опубликовано в первом горьковском сборнике, изданном Академией Наук СССР в 1931 г. В этом письме Тачалов, между прочим, пишет: «...я, кажется, не удержался на указанной вами позиции: много мрачного есть в моих стихах...»

Иван Тачалов умер от рака желудка в Москве 1 марта 1929 года.

М. А. НИКИТИНУ

1

Книгу вашу получил, спасибо! Очень живая книга.

Послушайте: вы — сибиряк? Вам, сибирякам, следовало бы собрать все, что написано об Антоне Сорокине и собрание очерков этих — издать.

После того, как будет издана такая книга, можно приняться и за издание работ самого Сорокина? Что вы скажете по этому поводу?

Привет. А. Пешков.

15. X. 29 г.

2

Написал в Москву, чтоб вам выслали деньги для поездки на Алтай.

Может быть дадите очерк и о мараловодстве?

О колхозах тоже надо.

О хорошей школе крестьянской молодежи. О пионерах — в их практической общественной работе. Есть это в Сибири?

Жму руку. А. Пешков.

В декабре посланы из Москвы деньги — подписная плата «Сибирским Огням». Журнала не получаю.

А. П.

Михаил Александрович Никитин — беллетрист и очеркист. Родился в 1903 году, в Самарской губернии. В 1921 году переехал в Сибирь. Окончил Омский институт сельского хозяйства и лесоводства.

Первый рассказ «Американские посылки» опубликован в журнале «Сибирские Огни» в 1925 году. Позднее в этом журнале были опубликованы повести: «Партизанская жена», «Суданский негр», «Безрогий носорог», «Стан» и др. Очерки М. Никитина были посвящены строительству Турксиба («Стальной пояс»), Кузбассу («Подземные кварталы», «Жемчужина Кузбасса»), колхозам и совхозам Сибири («Чабанская столица», «Второй гигант»), Енисейскому северу («Путь на север», «Енисейская книга»). По сценарию М. Никитина был поставлен кинофильм «Хунгус с Ханычара».

О своей переписке с А. М. Горьким М. Никитин пишет:

«В 1929 г. я обратился к Алексею Максимовичу Горькому с просьбой о помощи в деле издания однотомника избранных рассказов сибирского писателя Антона Сорокина, умершего в 1928 г. Одновременно я послал Алексею Максимовичу свою первую книгу «Путь на север», которая только что вышла в издательстве «Федерация» в Москве. Через некоторое время издательство переслало мне письмо Алексея Максимовича, датированное 15 октября 1929 г.

Второе письмо связано с моей работой в журнале «Наши достижения».

О ВИКТОРИНЕ АРЕФЬЕВЕ

О Виктории Арефьеве я могу сказать немного. Он редко бывал в Красновидове; являлся обычно к ночи или ночью, приходя пешком с пристани «Лобышки». М. А. Ромась, весьма строгий конспиратор, побеседовав с ним, отправлял его ко мне, на чердак; там Арефьев спал и сидел, не выходя на улицу села целый день, а ночью исчезал, спускаясь к Богородску в лодке с рыбаком Изотом или уходя на Лобышки. Ромась сообщил мне, что Арефьев выслан из Саратова или должен был уехать оттуда, избегая ареста, — не помню точно. Вероятнее — последнее, потому что

Арефьев, обычно, являлся в Красновидово или из Казани, или из Саратова, и я думаю, что он служил связью между народовольцами этих городов.

Помню, что при первой встрече он мне определенно не понравился, — говорил со мной докторально, заносчиво и щеголял своей начитанностью. В следующий раз я примирился с этим, поняв, что за щегольство мною принято естественное желание человека много знающего поделиться радостью знания. Особенно возбудил мою симпатию его интерес к фольклору; он отлично знал поволжские говора; у него были интересные записи песен пензенских татар, запевок «Дубинушки» и целое исследование о саратовской «частане», предшественнице современной «частушки». Мне кажется, что эта работа его печаталась в «Саратовском дневнике», в редакции Сараханова в 1891 или 1892 гг. Лет десять спустя, в кружке Мережковских искали рифму к слову «дьявол»; нашел кажется, Сологуб: — «плавал». И мне вспомнилась запись Арефьева:

Милый мой на волге плавал,
Утонул, паршивый дьявол!

К запискам своим он относился небрежно. Однажды забыл их в лодке Изота, в другой раз его тетрадь оказалась под моей койкой. Был он человек живой, размашисто открытый, богатый словом, с широким полем зрения и умением тонко, точно наблюдать.

Как-то, будучи в Казани, я встретил его у геолога Северцева или Сибирцева, и мы решили итти в Красновидово пешком. Вышли на утренней заре. В памяти моей очень светло и выпукло лежат сорок пять верст этого пути в непрерывной беседе с человеком, которому и природа и люди говорили больше, чем в ту пору я умел видеть и слышать. Он обладал небольшим голосом, отличным слухом и безошибочно передавал мелодии народных песен. Лицо у него было четкое, из тех, какие, — увидев один раз — долго не забываешь и хочешь видеть еще. Лицо его хорошо освещали очень яркие и умные глаза; особенно ярко блесте-

ли они, когда Арефьев смеялся. Смеяться — любил. это верный признак хорошего человека.

Года через два — если не ошибаюсь — я встретился с ним в Нижнем у И. И. Сведенцева, мрачного народовольца, автора очень скучных рассказов. Это была последняя встреча. Он, кажется, имел какое-то отношение к «народовольцам». Это я заключаю по тому, что он очень подробно рассказал мне о провале типографии Ромася в Смоленске. И в этот раз он вызвал у меня впечатление человека крепкого, решительно идущего к своей цели, влюбленного в песни, навсегда преданного народу своему и готового на всякий бой, на любую работу ради лучшего будущего.

В. С. Арефьев—этнограф и публицист. Родился в 1875 г. в крестьянской семье в с. Бощаново, Балашовского уезда, Саратовской губернии. В 1897 г. был административно выслан в Казачинское, Енисейской губернии. Оттуда за обличительные корреспонденции был переведен в одну из глухих деревень на р. Ангаре. Занимался сбором сибирского фольклора. Написал несколько очерков, в которых излагаются эпизоды из тюремной жизни. Главные труды: «В низовьях Ангары» («Сибирский сборник», 1900 г., I—II), «Енисейские инородцы» (там же, 1902 г). «О народных песнях в Сибири» (там же,, 1899 г.). Умер В. С. Арефьев в 1901 году.

Статья М. Горького о В. Арефьеве была напечатана в малораспространенном сборнике (тираж 525 экз.) «Сибирская живая старина», VIII—IX, изданном в Иркутске в 1929 г.

Исследование Арефьева о саратовской матане, о котором напоминает в своем письме А. М., напечатано, как установил И. А. Груздев (см. его статью «Письма Горького в Сибирь», «С. О.» № 1, 1947) в «Саратовском дневнике» 1893 г. в № 285 и № 286 под названием «Новые народные песни» за подписью Н. А-ф-в.

Е. Н. ПЕРМИТИНУ

Вчера получил Вашу книгу, — спасибо!

С месяц тому назад мне прислала ее «Федерация», я прочитал ее, сделал кое-какие отметки, но этот экземпляр у меня взяли в Рим, и я не помню, что мне там у Вас не понравилось.

В общем же — книжка не плохая, затеяна интересно и язык у Вас есть свой.

Впрочем отзыва моего Вы не требуете и это я так уж, по привычке, написал и, пожалуй, себе говорю, а не Вам.

Второй том печатается в «Сиб. Огнях»?

Интересно, как Вы кончите.

Жму руку.

А. Пешков.

16. VI. 30.

Ефим Николаевич Пермитин — советский писатель. Сибиряк. Сын столяра. Родился в 1895 году в г. Усть-Каменогорске. Организатор и редактор первого в Сибири охотничьего журнала «Охотник Алтая», в котором был большой литературно-художественный отдел. С 1925 по 1930 год в Новосибирске редактировал журнал «Охотник и пушник Сибири».

Первый роман Е. Н. Пермитина «Капкан» печатался в «Сибирских Огнях» в 1929 году. В 1930 году вышел роман «Когти». Затем появился роман «Враг». В 1937 году вышла трилогия Е. Н. Пермитина — «Любовь». В 1946 году вышел роман «Друзья». Все творчество Е. Пермитина посвящено советскому Алтаю.

В своих воспоминаниях о Горьком Е. Пермитин пишет:

«А. М. Горький находился тогда в Сорренто. О книге уже появились отзывы в «Литературной газете», в московских журналах. Мне очень хотелось знать мнение о своем первенце писателя, которого я боготворил.

Я составил до десятка черновиков писем Алексею Максимовичу, но ни один из них не удовлетворял меня несоответствием слов и выражением чувств, переживаемых мною. Наконец письмо было написано и, вместе с авторским экземпляром, я понес его на новосибирскую почту.

У почтамта я столкнулся с начинающим поэтом Ш. Он потряс перед моими глазами листом бумаги, исписанным неправильным ни с кем почерком, хорошо знакомым мне до этого по фото-копиям в учебниках литературы. Ш. прочел мне замечательное по-отцовской деликатной осторожности письмо. Алексей Максимович обстоятельно разбирал стихи поэта, отмечал и объяснял бледные, невыразительные строки, указывал подсобную литературу, советовал попробовать писать прозой.

«Сколько нас, а он один...» — подумал я.

В почтамте я разорвал свое письмо и там же написал несколько коротких фраз, в которых попросил Алексея Макси-

мовича не тратить драгоценнейшего времени, не писать мне ответного письма. И. словно бес шепнул мне в уши последнюю строчку: «Да я и глубоко убежден, что подлинную оценку книги сделает только сам читатель».

И что-то очень скоро, совершенно неожиданно, мне принесли письмо от Алексея Максимовича...»

Мы печатаем это письмо по фото-копии, хранящейся у Е. Н. Пермитина. Подлинник письма — в Институте мировой литературы им. А. М. Горького.

РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «БУДУЩАЯ СИБИРЬ».

I

С большой радостью узнал, что в Иркутске затевается издание журнала «Будущая Сибирь».

Это — совершенно необходимое и своевременное дело, тем более своевременное, то оно несколько запоздало, как вообще у нас опаздывает родиться и развиваться областная литература — организатор культурно-революционного сознания трудовых масс.

Такое опоздание особенно странно для Сибири, огромной, чудовищно богатой страны, земля которой как будто все охотнее открывает перед нами неисчерпаемые сокровища ее недр, колоссальные массивы лесов, неизмеримые запасы энергии ее мощных рек. Вероятно, нет страны, которая за время до Октябрьской революции изучалась бы так мало, как Сибирь, особенно — Восточная.

Теперь следя, — насколько это возможно для меня,—за работами геологов, испытываешь чувство, похожее на благодарность близорукости хищников старого времени, хищников, которые, жадно хватая все, что было близко к их цепким рукам, оставили нетронутыми ценности, лежащие подальше и поглубже.

Поражая воображение своей грандиозностью, развертываются сказочные картины будущего Сибири, которые создаст укрощенная и освоенная рабочей энергией людей стихийная сила Ангары и Великий Север-

ный путь сквозь Сибирь, путь, который свяжет ее с тремя океанами.

Индустриализация Западной и Восточной Сибири, это — одна из тех великих хозяйственных задач, которые быстро ведут нас к разрешению основной задачи: к организации всего хозяйства нашей страны в формах социализма, а затем — неизбежно — к полному экономическому и духовному раскрепощению всей массы рабочих мира и каждой отдельной личности.

Мы начали эпоху, которая совершенно исключает старинное расточение траты человеческой энергии на великие и малые дела. Перед лицом той основной задачи, разрешить которую повелевает нам история, — т. е. сумма условий, нами же вызванных к жизни, — перед лицом этой задачи нет мелких дел. Что восхваляли у нас и до сего дня восхваляют в Европе, Америке, как «великое дело»? Войну и наживу, — удачно организованный, но бессмысленный грабеж рабочей силы.

Кого буржуазия считала и считает великими? Генерала, который умел истребить наибольшее количество солдат и разрушить наибольшее количество хозяйств, банкира, способного собрать в своих руках наибольшее количество денежных знаков, фабриканта, купца, кроя и подобных им организаторов производства орудий, производства истребления людей, вероучителя, способного талантливо затемнять разум.

Малым делом считалось — и считается — филантропия, кормление бедных крошками со стола богатых: в это кормление включалась и «культурно-просветительная» деятельность буржуазии, деятельность, направленная на «умиротворение страстей», на угашение попыток критически настроенного ума разобраться в позорных противоречиях действительности.

Наш герой теперь — рабочий-«ударник», тот, кто ставит «мировые рекорды» успешности труда, как это было отмечено американками на Днепрострое. Наш герой — «простой» человек, который в тяжелых условиях неутомимо и мужественно строит свое, рабочее

государство равных, — строит, разрушая все козни врагов, преодолевая все препятствия.

В нашей действительности, насквозь пропитанной борьбой против старины и строительством нового мира, — в нашей действительности нет мелких дел,—все дела равно [illegible].

Чтобы убедиться в этом, мы должны смотреть на всю нашу будничную работу с высоты основной задачи, а эта задача, как сказано, — создание образцового социалистического общества людей, раскрепощенных извне и изнутри. Уже теперь рабочие Европы и Америки, демонстрируя свою силу, кричат на улицах: «Наше отечество — Союз Советов». Это значит, что они хорошо видят, куда надобно идти и что надо делать для того, чтобы трудовое человечество слилось в единое товарищеское целое.

Именно с высоты этой задачи я смотрю на дело издания журнала «Будущая Сибирь», и для меня это — великое культурно-революционное дело.

Совершенно правильно ставит редакция перед журналом задачи краеведения, этнографии. Это необходимо в стране, где рассеяно около 30 племен, люди, которых до Октябрьской революции не считали за людей и у которых не было прав, кроме одного — права постепенно вымирать. Нужно, чтобы они почувствовали и поняли, что перед ними другой мир, не тот, который отрицал их, в котором они жили слепо и немо, и что этот новый мир требует их участия в строительстве. Теперь, когда они начинают учиться свободно говорить, их голоса скорее и ясней донесутся до соседей еще слепых и немых. В нашей действительности понятие «равенство» должно быть полноценным, а не таким пустым, как опустошили его Франция и другие буржуазные государства Европы, Америки.

Сердечно приветствую вас, товарищи, желаю успеха в работе и верю в успех.

Сибиряки — народ крепкий, привыкли жить с комарами и, вероятно, мало обращают внимания на ко-

мерные укусы будничной действительности — на мелочи, которые создают среди людей настроения, недостойные эпохи, а часто и вредные делу, во всяком случае — затрудняющие дружную, товарищескую работу.

Привет!

М. Горький.

1930 г.

2

...Нечего говорить о том, что я искренне сочувствую делу издания журнала и готов в меру сил моих «поддержать его». В сущности все мы делаем одно и то же дело, работаем на одного читателя, и моя мечта внушить это редакциям журналов, придать всей работе более широкий, гармонический вид и лад. Не подумаете ли над этим?

... Вот, например, в 4 и 7 номерах «Наших достижений» напечатаны мои «Рассказы о героях». Я слышал, что они нравятся массовому читателю — не хотите ли перепечатать их?

М. Горький.

Первое письмо было опубликовано в «Известиях» (20 декабря 1930 г.), позднее перепечатывалось в сборнике М. Горького «Публицистические статьи». Второе письмо было прислано непосредственно в адрес редакции журнала «Будущая Сибирь», напечатано в № 1 этого журнала за 1931 г. В этом же номере были перепечатаны «Рассказы о героях» М. Горького.

Н. В. ЧЕРТОВОЙ

1

Н. Чертовой.

Вы, сердитая женщина, написали очень хорошее письмо; хорош у Вас молодой задор, хороша прямота ума, сердца. (За два последних качества, товарищ жизнь обязательно и жестоко вздует Вас). Всего луч-

ше — Ваша уверенность в том, что должны придти гениальные женщины. Я тоже в юности верил в это — должны придти, придут. Читали Вы мою «сказку» — «Мать»? Это — в «Итальянских сказках». В этой поэме я выразил «романтически» и как умел мой взгляд на женщину. Не понимайте мой титул «мать» чисто физиологически, а — аллегорически: мать мира, мать всех великих и малых творцов «новой природы», новой жизни. Мне кажется, что женщина должна отправляться к свободе от этой точки, от сознания мировой своей роли. Кое-что «от меня» говорит Макаров в книге «Жизнь Самгина», стр. 339 — 41, т. I. II, прочитав эти несколько страниц, напишите: что Вы подумаете о них.

...Обратите внимание на Нину Смирнову, недавно выпустила книгу «Земной закон». Ольга Форш? Тут я снова не согласен с Вашей оценкой. Форш — «настоящая» женщина, женщина «на свой страх», широко образована, очень талантлива, может написать крупные вещи. Вы — не горячитесь, не спешите с оценками. И не забывайте, что «бабы» уже делают великое дело возрождения нашей страны плечо в плечо с мужиками и часто, не хуже их.

Теперь — Вы. Рассказ написан бойко, но он был бы лучше, если б Вы написали его проще, суровее и не в форме писем к «Поперу», — кстати: неудачное имя, произведено, как будто, от глагола «попереть», и напоминает Проппера, издателя противнейшей «Биржевки».

Не упоминайте слова «выглядеть», это слово сделано плохо, и не по-русски. Следите, чтобы конечный слог слова не сливался с начальным другого, образуя ненужное третье, напр. «как ка-мень», «бреду-ду-мала» и т. д. Если решили писать — внимательнейше, неутомимо, упрямо изучайте язык.

Всего доброго!

А. Пешков.

Не хотите ли напечатать в «Сиб. Огнях» прилагаемую «Рецензию», а за это пусть мне вышлют журнал? Идет?

Н. ЧЕРТОВОЙ.

В нашем деле комплименты вредны.

«Горькая пена» — весьма хороша, потому что полезная, но она была бы значительно лучше и действовала на читателя сильнее, если бы вы не думали, что преобладание диалога над описанием — изображением — может придать рассказу живость, яркость. Нет, этого у нас диалогом не умеют достигать, да и публика наша к этой форме не тяготеет, она даже и артистические монологи Лескова все еще не оценила по достоинству их. Изображения у вас — маловато. Писать: «на колокольне пробило четыре. Павел торопливо завернул за угол». «Бабкин отвел глаза». «Мастер... задрав голову». «Крафт откинул голову»... писать так еще не значит изображать. Это — фразы из учебника грамматики. Звучат — сухо, ничего не рисуют и не оставляют в памяти ни тени. Над языком вам следует поработать. Однако — в этой вашей работе язык и фраза проще, ясней, чем в прежней.

Производство пива сделано описательно, но — не изобразительно. Мало хмельного тумана, обойдено тяжкое пивное опьянение и — самое главное! — вы недостаточно внимательно отнеслись к процессу пивного брожения, а этот процесс мог бы дать вам не несколько не плохих картинок и мыслей. Заметьте, что когда говорят: «Голова, как пивной котел», то говорят не только объем головы имея в виду.

Скоропалительный роман и моментальный брак Павла — Эммы не очень обоснованы у вас. Вообще в повести есть «зияния», — пропуски, недоговоренность, хотя вы сделали умно, не досказав: переродилась ли Эмма в пролетарку?

Когда Эмма говорит: «Вы — продастесь» и т. д. это несколько неожиданно, неподготовленно. И — анахронично.

Вам надо бы больше работать. Ведите нечто вроде дневника, записывайте каждый день хоть несколько строк, записывайте слова, формы носов, ушей, о луне пишите и о собаке, — обо всем, что хоть на полсантиметра выходит из границ обычного и, так или иначе, задевает вас. Книгу Лаврухина «По следам героя» — знаете? Весьма поучительная книга.

За сим — желаю вам бодрости духа и успехов в работе. Вы уж — мать? Это очень хорошо, если не мешает делу, на которое вы, кажется, обречены.

А. Пешков.

12. IX—30.

Спасибо за «Сиб. Огни». Очень я обижен смертью Арсеньева, — отличный был работник.

Надежда Васильевна Чертова — современная писательница, в 1927—1931 гг. жила в Новосибирске, одно время работала в редакции журнала «Сибирские Огни».

В своих воспоминаниях «Незабываемая школа», опубликованных в журнале «Сибирские Огни» № 1, за 1947 год, Н. В. Чертова пишет:

«В начале 1928 года я, в качестве начинающего литератора, послала письмо А. М. Горькому в Сорренто. Письмо, помнится, было горячее, наполненное резкими суждениями о писателях, особенно о писательницах. В конверт я вложила свою новеллу, написанную от руки на папиросной бумаге. Недели через три я получила ответ...

В конверт был аккуратно вложен мой рассказ, весь испещренный красным карандашом Алексея Максимовича.

Внимательное, заботливое и теплое письмо Алексея Максимовича очень меня обрадовало. Я с жадностью прочитала «Итальянские сказки» — и растерялась. Точка зрения Горького на женщину и ее назначение представлялась мне слишком отвлеченной и какой-то «литературной»: женщина-мать, даже в самом высоком (и отвлеченном) смысле этого слова,—но и только. Меня привлекал образ женщины — творца, художника, созидателя, соединяющий в себе творческую страсть с подвигом материнства.

Возникала как бы дискуссия. Я понимала, в какой степени нелепо и даже смешно вступать в дискуссию с Горьким — мне, человеку молодому, крайне неопытному литератору. Но мне ничего не оставалось делать. Раздираясь между чувствами горячей благодарности к Горькому и чувством протеста против его «отвлеченности», я написала, нужно признаться, очень дерзкое письмо.

Ответ я получила немедленно, длинный и очень сердитый...

На этом переписка моя с А. М. Горьким прервалась на два года. В 1930 году, напечатав в журнале «Сибирские Огни» свою первую большую повесть «Горькая пена», я послала ее А. М. и получила ответ...

«Р е ц е н з и я» Алексея Максимовича была напечатана в журнале «Сибирские Огни» № 1, за 1928 год. Это была рецензия на первую книгу стихов тогда молодого поэта М. Исаковского — «Проводa в соломе».

«Рецензия» была написана Алексеем Максимовичем 10 января 1928 года.

Повесть Н. Чертовой «Горькая пена» была напечатана в журнале «Сибирские Огни» №№ 2, 3, 4, за 1930 г.

НИНЕ ЕМЕЛЬЯНОВОЙ

1

Вы хотите «серьезно заняться литературой» и спрашиваете: думаю ли я, что вы можете это сделать?

Человек старый, я люблю ворчать и обязан указать, что вопрос вы поставили неправильно; надо было спросить: есть ли у вас способности к этой нелегкой и ответственной работе.

Судя по очерку «Дружная жизнь» — способности есть и даже, кажется, хорошие. А судя по тону письма, думается, что человек вы серьезный, скромный, но вам необходимо кое-чему поучиться. Вы пишете: «я м н о г о бываю в казарме», было бы точнее, если бы вы сказали: часто и определили время. Такие, вот, мелочи — не пустяки, поверьте мне! Язык должен быть прост и точен, это придает ему силу, рельефность, красочность. Очень советую вам заняться теорией прозы и обогащением лексикона, т. е. — накоплением слов.

«Дружную жизнь» я напечатаю в «Наших достижениях», — есть такой журнал. Само собою разумеется вы получите гонорар, а по печатному тексту увидите какие исправления внесены в очерк ваш.

Пришлите мне и очерки «Заманщина».

Не надо ли вам каких-либо книг? Сообщите, вышлю.

Очень советую работать ежедневно понемногу, хотя бы напишите 5—10 строк и то хорошо. Весьма рекомендую вашему вниманию книгу рабкора Лаврухина «По следам героя», она вам скажет много полезного.

Привет.

А. Пешков

19. VII. 30.

2

«Хлеб» — набросок, сделанный небрежно, да и «содержания» в нем — маловато. Вам следовало бы против уходящего из жизни Син-Тин-Гана поставить какого нибудь молоденького Сам-Пью-Чай. А также надо бы подчеркнуть, что умирающий китаец с его неверием в людей мало отличается от такого же рабземли, как любой калужский, тамбовский. Над этой штучкой советую вам посидеть часа два-три, углубить ее значение. Жаль, что ваш старик—молчит, это не совсем обычно, старики любят учить и было бы естественнее, правдивей, чтоб Син-Лин обучал — немножко — молодых китайцев неверию в то новое, что они видят. Старики, умирая, боятся, что с ними умрет вся «мудрость жизни», весь их уже мертвый опыт. Так-то, писательница.

«Заманщина» — перегружена словами. Во втором очерке вы совершенно стерли значение того факта, что крестьяне скрывают уголь, а это следовало особенно подчеркнуть. Что прячут? Источник энергии, способный облегчить труд, обогатить жизнь. Ради чего прячут? Ради того же, что заставляет американских и других промышленников не пускать в жизнь машины новой конструкции.

Писать вы можете хорошо, значит — и должны хорошо писать. У вас не плохой, довольно богатый лексикон, есть свои слова, есть попытки создать из них свою фразу. Вы ее создадите, экономя количество слов, употребляемых вами на изображение предметов, людей, пейзажа. Пишите гуще. Красота, это — простота, четкость, ясность.

Если вы пришлете «Заманщину» с первого очерка и написанной более сжато, с большим упором на факты, — будем печатать очерки один в «Наших достижениях». Бабу — преда сельсовета, — вы тоже смазали, а баба эта — героиня наших дней и — дорогого стоит, так что против нее вы тоже согрешили, писательница!

Всего доброго. Работайте усердно и — смело.

А. Пешков.

Нина Александровна Емельянова—известная советская писательница. Родилась в Москве, в 1896 году. По образованию геолог. В первые годы после Октябрьской революции работала в экспедиции на Печоре, затем — на Северном Урале, в Красноярском крае. В 1929 году ездила с поисковыми партиями по притокам Енисея. Это дало материал для первых очерков о реке Мане. Очерки «Заманщина» печатались в журнале «Сибирские Огни» в 1931 году. Позднее Н. А. Емельянова работала геологом на Дальнем Востоке, на горно-таежной станции Академии Наук. По окончании работы там написала книгу «В Уссурийской тайге».

В журнале «Сибирские Огни» в 1935 г. была опубликована повесть Н. А Емельяновой—«Повесть о родных и знакомых». В годы Отечественной войны вышло несколько книг Н. Емельяновой: «Хирург», «Колбат», «Дружба» и др.

Н. Емельянова сопроводила письма А. М. Горького следующими строками:

«В июне 30 года я послала Алексею Максимовичу первый мой рассказ «Дружная жизнь» и через месяц получила из Италии от него первое письмо. Нечего и говорить, как оно обрадовало и поддержало меня.

Осенью 30 года я послала Алексею Максимовичу еще три очерка из «Заманщины» (напечатанных в журн. «Сибирские Огни» №№ 1—5, 31 г.) и небольшой рассказ «Хлеб». Вскоре я получила ответ—второе письмо и рукопись «Хлеба» с поправками. Ряд

этих поправок свидетельствует о [illegible] Алексей Максимович [illegible] стоить труд, [illegible] количество слов, употребляемых на изображение предметов, людей, пейзажа».

Большая часть исправлений относится к поиск[illegible] расстановки слов в фразе [illegible] точное определение мысли. В одной фразе подчеркнуты неудачно повторяющиеся окончания слов:

«...Утро еще стоит снаружи у тяжелых дверей, а то окНО, в которое оНО, может быть, [illegible]

В фразе: «...Исторически уже погубило...» слово погубило вычеркнуто и вверху вместо него написано погашено. Рядом на [illegible] Алексеем Максимовичем:

«Не следует употреблять глагол тушить, тухнуть по отношению к огню. Тухнет мясо, куриные яйца и пр. Огонь заслуживает повышенного отношения к нему».

И дальше, где встречаются фразы с попытками написать «покрасивее» — [illegible] красным карандашом и рядом написано: «Проще, реалистичнее».

Алексей Максимович учил писать гуще, содержательнее, находя красоту в простоте, четкости и ясности изображения. Но внешняя форма—это только одна сторона, на которую Алексей Максимович обращал внимание молодых авторов. Глубина содержания—вот чему учит он в своих письмах. Он учит нас обращать внимание на каждый факт и ярче показывать тех новых людей, которые, по его словам, дорогого стоят.

Каждое указание Алексея Максимовича дорого нам и, пытаясь передать большие дела наших дней, мы думаем про то — «одобрил бы это или нет большой и любимый нами человек — Алексей Максимович».

Впервые письма были напечатаны в сборнике «Горький и Сибирь», Новосибирск, 1938 г.

ЛЕНСКИМ ЗОЛОТОРАЗВЕДЧИКАМ

Павлу Матвеевичу Шатунову с товарищами и «мамкой»

Сердечный привет вам, товарищи-таежники!

Прочитал ваше письмо и стало на душе и весело и грустно. Весело, — потому что нередко такие дружеские письма, как ваше, пишут мне рабочие люди, строители нового мира, — пишут со всей земли и даже из-под земли Союза Советов, — из шахт Донбасса, — ну, а если многие пишут, — стало быть я рабочим людям

нужен, чем-то полезен для них, и это, конечно, радует, силу для работы дает.

Грустно,—потому что не успеваешь всем ответить нехватает времени, и потому еще, что, вот, получил ваше письмо и очень захотелось прыгнуть к вам, в тайгу, шурфы с вами бить, костры разводить, товарищески побеседовать, — работать я люблю, костры разводить— тоже люблю. А уж не прыгнешь! 63 года, и хотя работоспособность не падает заметно, ну, а все-таки, одолевают кое-какие стариковские немощи. Да и время не такое, чтобы «прыгать», время становится все строже, требует к себе напряженного внимания, возлагает на советского писателя обязанность смотреть «в оба глаза».

Успехи социалистического строительства и пятилетки, рост социалистического соревнования, развитие ударничества, развитие колхозов и многое другое, творимое рабочим классом и партией, — все это, убивая надежды наших врагов на то, что у рабочего класса не хватит сил кончить начатое им великое дело создания своего, трудового государства, — все это, убивая надежды врагов, возбуждает у них отчаяние и страх перед неистощимой рабочей силой Союза Советов. Понимают и чувствуют, что могучий рост рабоче-крестьянского государства грозит им неизбежным уничтожением, гибелью. Со страха, с отчаяния они давно бы уже бросились на нас с пулеметами, танками, аэропланами, с ядовитыми газами, но их бессмысленная и бесчеловеческая жадность к наживе создала такое положение, что, вот, сейчас в Европе и Америке около тридцати миллионов рабочих не имеют работы, а поставить все эти миллионы под ружье да послать против нас — дело очень рискованное, — вполне возможно, что ружья и пулеметы начнут стрелять не туда, куда хочется капиталистам. В Нью-Йорке — главном городе Соединенных Штатов Северной Америки — и в других городах, там безработные, голодные рабочие десятками тысяч выходят на улицы, громят магазины — небывалое явление в этой стране миллиардеров, стране, которая еще так недавно хвасталась своим богатством и, действительно обладает

огромным запасом золота и хлеба. В Америке даже жгут пшеницу в топках паровозов, потому что ее некуда, некому продать.

Во всем мире хлеб, золото, железо, нефть, уголь и все сокровища земли находятся в руках капиталистов, а у рабочих — нет ничего, кроме права — или умирать с голода или уничтожать хозяев.

Капиталисты силами рабочих и крестьян накопили столько товаров, что вот уже рабочим нечего делать. Это называется «экономический кризис», и очень трудно понять, как вывернутся, да и вывернутся ли капиталисты из этой петли.

У нас, в государстве рабочих и крестьян, безработных нет, государству уже нехватает рабочих рук для строительства промышленности и новых форм жизни. У нас нет карманов, в которых бы прятались деньги, заработанные крестьянином или рабочим, — каждый заработанный рубль идет на покупку машин для колхозных полей, фабрик, заводов, для строительства рабочих поселков, переустройства старых городов, строения новых.

Каждый грамм золота, которое, вы, товарищи, добудете в тайге нелегким трудом, пойдет на облегчение жизни рабочих и крестьян — единственных хозяев страны, на строительство таких ловцов стихийной энергии природы, как Днепрострой, Ангарстрой и т. д.

В государствах, где хозяйствуют капиталисты, огромное количество народных денег тратится на вооружение, на содержание церквей, попов, монахов, на хвастовство богатством, на грубую и глупую роскошь, у нас нехватает еще много необходимого, но все, что ежедневно делается на всех заводах и фабриках Союза Советов, делается рабочими для крестьян и для самих себя. В лесах и на полях, под землею и на морях — всюду неистощимая рабочая сила быстро создает запасы хлеба, мяса, рыбы, платья, топлива, строительных материалов, и уже близок год, когда каждый гражданин Союза Советов будет иметь все необходимое ему в избытке.

Вы, вероятно, заброшенные в глухую тайгу Сибири должны знать об этом колоссальном, непрерывном труде рабочих и крестьян, который поставил перед собой прекрасную цель: сделать всех людей экономически равными, здоровыми, грамотными — культурными людьми. Я знаю вас журнал, который, по мере сил, следит за развитием труда и творчества в нашей стране, за ростом ее промышленности и сельского хозяйства, за перестройкой первого в мире государства рабочих.

В странах капиталистов человек, научившись грамоте, начитавшись книг, т. е. накопив знаний, так же, как накапливают деньги, — хвастается своей образованностью, точно купец богатством. Вы, героические рабочие люди Союза Советов, накапливая знания, обязаны делиться ими с тем, кто знает меньше вас, это ваш товарищеский долг. Итак учитесь, учите, а я всегда готов помочь вам всем, чем могу. Спасибо за хорошее письмо.

А «мамка»-то ошиблась, я ответил!? Пусть она за эту ошибку поплатится: накормит вас особенно вкусным обедом. Вероятно, у вас ружья есть, зачем бьете? Вот, настреляйте рябчиков, а она вам нажарит их.

Хорошо бы, товарищи, пообедать с вами.

Ну, — ладно! Сердечный привет всем...

Крепко жму ваши лапы.

М. Горький.

23/I—31 г.

Сейчас получены вечерние газеты: во Франции снова проворовались министры, а еще не кончено расследование воровства их предшественников, проворовавшихся в прошлом году. Быстро гниют!

Письмо Алексея Максимовича является ответом на письмо к нему шести золоторазведчиков. Это письмо, ввиду его особого интереса, приводим полностью:

Товарищ Горький!

Надеемся, вы не разобидитесь, что называем вас товарищем, а не господином. У вас, ведь, в Италии, не как у нас в СССР—

все еще господа. А мы, право, никак не можем даже набраться духу, чтоб серьезно выразиться—господин!

Цель нашего письма сообщить вам, что работаем мы в золотопромышленности на Алдане, находимся в настоящее время [illegible] очищают путь от снега, чтобы можно было пробежать автомашине. [illegible] и на лошадях было трудно ездить, в летнее время только верхом,— [illegible] все три стороны тянется на сотни километров бесп[illegible] стынная тайга. Живем мы б[illegible] [illegible] лили, тепло! В окнах, вместо стекол, белое полотно натянули окна наши в длину 60 см и в ширину 60 см.

Работа пока—это все наше. Наш государственный промышленный трест послал в разведку—ключи и речки разведывать: нашем районе золотом россыпи. Конечно, все тех по разведывает много. Больших [illegible] И вот, и мы работаем как можем; и тебя расценивали, сидя за столиком, который состоит из [illegible] речная палочка, а на эту палочку вытесанные из толстого леса [illegible] сел. Сидя д[illegible] говорят, что ты не ответишь нам на письмо, другие—Максим Горький—не [illegible] и что очень занятой человек.

Сообщаем: золото будет у нас в линиях. Наверное говорим, порода хорошая идет, в этой породе золото бывает, хотя мы горняки-то, что называется «без году неделя», но все же понимаем! У нас, ведь, в СССР, выдвигают на службу и рабочих; я вот, рабочий, выдвинут на службу смотрителем. Отдаю отчет, пишу табели и шурфовочные журналы—все это у нас упрощено. Рабочих в моем распоряжении 4 человека, которые работают на двух линиях по 2 человека. Вот приехали, скажем, в какой-нибудь ключ или какую-нибудь речку и—давай работать! Пересекаем всю речку поперек и пробиваем шурфы—такие ямы—1 м 80 см на 1 м 40 см и углубляемся в землю все ниже и ниже, до тех пор, пока не найдем почвы или не дойдем до скалы, дальше ее уже не пойдешь! От борта до борта по всей ширине долины мы закладываем шурфы через каждые двадцать метров один от другого; если золото найдется, то между шурфами еще бьются шурфы дополнительные, тогда уж будет, шурф от

нурфа—10 метров, даже меньше. Для тебя, наверно, непонятно? бьются скважины машинами Кэйстон и Импэер, между Кэйстоном Импэром разница большая: первый—паровой, а второй—мускульный.

Живем! Норма продуктов у нас большая, всего хватает: леба и крупы еще остается, мяса дают нам 30 фунтов в месяц масла сливочного—кило, сахару—два кило в месяц, хлеб хороший, полубелый,—словом в общем, хорошо. Несмотря на то, что новенькие в работе, но хорошо работают ребята. У меня из деревни три парня работают, молодые по 21 году, не работали еще нигде, но представь себе, дело подвигается—лучше некуда!

Начальство у нас есть, но не такое, какое у вас, в Италии. у нас, что инженер что техник, что я—маленький служащий, что очник—все равны, т. е. не все равны по чину, а в обхождении—равны. Все обращаются друг к другу, как братья, никого не ругает, по вечерам шутим, читаем, а утром строго выполняем всяк свою работу.

Вот «мамки» у нас и та спорит, что ты не напишешь письмо нам, таежникам «Мамка»—это местное приискательское название, «мамка»—значит стряпка, что для нас готовит пищу и стирает белье. Для всех она является мамкой, для кого готовит.

С помарками написали — извиняй.

Так вот у нас просьба к тебе большая: порекомендуй нам, какую читать литературу, чтобы хорошо понимать писательский язык, и что надо читать, чтобы, хорошо владея русским языком и зная орфографию, сделаться писателем, какую литературу выписать надо, чтобы она развивала мозг. Вот, будь добр, сообщи нам об этом писать можешь дополнительным письмом, мы люди не бедные, сбережение деньги лежат, выпивать мы не пьем, не заразились этим, не как старые приискатели.

Забыли еще сообщить тебе: у нас имеется 2 пары оленей, на них—лес подвозим к линии для пожогов: нередко здесь встречаются места вечной мерзлоты: никогда не оттаивает земля, и перерыть ее недо, и вот в таких местах кладем пожоги, чтобы оттаяла мерзлоту. Один олень кривой у нас, но очень сильный, хорошо возит! Шахматы райком нам послал, книг, а когда кончим работу, все сдадим обратно, и книги и шахматы, а потом опять поедем работать, а новом месте, там все опять будет.

Ну—всего хорошего, мы немножко заболтались, выдернули у тебя ценное время.

Еще раз просим об ответе.

Шатунов, Новгородцев, Чернов, Валуев, Коноплин».

27/XII—1930 г.

Первоначально переписка была опубликована в журнале «Наша достижения» № 3, за 1931 г.

О КНИГЕ Н. ВАГНЕРА «ЧЕЛОВЕК БЕЖИТ ПО СНЕГУ»

Когда вышло первое издание этой книги, некоторые из критиков охаяли ее. Это был «суд скорый», и, на мой взгляд, несправедливый.

Я не упрекаю критиков. Торопливость и резкость их суждений вполне объяснимы той ревнивой настороженностью, которая как нельзя более законна в наших условиях. Мы живем в окружении врагов, на всех нас непрерывно дышит ветерок прошлого и приносит с собой запахи той гнили, которая является продуктом разложения мира индивидуалистов, собственников.

Отвратительное лицо этого мира никогда еще не обнажалось с такой цинической и безумной ясностью, с какой обнажилось оно в наши дни на всех пунктах разрушительной и разлагающей деятельности всемирного мещанина: в Китае, Индии, в Америке, во всех парламентах Европы, в Лиге наций — учреждении, которое создано для того, чтобы прикрывать разбой красноречием, и которое занимается откровенным поощрением грабительства и разбоя. Продолжая болтать о «высших политических ценностях», разрывая могилы либеральных идей, придуманных мещанством для самозащиты, идей, которые были хорошим средством угашения разума чернорабочих, строителей буржуазной культуры — гуманисты на словах — на деле становятся все более свирепыми фашистами.

Недавно некий умник написал в поучение мне: фашизм действительно не содержит в себе ясно выраженных социальных идей, но он тоже преисполнен чувством протеста против насилия сверху, со стороны финансовой аристократии».

Именно так я и думаю о фашизме: это явление давно знакомо мне по описаниям быта царской каторги и равноценно бунту мелкой тюремной «шпаны», «кобылки», против «иванов», против матерых каторжников, которые не стеснялись ходить «по мокрому делу», т. е. резать людей за гроши. Обычно возбудителями бес-

плодных бунтов «кобылки» являлись сами же «иваны» в их междуусобной бойне за власть над «кобылкой».

Я совершенно не вижу различия между «иванами» каторги и современной промышленно-финансовой «аристократией», между «кобылкой» и мелкой буржуазией Европы, Америки — всего мира.

Корреспондент мой не совсем правильно указывает, что «фашизм не содержит в себе ясно выраженных идей». Нет, у «кобылки» есть идеи достаточно определенные, например: зоологический национализм, затем — антисемитизм, этот «социализм для дураков», как сказано Бебелем. Кроме того, недавно один из вождей немецких фашистов выдвинул еще одну весьма определенную идею; он сказал: «В Германии надобно вырезать по меньшей мере десять тысяч наиболее крупных коммунистов». Солидная идея, вполне достойная настоящего каторжника, и мне кажется, что я еще доживу до дня, когда этот лавочник попадет на каторгу.

Есть легенда о птице фениксе, которая будто бы рождается из пепла.

Фашизм родился, вероятно, из гнилой слизи отчаяния мелких лавочников, осужденных на гибель и капитализмом и социализмом. На мой взгляд, ничтожное количество «гениальных» грабителей мира не так опасно, как толстая прослойка мещанства между ними и пролетариатом. Мелкий мещанин физически ближе к рабочему и влияет на него непосредственно.

Тигры и удавы — очень сильные животные, но их не много, а крыс и мышей — миллионы, они пожирают огромное количество пищи рабочих и наносят убытки, исчисляемые сотнями миллионов. Существует мнение, что мыши способны распространять чуму. Может быть, это обвинение против мышей не доказано, но что мелкое мещанство служит вместилищем и распространителем гнусных идей, это не требует доказательств. Отравляющее дуновение этих идей у нас именуется «гнилым либерализмом».

Мещанин обладает замечательно тонко развитой способностью — «мимикрией», способностью подкраши-

вать и перекрашивать себя под цвет той обстановки, тех условий и требований, которые предъявляет к нему боевой день истории. Из чувства самосохранения и до удобного момента, когда снова можно будет возвратиться в «первобытное состояние», мещанин может надеть на морду свою даже личину коммуниста, но при этом его гнилая сердцевина останется неизменно мещанской, насквозь индивидуалистической. Этот бывший человек живет среди нас, живет, разлагается, дышит и отравляет воздух ядами своего разложения.

В Союзе Советов идет работа всемирного значения — строится первое на земле социалистическое общество. В Союзе Советов столкнулись в смертельной схватке древний, воспитанный веками индивидуализм с юным, но практически активным революционным социализмом. Происходит нечто подобное рассказанному в древней легенде единоборству юного пастуха Давида с великаном Голиафом, — Давид, свалив старого богатыря, отрубил ему голову. Нами, у себя дома, Голиаф капитализма тоже сбит с ног, но он еще жив, действует во всем мире, и хотя голова у него загнила, шея все-таки очень толстая. И его армия, — мещанство всех родов оружия, — не устает убеждать себя, что «все должно остаться таким, каким было всегда».

В этих условиях разрушения старого мира и создания нового у нас в Союзе развивается, растет социалистическая индивидуальность, растет она, героически напрягая все свои силы, дарования, таланты, растет в бурной атмосфере грандиозного практического дела. Она с трудом успевает вооружиться теорией в той степени, в которой это необходимо для полного слияния теории с практикой, и это недостаточное вооружение революционной теорией особенно заметно в нашей литературе. В области литературы даже и для того, чтобы немного сделать, нужно очень много знать. Наша литература работает в действительности, где старое от нового отграничено еще недостаточно резко, и эта действительность — текущая чрезвычайно быстро.

Для того чтобы изучить строение рыбы, ее надобно выловить из воды, и хотя «птицу видно по полету», но механизма ее крыльев на лету не поймешь.

Тем более трудно понять человека на бегу, а у нас он именно бежит к своей цели. Все это говорится для того, чтобы напомнить критике о необходимости более внимательного и углубленного отношения к литераторам. Критика весьма часто слишком торопится осудить и мало заботится о том, чтобы научить. Недостаточно сказать писателю: ты ошибаешься, нужно рассказать: почему именно ошибается он. Последнее делается редко, далеко не всегда вразумительно.

Задачи нашей критики гораздо труднее, чем та задача, которая решалась Белинским, Добролюбовым: они объясняли читателю-интеллигенту социально-политическое значение литературных произведений. Они обращались к тысячам людей, которые учились в одних и тех же гимназиях, семинариях, университетах, где учились критики, они говорили тем же литературным языком, которым писали Белинские.

Наша критика должна пропагандировать совершенно новое, не легко усвояемое и глубоко, всесторонне революционное понимание. Она обращается к многомиллионным массам рабочих и крестьян, — это обязывает ее выработать простой, ясный язык, легко доступный пониманию масс. Литераторы дворяне не требовали от критиков, чтобы они учили их литературной работе. Дореволюционные критики могли не считаться с трудностью положения писателя — крайней сложностью всех впечатлений, которые питают его и которые он пытается оформить, изобразить. В конечном счете задача нашей критики — всемерно помочь росту новой социалистической индивидуальности.

Книга П. Вагнера имеет на мой взгляд — двоякую ценность. Это — одна из тех неоспоримо полезных книг, которые рассказывают нам, как огромна страна Союза Сов[illegible]в, как она мало исследована, как много надо эти неисследованные места изучать.

Это объясняется не только ее обширностью, но и тем, что наша буржуазия была «ленива и не любопытна», как сказано о ней Пушкиным, даже ее корыстолюбие не обостряло ее любопытства. Политическая ссылка внесла в дело познания Сибири довольно много ценного, но все же укажу на такой факт: до Октябрьской революции в Колымском крае жили десятки ссыльных интеллигентов, но ни один из них не написал книги Вагнера, которая в легко усвояемой форме дает обширное и четкое представление об огромном крае, где со временем должны возникнуть фабрики и социалистические города.

И вообще кстати будет отметить, что в сибирской ссылке, на протяжении почти целого века, жили тысячи очень грамотных людей, — но Сибирь мы не знаем и солидных трудов о ней почти нет.

Октябрьская революция непрерывно обогащает нашу страну множеством людей активных и любознательных, какими следует быть подлинным хозяевам страны.

Затем книга Вагнера показывает нам «человека в пути». Этими словами автор совершенно правильно определил вторую ценность своего труда. Он показал «человека в пути» не только к познанию своей страны, но и к самопознанию. Его человек—в пути к развитию самой новой индивидуальности. Таких людей у нас тысячи и десятки тысяч. Путь их не легок, и задача нашей критики — облегчать, освещать, расширять его. Человек буржуазного общества всегда чувствовал себя человеком на короткое время, приблизительно — до внуков. Наш новый человек начинает чувствовать себя деятелем на века. Так и надо.

М. Горький.

Статью Алексея Максимовича мы перепечатываем из второго издания книги Н. П. Вагнера «Человек бежит по снегу», в которой она была напечатана в качестве предисловия.

И. А. Груздев в статье «Письма Горького в Сибирь» («Сиб. огни», № 1, 1947 г.) пишет:

«...на протяжении всей своей жизни Горький с большой радостью встречал каждую книгу, которая могла бы расширить знание о Сибири. Я помню, как, приехав в 1931 году из Сорренто, он при встрече со мной, сразу же оживленно заговорил о книге Н. Вагнера «Человек бежит по снегу», всячески одобряя и ее, и издательство. Тогда же он согласился написать предисловие ко 2-ому изданию.»

О КНИГЕ ИРКУТСКИХ ПИОНЕРОВ «БАЗА КУРНОСЫХ»

Передо мною изданная в Иркутске книга «База курносых», «Пионеры о себе».

«База курносых» — коллективная работа тридцати двух пионеров, мальчиков и девочек, возраста от 10 до 15 лет. Пятнадцатилетних — одна. Их «вожатый» 18 лет. Написали они два с половиной печатных листа по 56 тысяч знаков в листе. Книжка иллюстрирована... В коротеньком предисловии «К тем, которые будут читать» сказано: «Особенность нашей книжки в том, что в ней все правда. Из головы ничего не выдумывали. Такое решение было у нас».

«Правда» разбита на 60 слишком маленьких глав и говорит о школьной работе пионеров, описывает их отдых и экскурсию в Кузбасс.

«Почему мы, в основном, говорим об учебе?» — спрашивает юный коллектив и отвечает: «Решение ЦК партии о пионерах отразилось на базе. Нам дали хорошего вожатого, средства, стали к нам чаще заглядывать комсомольцы с фабрики, из райкома». 17 ребят были премированы поездкой в Новосибирск. Столица Западной Сибири описывается так: «Ну, и город же этот, Новосибирск, дома один другого красивее, улицы широкие, не то, что в Иркутске. Под конец пошли на площадку «Динамо», здесь у них — прекрасная водная станция, красивый клуб, только Обь нам не понравилась. Уж очень тихая — не поймешь, в какую сторону течет. Да и грязная, не то, что Ангара».

Вот приехали в Кузнецк-Сталинск: «Город еще только строится, но уже выделяется каменный квартал. Скоро во всем городе не останется ни одного барака, скоро здесь легко и быстро побегут трамваи». «Налево, около большой горы, кипит жизнь, сразу видно, что там большой завод. Четко выделяются две домны, немного дальше дымятся трубы электростанции. Там и тут видны дымки, должно быть, паровозов. Вот над заводом показалось облако пара. Нас очень заинтересовало, откуда оно могло взяться. Хоть и успокаивали девчата Петю, а все же он проснулся, и, как всегда, раньше, и ему пришлось всех будить.

— Да что вы ко мне привязались?

— Отдавайте подушку, я спать хочу.

— Эх, соня, а на завод не пойдешь?

— Что! На завод? Я сейчас.

И так с каждым. Не хочет вставать, да и точка, но стоило произнести магическое слово «завод», как моментально просыпается, да и как не проснуться, ведь мы пойдем сейчас смотреть один из гигантов пятилетки. Никто никогда еще не видал настоящей домны, мартена».

По широкому шоссе, которое ведет прямо к заводу, дружно и в ногу шагают пятнадцать загорелых ребят в красных галстуках.

«Еще около ворот нас оглушил шум, свистки паровозов, гул пробегающих поездов, какие-то звонки, выкрики людей. Ну, а когда зашли, то рты разевать не пришлось, а то еще попадешь куда-нибудь в яму или под электровоз.

Вот идет вожатая Галя, голова ее повернута вбок и немного наверх.

— Ой, ребята, какая красота, вот где работать интересно.

— Смотри-ка, смотри, вагонетка-то сама... — Хлоп! И Галя растянулась в известку, ладно, что в сухую.

— Ну, Галя, если ты так будешь засматриваться, то мы тебя больше никуда не пустим, — предупредила Клава, — а то свалишься еще в домну.

— Сейчас пойдем на коксовую батарею, — предупредил дядя Саша.

Небольшая узкая лесенка привела нас на коксовые печи.

— Уф, как жарко.

— Ай, у меня ботинки поджарились.

—Но и здесь тоже зевать не приходится.

Раздается звонок, мы быстро отскакиваем в сторону.

Рабочий открывает в полу несколько отверстий. Мимо проносится особая машина, которая называется угольным вагоном, останавливается как раз над отверстиями. Сейчас же раздается шум, из трубы валят дым и пламя. Стало еще жарче. Через две минуты опять звонок, и вагон едет назад. Отверстия сейчас же закрывают и замазывают глиной, чтобы воздух не проходил, а то весь кокс испортится.

— А теперь, ребята, сюда, — и мы вслед за руководом подошли к краю батареи. В это время внизу электровоз подтянул «тележку» длиной около 8 метров, а с другой стороны подъезжает огромная машина, открывает дверку печи, а эта «дверка» во много раз больше человеческого роста и железной рукой выталкивает горячий кокс в тележку электровоза. Сплошная огненная лавина падает туда.

Электровоз быстро повез заливать кокс. Недалеко от батареи поднялось белое облако пара, поразившее нас еще на станции и вызвавшее столько споров. Теперь мы знаем его историю, — это заливают кокс.

Посмотрев на этот завод, приняли практическое решение: «Приедем в Иркутск, соберем как можно больше железного лома и напишем обращение ко всем пионерам и школьникам нашего края через «Восточно-сибирский комсомолец».

— А мы, — подхватил секретарь, — из первой стали что-нибудь отольем и пошлем вам.

— И будем переписываться.

— Даешь крепкую связь!!!
По дороге домой сочинили песню:

«Путь впереди — лентой проведенный,
Сердце в груди — как уголь раскаленный и т. д.».

В этой маленькой книжке рассказано очень много. На двух с половиной листах ребята исхитрились дать веселый очерк своей жизни в школе и в семье, причем семье отведено места значительно меньше, чем школе. Между прочим, в ней есть глава «А писатели...» и в этой главе рассказано такое:

«К нам в лагеря хотели приехать писатели. Мы ждали их с радостью, — ведь как же, к нам приедут сибирские писатели. Мы готовили стихи, убирали общежития, подметали дворы, писали плакаты и т. д. Вот подходит день приезда писателей. Ждем — не дождемся! Нет, не приехали писатели. А может, завтра приедут?! Вот, смотрим, подъезжает к лагерю машина.

— Ура, писатели! Ура! — выкрикивали ребята со всех сторон. Смотрим, машина приехала за известкой. Большое огорчение было у ребят. Ну, может, завтра приедут, — думали ребята. Машины нет, наверное, в городе, да и дорога плохая. Ну, ладно «завтра».

Строимся на обед. Вдруг, смотрим, едет легковая машина. «Писатели», — проходит с одного конца линейки на другой.

— Ну, да, писатели!

Ребята срываются с мест и бегут к машине. Все вожатые вместе с Галей кричат: «Стройтесь!»

Но ребята не слушают их и бегут. Вот окружили машину, дальше нет хода машине. Тогда выходят из машины мамаша с папашей, да такие важные.

— Ну, и писатели! Так и не приехали к нам в лагерь. Зря была радость ребят».

Разумеется «ничего особенного», но — нехорошо... Если сибирские писатели, прочитав этот, очень мягкий упрек детей, постыдятся, я могу сказать им, что писатели московские относятся к пионерам так же небрежно

и обидно. Это я говорю не для того, чтобы утешить сибиряков.

Кажется, эта книжка — первая попытка пионеров рассказать о себе. И — на мой взгляд — особенно ценно, что попытка коллективной работы в области индивидуально ограниченной не скрыла, не стерла своеобразия некоторых авторов. Говорить о даровитости их — преждевременно, а талантливость всего коллектива — неоспорима. И — мне кажется — следует всячески приветствовать эту интереснейшую попытку самостоятельной «литературной учебы» литкружка Иркутской 6-й ФЗД.

Я уверен, что мы научимся очень хорошо работать, если поймем значение коллективной работы познания, а также изображения крайне сложных явлений нашей жизни, изучая эти явления коллективно, при наличии искренней, дружеской взаимопомощи и, затем, организуя приобретенный опыт индивидуально, в образах, картинах, в романах, рассказах.

Взято из статьи «Мальчики и девочки», опубликованной в «Правде» 8 августа 1934 г.

ПИОНЕРСКОМУ ЛИТКРУЖКУ VI ФЗД В ИРКУТСКЕ

Получил и прочитал вашу книжку «База курносых». Очень интересная книжка, ребята.

Разумеется, это еще не литература, а только приближение к ней, приближение очень издалека. Я не буду говорить о способности к литературному труду каждого из тех авторов, имена которых вы опубликовали. Говорить об этом преждевременно и может оказаться вредным для вас. Заболеете, как взрослые, от литературы хвастовством друг перед другом, начнете говорить один другому:

«Меня Горький больше похвалил, а тебя меньше».

Явится зависть, перессоритесь. Разве это нужно? Нужно учиться писать о людях и жизни так, чтобы каж-

доё слово пело, светилось, чтобы лишних слов в фразе не было, чтобы каждая фраза совершенно точно и живо изображала читателю именно то, что вы хотите показать. Есть очень серьезная разница между умением показывать и рассказывать. Разница эта для вас пока еще неуловима, объяснить вам ее крайне трудно. Вы поймете ее тогда, когда накопите больше разнообразных впечатлений, необходимого для литераторов запаса слов.

Соня Животовская и Грина Ляуфман, оба Шаракшенэ, Алла Каминина, Аня Хороших, Ада Розенберг, Тома Гуркина, Кожевина, Гудинна, Ара Манжелес, Ростовщикова, Персиков, Рафа Буйгишвили, Женя Безуглова — все пишут разговорным языком, почти совсем не показывая лиц, фигур, жестов, различия характеров, настроения, места действия. Этому необходимо учиться. Аре Манжелес необходимо учиться рисовать. Я думаю, что у нее хорошая способность к этой работе.

Я говорю с вами так серьезно и требовательно, как со взрослыми. Я, ведь, тоже начал писать лет двенадцати, но я жил в других условиях, учить меня некому было, времени для учебы я очень мало имел. Писал я много прозы, стихов. Понял, что литература мое дело, тогда, когда мне было почти 30 лет.

Для вас отцы ваши завоевали власть над страной, для вас партия Ленина, советская власть организуют бесклассовое общество людей социально равных, непрерывно обогащают огромную нашу Родину. Вы будете жить легко, счастливо. Страна Союза социалистических советов изумительно урожайна на талантливых людей, потому что всем людям труда дана свобода развития их талантов. Там, где труд свободен, он должен быть честным, превращаться в искусство.

Вам надо усвоить, что в нашей стране нет мелких и великих дел. Всякое дело, всякая работа — великое дело строительства первого в мире, небывалого государства — Родины всех трудящихся, без различия племен и языков.

Очень радостно видеть, что ваш коллектив такой разноплеменнопестрый. Очень хочется верить, что чем

дальше, тем больше, крепче будет связывать вас в единую творческую силу дружная работа самовоспитания.

Будьте здоровы, ребята. Живите дружно, уважайте друг друга.

Пишите мне.

М. Горький.

Первое издание книги иркутских пионеров «База курносых» вышло из печати в 1931 г., в Восточно-Сибирском краевом издательстве в г. Иркутске. Книга была послана Алексею Максимовичу, он откликнулся на нее письмом, которое мы привели выше. Авторы книги выступали с приветствием на первом Всесоюзном съезде советских писателей, состоявшемся в августе 1931 г. в Москве, и были приняты Алексеем Максимовичем на его даче в Горках.

В 1935 г. Восточно-Сибирское издательство выпустило «Базу курносых» вторым изданием, предпослав ей в виде предисловия письмо Алексея Максимовича Горького.

Книга иллюстрирована рисунками пионерки Ары Манжелее.

ИВАНУ ШУХОВУ

1

Вы написали очень хорошую книгу, это — неоспоримо. Читая «Горькую линию», получаешь впечатление, что автор — человек даровитый, к делу своему относится вполне серьезно, будучи казаком, находит в себе достаточно смелости и свободы для того, чтоб изображать казаков с беспощадной и правдивой суровостью, вполне заслуженной ими. Вам — 25 лет, пишете вы о том, что видели когда вам было 12 и, разумеется, вы не могли видеть всего, что изображается вами. Но когда читаешь вашу книгу — чувствуешь, что вы — как будто — были непосредственным зрителем и участником всех событий, изображаемых вами, что вы — как бы — подслушали все мысли, поняли все чувствования всех ваших героев. Вот это и есть подлинное, настоящее искусство изображения жизни силою слова. Пишете вы — на мой взгляд — в достаточной мере технически умело, фраза у вас простая, четкая и все слова почти всегда

стоят на своем месте, не мешая читателю понимать и даже видеть все то, что вы изображаете.

«Почти всегда» — говорю я, это значит, что — не всегда. Порою, в поисках наибольшей яркости, а может быть и по небрежности, вы допускаете кое-какие промахи и даже нелепости. Например: на 1-й стр. «некрящийся свист», — не говоря о том, что слова эти, поставленные рядом, звучат плохо, они дают и неверное представление: свист — не смех, он не «искрится», это звук непрерывный, режущий ухо, металлический, он пронизывает воздух как длинная острейшая игла. «Облако, похожее на беркута» — напоминает слово Треплева, одного из героев «Чайки» Чехова. «Полыхали заревом глаза озер» — это возможно видеть только с огромной высоты. «Ноздреватым яром в легком пляске кружились вихрастые, раскостые земляники» — это чепуха, непонятный набор слов. «Костистый творог» — тоже нелепица, такая же как крупчатое молоко, или рассыпчатое масло. «Колокольные кресты» — что это значит? Сказали бы проще и точнее — кресты колоколен. «Оприколенные кони» — это тоже очень плохо.

В чистом и широком потоке вашего языка такие обмолвки и фокусы выделяются крайне резко и раздражают своей неуместностью, фальшью. Я рассматриваю ваше дело, вашу работу не с точки зрения мещанского, рафинированного эстетизма, а под углом той законной эстетики, в основе которой лежит биологическое стремление живого организма к совершенству формы, а язык есть — живой организм. Чем более экономно, точно, ярко вы изобразите словами явления социальной жизни — тем более убедительной будет социальная педагогика вашей книги. Цель у вас — отличная, формулируете вы ее совершенно правильно: «показать рост классовой дефференциации — расслоения — в казачестве, показать, как национальная борьба перешла в классовую, социально-революционную» — это не легкое и строгое дело! Судя по началу, по первой книге «Горькой линии» вы должны бы достичь вашей цели с полным успехом. А поэтому — долой все словесные ухищрения,

фокусы, затейливые красивости! Пишите строже, проще, вы это умеете.

«Садвокас отбросил повод и, растопырив руки крыльями, выпорхнул из седла. Конь всхрапнул, сел на задние ноги и попятился». Это я, читатель, вижу. Но, литератор — я не сказал бы «растопырил руки», растопыривать — медленное движение, я бы сказал: взмахнул, точно крыльями. Затем: если конь осел на задние ноги, так он уже едва ли мог попятиться в тот же момент, когда вся тяжесть его тела опиралась на эти задние ноги.

Следите за собой, за своим пером; иногда бывает, что оно пишет механически. Ну, вот, я наговорил вам достаточно. Пришли лекаря лечить меня. Хотелось бы повидаться с вами. Телефон мой 3-17-09. Позвоните, если хочется, и сговоримся о часе свидания.

Жму руку.

М. Горький.

2

Очень хотелось бы помочь вам и, разумеется, буду искать квартиру, но не надеюсь, что это удастся скоро. Странно поступил Оргком по отношению к вам, я этим «дельцем» займусь. В равном с вами положении находится добрый десяток литераторов, тоже заслуживающих серьезнейшего внимания и летом совершенно необходимо построить дом для вас, о чем уже хлопочу.

Начал читать «Поединок», по началу — весьма нравится: густо, просто, ясно.

Приветствую.

А. Пешков.

3

Товарищ Шухов,

я прочитал вашу рукопись и вот каково мое впечатление:

вы можете писать очень хорошо: разумеется об этом я знал уже по «Горькой линии», по «Ненависти».

«Поединок» убеждает меня, что этой книгой вы могли бы сделать весьма крупный шаг вперед от первых двух книг, «перекрыть» их. Могли бы, но — не сделали.

Посмотрите, как хорошо, уверенно и крепко сделаны вами: начало «Поединка», опубликованная в «Переломе» сцена Дыбина и близнецов, как ярко даны Любка, гармонист, Азаров, Шмурыгин и еще многое.

Но сцена Дыбина — близнецов повторена в сцене Боброва — Канахина, беседа человека с собакой тоже повторена — а это признак невнимания к материалу или усталости и небрежности. Повторений — много, еще больше ненужных длиннот: длинна беседа Боброва — Татарникова, речь Тургаева, заседание и т. д. А вообще чувствуется торопливость, которая портит повесть. Портит ее и то, что вы постоянно прерываете последовательность развития событий описаниями, — при этом многословными, — фактов прошлого времени. Все время читатель, сделав шаг вперед, принуждается вами возвращаться за версту назад. Этим вы разрушаете сложившееся впечатление читателя.

Обратите внимание на стр. 70, 129—130, 160 и последние стр. рукописи, все это требует сокращений, переработки, разработки.

Если вы напечатаете повесть в том виде, какова она есть, — вы ее погубите, а переработав — дадите ценную книгу, — в последнем я убежден.

Очень советую: не торопитесь печатать. Если вам нужны деньги—возьмите у меня. Я немедля начну хлопотать о квартире для вас.

Вам следует работать над собой много и серьезно, у вас хорошее, здоровое, революционное дарование, его необходимо расширить, углубить.

Кармацкая — шаблонна, ей следует придать еще какие-то черты своеобразия. Некоторые фигуры,—напр. Катюша, — являются неожиданно, неопределенно, некоторым, — напр. Тузику, — отведено слишком много места. Сцена Тузика — Гермогена повторяет сцену Боб-

рова — Татарникова. Вообще повесть хаотична и ясно видишь, что автор не разобрался в материале, недостаточно внимательно и логично распределил его.

Извините непрошенную критику и примите искреннее пожелание успеха в работе над повестью.

Жму руку

М. Горький.

3 III. 34.

Первое и второе письма Горького Исаю Шухову не датированы. Роман «Горькая линия», о котором идет речь в первом письме, вышел первым изданием в 1931 году. Кроме романа «Горькая линия», Алексей Максимович высоко ценил роман Шухова «Ненависть», о коллективизации в сибирской казачьей станице. В речи на пленуме правления Союза советских писателей (7 марта 1935 г.) Горький говорил: «Должен указать одно, что несмотря на обилие докладов и остроту дискуссии,—и критики, и литераторы обнаружили все-таки недостаточное знакомство с современной литературой, не назвали целого ряда книг, которые заслуживают внимания критики—должны заслужить, — которые прошли незамеченно... Говорили о двух основных произведениях на тему колхоза—о произведении Шолохова и о произведении Панферова. Конечно—это основные произведения, — кто это будет отрицать, но есть третье—Шухова «Ненависть», тоже очень значительное произведение».

КРАЕВОМУ СЪЕЗДУ КОЛХОЗНИКОВ-УДАРНИКОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Большой привет съезду лучших колхозных хозяев сибирской земли. Великая это радость — строить прекрасную, ладную жизнь на колхозной земле. Особенно радостно строить счастливую жизнь вам, колхозникам-сибирякам. Была раньше Сибирь каторжная, необъятный край необъятного горя, край кандалов и смертей. Сейчас есть обновленная колхозная земля — Сибирь советская, край социалистического созидания. Хотел бы побывать у вас на съезде, поглядеть на вас, послушать ваши речи, пожать вам руки. Но нет у меня сейчас такой возможности. Еще раз горячий привет вам, дорогие товарищи!

Максим Горький.

Март 1935 г.

Краевой съезд колхозников-ударников Западной Сибири открылся 16 марта 1935 г. Приветственная телеграмма от А. М. Горького съезду была получена 17 марта. (Напечатана в «Советской Сибири» за 18 марта). 18 марта съезд послал Алексею Максимовичу следующее приветствие:

«Дорогой Алексей Максимович!

Третий краевой съезд колхозников-ударников шлет тебе, великому революционному писателю, пламенный привет.

Глубоко тронуты твоим приветствием. Оно взволновало каждого из нас. Твои великие художественные сочинения ярко рассказывают нам правду о мраке и нищете, о рабском уделе крестьянства при царизме. И тем радостнее для нас теперешняя наша жизнь, жизнь колхозная на обновленной колхозной земле. Твои произведения, полные огня и энтузиазма, исполненные великой верой в будущее и жгучим призывом к борьбе—вдохновляют нас, учат горячо и беззаветно любить нашу славную Родину, нашу коммунистическую партию, нашего родного великого Сталина.

Обещаем тебе, дорогой Алексей Максимович, еще упорнее, еще сильнее бороться за новые успехи колхозов Западной Сибири, за радостную, обильную и культурную жизнь. Сталинский Устав колхозной жизни воодушевляет нас, указывает нам путь к новым победам.

От всего сердца желаем тебе, Алексей Максимович, доброго здоровья, чтобы твой могучий голос буревестника революции еще многие годы гремел над всем миром».

Приветствие съезда Горькому было напечатано в «Советской Сибири» 20 марта 1935 г.

АВТОРАМ ПОВЕСТИ «АТАМАН ПУЗЫРЬ»

Ребята! Книжку вашу получил, прочитал; за посвящение ее мне — спасибо, ребята. Книжка читается с большим интересом, но была бы еще интересней, если бы вы дали рукопись проредактировать какому-нибудь опытному литератору или же прислали ее мне.

В книжке есть кое-какие промахи в распределении материала и есть ошибки языка, разумеется, я не намерен укорять вас за это. Я говорю это потому только, что материал высокоценный, и он требует более заботливого отношения к нему, более яркого освещения.

Материал ваш значителен своей новизною, оригинальностью. За всю историю человечества никогда, нигде в мире не было власти, которая ставила бы целью работы своей воспитать весь трудовой народ, указать ему пути к созданию новых условий жизни и

труда к созданию новой, социалистической культуры. Такую задачу впервые поставила перед собой власть всей массы трудового народа, возглавляемая партией гениального Ленина. Конечно, особенно трудно воспитывать молодежь — бесшабашников, правонарушителей. Однако, чекистам, агентам ГПУ удается достигать в этой работе отличных успехов, — это я хорошо знаю по работе ГПУ в концлагерях, в колониях, коммунах, видел по таким фикам, как ваша книжка, как журнал «На штурм трассы», «Перековка» и другие издания.

Недостаток вашей книжки в том, что вы слабовато отметили работу воспитателей над вами — «материалом» воспитания. С каким бы материалом люди ни работали, — он их всегда тоже воспитывает. Вы также слабо отметили ваше влияние на воспитателей, на изменение ими работы с вами, отношения к вам. Учителя не только учат, но и сами учатся понимать школьников, будущих учителей, писателей, врачей, литераторов.

Я говорю: «Вы слабо отметили». Но вы все-таки отметили, стало быть, поняли значение взаимного влияния людей друг на друга.

Ну, ладно! Особенно много философствовать не к чему. Книжка-то, повторяю, все-таки интересная.

Очень советую вам, ребята, — не бросайте это дело и пишите, учитесь писать.

Заведите-ка дневник и пишите изо дня в день все, что взволнует, поразит вас, о чем и как подумаете за день. Такой дневник поможет вам научиться писать бойко и успешно и будет заготовкой материала впрок.

Желаю вам всего доброго, успехов в работе, крепкой дружбы.

М. Горький.

Напомню, чтоб вам прислали комплект журнала, «На штурм трассы», — издается он в Дмитлаге на строительстве замечательного канала Волга-Москва.

М. Г

15 [illegible] 1935 г.

Первое издание повести «Атаман Пузырь», написанной воспитанниками Томской трудовой коммуны НКВД Бор. Ирьинским, Ер. Дульневым и В. Корневым, вышло в г. Томске в 1935 г. Книга была набрана, отпечатана и сброшюрована самими авторами, бывшими беспризорниками и «правонарушителями». Тираж ее был всего 1000 экз. Вторым изданием повесть «Атаман Пузырь» выпустило Западно-Сибирское краевое издательство в 1936 г. после исправления некоторых литературных погрешностей.

УЧАЩИМСЯ ИРКУТСКОЙ ШКОЛЫ ИМ. МАКСИМА ГОРЬКОГО

Рассказывали мне о том, какие хорошие школы строятся у вас, на востоке Сибири, рассказывали, как вы учитесь и как много среди вас даровитых человечков.

Особенно приятно знать, что учитесь вы усердно, с любовью. Так и надобно, ребята, науку надо любить — у людей нет силы более мощной и победоносной, чем наука. Великими мучениями заплатил трудовой народ земли за свою безграмотность и малограмотность. Ваши отцы, вырвав власть из рук грабителей мира, открыли перед вами широкий путь на высоту, достигнутую наукой, и на вас возложена обязанность продолжать всемирное дело отцов. 18 лет их мужественной работы, героического напряжения сил показывают вам, какие чудеса способен, — при помощи науки, — делать пролетариат, хозяин страны. Это еще только начало работы создания нового, небывалого государства, начало строительства социалистического мира.

Нам нужны сотни тысяч врачей, учителей, инженеров, музыкантов, актеров, поэтов, романистов и т. д., нужна армия людей, которые занялись бы поисками и разработкой сокровищ, лежащих в недрах нашей земли. В нашем государстве не должно быть насекомых, опасных для здоровья людей, сорных трав, истощающих соки земли, вредителей лесов и хлебных злаков. Мы должны всю землю нашу обработать как сад, осушить болота, снабдить водой безводные пустыни, ка-

нализировать и углубить реки, построить миллионы километров дорог, вычистить огромные наши леса. В нашей стране не должно быть места саранче, пожирающей хлеб, комарам, которые прививают людям лихорадки, мухам, распространяющим болезни, насекомым, истязающим домашний скот. Крысы и мыши — паразиты — приносят нам убытков на сотни миллионов рублей, так же, как и вредны ваши: кроты, суслики и полевки. Это, разумеется, еще не все, есть еще много разнообразной, веселой работы по строительству первого подлинно культурного социалистического государства, эта работа ждет вас, и она требует широких научных знаний.

Вот какие цели стоят перед вами, а в государствах буржуазии фашисты — рабы и лакеи богачей — кричат: довольно культуры, назад к средневековью, к вере в бога и чорта, довольно техники, назад к ручному труду! Эти крики — крики людей, одичавших от страха перед их неизбежной гибелью. Они погибают, и они чувствуют: ничто и никто не спасет их от гибели.

Много разных мерзостей творят издыхающие грабители земли.

Ребята, все это вы должны знать! Все, что было вчера и делается сегодня, должно быть известно вам, ибо вы призваны историей продолжать дела отцов ваших не только в своей стране, но и во всем мире.

Письмо было опубликовано в журнале «Пионер» № 6 за 1936 г.

ПИОНЕРАМ И ШКОЛЬНИКАМ ИГАРКИ!

Сердечный привет вам, будущие доктора, инженеры, танкисты, полит. летчики, педагоги, артисты, изобретатели, геологи!

Хорошее письмо прислали вы. Богато светятся в простых и ясных словах его ваша бодрость и ясность сознания вами путей к высочайшей цели жизни, путей к цели, которую поставили перед вами и перед

всем трудовым народом мира ваши отцы и деды. Едва ли где-нибудь на земле есть дети, которые живут в таких же суровых условиях природы, в каких вы живете, едва ли где-нибудь возможны дети такие, как вы, но будущей вашей работой вы сделаете всех детей земли столь же гордыми смельчаками.

Вы пишете: «живем сейчас, когда нам не светит солнце, только три часа мы видим дневной свет, остальное время полярная ночь, морозы, пурга». Но, вот, и во тьме полярной ночи ярко горит солнце человеческого разума, силой которого уничтожена цынга, еще недавно обычная болезнь дальнего севера, силою разума на земле, окованной вечной мерзлотой, обильно родятся овощи, развернуто скотоводство. Все это было бы невозможно до Ленинской революции, в ту пору, когда право на широкую грамотность, на развитие разума было во власти класса помещиков, фабрикантов, лавочников.

...Большие, изумительные радости ждут вас, ребята! Через несколько лет, когда, воспитанные суровой природой, вы, железные комсомольцы, пойдете на работу строительства и на дальнейшую учебу, перед вами развернутся разнообразнейшие красоты великой нашей страны, увидите Алтай, Памир, Урал, Кавказ, поля пшеницы, размером в тысячи гектаров, гигантские фабрики, заводы, колоссальные электростанции, хлопковые плантации Средней Азии, виноградники Крыма, свекловичные поля, фабрики сахара, удивительные города: Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Тифлис, Эривань, Ташкент; столицы маленьких братских республик — например, Чувашии, столицы, которые до революции очень мало отличались от простых сел.

У вас — снег, морозы, вьюга, а вот я живу в Крыму, на берегу Черного моря. Сегодня — 13 января — первый раз в этом году посыпался бедненький, редкий снежок, но тотчас же конфузливо растаял. Весь декабрь и до вчерашнего дня светило солнце с восьми часов утра почти до половины шестого вечера. Зимуют чижи, щеглы, зяблики, синицы, весна начи-

нается со второй половины февраля, осень—с половины октября.

До революции в Крыму жил царь с его родственниками, придворная знать, миллионеры, купцы, — теперь во дворце царском Дом отдыха для крестьян, и весь южный берег Крыма, все дворцы богачей превращены в дома отдыха, в санатории. Есть и лагерь пионеров Артек. Много прекрасного в стране Союза Социалистических советов, и оно все растет. Все это — ваше хозяйство.

И, разумеется, для того, чтобы умело владеть им, чтобы развивать его все шире, — необходимо, ребята, учиться много, серьезно, честно. Всякая работа в нашей стране — работа всех для каждого и каждого для всех, кроме этого — работа в пример всему трудовому народу Земли. Надо воспитать, развивать в себе любовь к учебе, чтобы учеба была приятна, как игра.

Мозг — способность познания — воспитывается упражнением, тренировкой так же, как мускулы. Машина постепенно стирает различие между физическим и умственным трудом, но для того, чтобы сделать хорошие машины, облегчающие труд, необходимо усерднейше заботиться о развитии разума.

Бесполезных знаний — нет. Поэтому я очень одобряю ваше желание написать книжку о пионерах Запорья. В работе над этой книжкой вы кое-чему научитесь, а если книжка будет удачна — научите и других. Действуйте смелее, помня, что Пушкин, Лермонтов, Некрасов начинали писать стихи в вашем возрасте, причем у Некрасова стихи имели такой вид:

«Любезна маменька, примите
Сей слабый труд и рассмотрите,
Годится ли куда-нибудь.»

Как видите — это даже и не стихи. Но, действуя смело, не забывайте, что вашу книжку будут читать тысячи детей Союза, да, пожалуй, и за границу перескочит она. Стало быть, от вас требуется серьезное отношение к делу создания этой книжки.

Я советовал бы вам организовать дело так. сначала — отобрать из школьных лит. кружков тех ребят, которые уже заявили о своей способности хорошо писать прозу или стихи, коллективно выработать план книжки и выбрать из них редакцию 5—7 человек.

Мне кажется, план должен быть таков:

Первая глава: Физические условия Игарки: пейзаж, почва, климат, растительность, очерки зимы, весны, лета, осени. Это необходимо написать, ибо вы живете в условиях исключительных, ребятам Союза незнакомых. А писать надобно так, как будто вы рассказываете об условиях вашей жизни особенно близким друзьям своим, например, товарищу Сталину.

Вторая глава: Жизнь в семье, работа в школах, т. е. учеба, товарищеские отношения, хорошее и плохое в этих отношениях, борьба против плохого

Третья: Игры, развлечения, склонности, т. е. кого куда тянет: к технике, т. е. изобретательности, к музыке, рисованию, поэзии и т. д.

Четвертая: Героические и смешные случаи жизни: посмеяться над собой — не бойтесь, самокритика так же необходима, как необходимо умываться

Пятая: Рост города, расширение работ, впечатление, которое вызывают у вас команды иностранных судов и прочее.

Это, конечно, только набросок плана, набросок, сделанный человеком, который разнообразия условий вашей жизни не знает, и вы, разумеется, можете совсем не считаться с этим наброском.

Мне думается, что каждую главу должна писать определенная группа и что всю работу следует делать коллективно.

Когда рукопись будет готова — пришлите ее мне, а я и Маршак, прочитав ее, возвратим вам, указав что — ладно и что — неладно и требует исправления

Ребятам с Диксона и с зимовки Черной обязательно дайте место в книжке вашей.

Ну, вот я кончил. Письмо вышло длиннее вашего.

Будьте здоровы, милые ребята, будьте здоровы, дорогие мои.

М. Горький.

В декабре 1935 года у пионеров молодого сибирского заполярного города Игарки возникла замечательная мысль—написать коллективную книгу о своей жизни, учебе, о новом городе. За советом и помощью они решили обратиться к Алексею Максимовичу Горькому. Они написали ему следующее письмо:

«Дорогой Алексей Максимович!

Это письмо пишут вам две тысячи пионеров и школьников заполярного города Игарки. Мы шлем Вам, нашему любимому, дорогому писателю, горячий привет!

Алексей Максимович! Сейчас нам не светит солнце. Только часа три мы видим дневной свет. Остальное время—полярная ночь, частые морозы и пурги. Но жизнь у нас, Алексей Максимович, не мрачная, а радостная, хорошая.

Вот часто о нашем городе говорят: «Игарка—это далеко и жить там плохо». Это верно, что Игарка далеко. От Москвы до Игарки 6 тысяч километров. Но неверно, что жить в нашем городе плохо.

Когда говорят о Севере, обязательно цынгу вспоминают. Нет, у нас в Игарке о цынге никто и не думает. Нет ее в Игарке потому, что продуктов много: хлеба, масла, молока, овощей.

Мы живем культурно и весело! У нас есть звуковой кинотеатр, клубы, библиотека.

Мы—ученики пяти школ—вместе со всем городом живем весело, бодро, хорошо.

Наши дни заполнены учебой, кружковой работой, катанием на коньках и лыжах.

В нашем городе выходит раз в пять дней детская газета «Пионер Заполярья». Недавно в ней были напечатаны наши письма: «Кем мы хотим быть?».

Двести пионеров и школьников на этот вопрос ответили:

—Докторами, танкистами, летчиками, артистами, изобретателями, педагогами, писателями, поэтами, математиками.

И к этому мы стремимся — овладеваем основами наук, готовимся быть полноценными гражданами нашей прекрасной Родины.

Сейчас мы усиленно готовимся к первой детской олимпиаде художественной самодеятельности в Заполярье.

700 школьников готовят пляски, пение, художественное чтение. На олимпиаде будет петь хор в 150 человек, играть струн-

ный оркестр в 50 человек, джаз-оркестр и будут показаны массовые пирамиды с движениями.

Все условия для хорошей, полной веселья и серьезной учебы, жизни для нас, детей Заполярья, создали партия, советская власть и наш любимый вождь—товарищ Сталин.

Хорошо и радостно живут ребята в Заполярье. Спасибо за хорошую жизнь товарищу Сталину, спасибо Молотову, Ворошилову, Калинину, спасибо всей коммунистической партии и советской власти.

Алексей Максимович!

Мы обращаемся к Вам с большой просьбой. У нас у всех большое желание написать книжку о том как мы живем и учимся за Полярным кругом.

Мы очень просили бы Вас посоветовать нам, как лучше писать книжку. Может быть, написать по примеру иркутских пионеров, авторов «Базы курносых»?

Как лучше распределить писание глав: между отдельными участниками литературной бригады или целыми литературными кружками?

А может быть, Алексей Максимович, включить в нашу книгу и главы о жизни ребят острова Диксон, зимовки Черной? Хорошо ли это будет?

Вот мы решили написать книжку о всех школах Игарки, а может лучше написать об одной? Посоветуйте нам.

Мы будем все очень рады, если Вы нам ответите на наше письмо, дорогой Алексей Максимович!

Мы шлем Вам горячий привет! Ребята Заполярья желают Вам здоровья, дорогой Максим Горький!»

Письмо подписали: Шевляков, Жилин, Миррер, Цехин, Зубкова, Калачинский, Коробко, Дардаев и др.

Вспоминая о тех днях, когда составлялось это письмо, руководитель авторского коллектива Анатолий Климов писал:

«По строчкам, по отдельным словам собиралось письмо к великому писателю. Обсуждали его чуть ли не все ребята Игарки».

15 декабря 1935 года письмо было передано по радио в Тессели (Крым), где в ту зиму жил великий писатель. 13 января 1936 года радио принесло игарским ребятам ответ Алексея Максимовича.

Книга игарских пионеров —«Мы из Игарки»—вышла уже после смерти Горького. Ее выпустил Детиздат ЦК ВЛКСМ в 1938 году. Из этой книги мы и перепечатываем письмо А. М. Горького.

В. НАУМОВОЙ-ШИРОКИХ

Примите, уважаемая, искреннюю мою благодарность за сведения, сообщенные вами.

Весьма заинтересован намерением вашим написать мемуары. Это было бы крайне хорошо, ибо о Сибири, о ее общественной жизни «русские» — мало знают. Да и знали мало, не взирая на то, что самодержавие обильно выгоняло в Сибирь людей грамотных. Но и они оказались «ленивы, не любопытны». Если решение ваше обработать материалы отца — твердо, можно устроить вам, так называемый, «творческий отпуск» и снабдить средствами для работы.

Она была бы особенно ценной, если б, не ограничиваясь архивом Наумова, вы дали характеристику сепаративных настроений сибиряков, осветили фигуры Потанина, Головачева, Ядринцева и др. Ваш отец, кажется, переписывался с Омулевским, Петропавловским-Кариниым, знавал Щапова?

Может быть вы подумаете о предложении моем?

Желаю вам доброго здоровья и еще раз — спасибо.

М. Горький.

Вера Николаевна Наумова-Широких—научный работник, дочь известного писателя, сибиряка Николая Ивановича Наумова. Живет в г. Томске, работает директором библиотеки Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева.

Публикуемое выше письмо Алексея Максимовича В. Н. Наумова-Широких снабдила следующим примечанием:

«Настоящее письмо не имеет числовой даты, но оно было мной получено в конце января или самых первых числах февраля 1936 г. (даты на конверте письма нельзя различить). Письмо является ответом на посланные мною Алексею Максимовичу копии текста страниц и фотоснимки с интересовавших его старинных итальянских изданий на латинском языке—мемуаров семьи Борджиа.

В моем письменном сообщении при этих материалах я написала Горькому о имеющихся у меня семейных сибиреведческих материалах, которые могут быть мемуарно обработаны, и спрашивала его мнения о значимости этой работы.

На письмо Алексея Максимовича я срочно ответила по его адресу: Крым, Форос, Тессели, но уже по роковой его болезни ответа не последовало. Я думаю, что это именно так потому, что Алексей Максимович был идеально точен и аккуратен в своих ответах, тем более, как видно из текста письма, Горький мог ожидать ответа на свое, такое дорогое и ценное для меня, предложение».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Горький и Сибирь	3
Письма Горького в Сибирь	43
В. И. Анучину.	43
Г. Д. Гребенщикову.	71
В. А. Карчевскому.	79
Вс. Вяч. Иванову.	81
Редакции журнала «Сибирь».	87
В. Я. Шишкову.	87
В. К. Арсеньеву.	90
М. И. Осиповой-Борисовой.	95
К. Т. Орлову.	96
Редакции журнала «Сибирские Огни».	98
Первому съезду литераторов Сибири.	101
О книге Ивана Тачалова «Мрачная повесть».	104
М. А. Никитину.	108
О Викторине Арефьеве.	109
Е. Н. Пермитину.	111
Редакции журнала «Будущая Сибирь».	113
Н. В. Чертовой.	116
Н. Чертовой	118
Нине Емельяновой.	120
Алданским золоторазведчикам.	123
О книге Н. Вагнера «Человек бежит по снегу».	129
О книге иркутских пионеров «База курносых»	134
Пионерскому лит. кружку VI ФЗД в Иркутске.	138
Ивану Шухову.	140
Краевому съезду колхозников-ударников Западной Сибири.	144
Авторам повести «Атаман Пузырь».	145
Учащимся Иркутской школы им. Максима Горького.	147
Пионерам и школьникам Игарки.	148
В. Наумовой-Широких.	154

Цена 7 р. 50 к.